

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОВРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ, ЗАГАДКИ, ПРИСЛОВЬЯ И ПРИТЧИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА

1885

СКАЗАНИЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОБРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ, ЗАГАДКИ, ПРИСЛОВЬЯ И ПРИТЧИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1885

Иванъ Петровичъ Сахаровъ, знаменитый археологъ, собиратель пѣсенъ, народныхъ вѣрованій, преданій и обычаевъ, родился въ 1807 г. въ гор. Тулѣ, въ семьѣ священника. Онъ воспитывался въ мѣстной семинаріи и потомъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Собираніемъ неисчерпаемыхъ въ то время матеріаловъ по народо-вѣдѣнію онъ началъ заниматься еще до студенчества. Выгодное положеніе русскаго духовенства, какъ посредника между простонародьемъ и образованными, правящими классами, облегчало ему это великое дѣло.

Но откуда столь свѣтлая идея могла забрести въ голову вчерашняго бурсака въ то время, когда даже въ многученой Германіи только десятки людей относились съ уваженіемъ и интересомъ къ трудамъ братьевъ Гриммовъ, а сотни смотрѣли на нихъ, какъ на чудаковъ, занятыхъ собираніемъ таковой дряни, на которую не стоитъ обращать ни-

какого вниманія? Сахаровъ въ своихъ запискахъ *) самъ разъясняетъ намъ это чудо глубокимъ и дѣятельнымъ патріотизмомъ и чтеніемъ исторіи Карамзина, въ которой этотъ патріотизмъ нашель себѣ прочную опору. Много было говорено о вліяніи этой знаменитой книги, но еще больше придется говорить о ней; въ біографіи каждаго общественнаго, литературнаго или научнаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ видно ея поразительное дѣйствіе. На Сахарова, какъ и на многихъ другихъ, Карамзинъ вліялъ двояко: помимо высокаго подъема національнаго чувства и „народной гордости“, Карамзинъ далъ ему прекрасный, плавный слогъ, которому онъ остался вѣренъ, не смотря на нѣкоторый недостатокъ литературнаго образованія и на рѣзкости, въ которыя завлекъ его впоследствии духъ его литературно-ученой партіи, въ то время не отличавшійся терпимостью.

Еще до студенчества И. П. Сахаровъ началъ „печататься“: онъ работалъ одновременно съ другими надъ исторіей родного города; часть этой работы издалъ тогда же, а часть послужила матеріаломъ для нѣсколькихъ археологическихъ статей, изданныхъ впоследствии.

Въ 1830 г. Сахаровъ поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ; зани-

*) Напечатаны П. И. Савитовымъ въ „Русск. Арх.“ 1873 г. № 6.

мался онъ своей спеціальностью довольно усердно, но и въ это время не оставлялъ излюбленныхъ работъ по археологіи и народовѣдѣнію, печаталъ статьи и собиралъ пѣсни, обряды и преданія. Въ 1835 г. онъ окончилъ курсъ лекаремъ, а въ 1836 уже издалъ 1-ю часть своихъ знаменитыхъ „Сказаній русскаго народа“, которая черезъ годъ потребовала переизданія. Въ 1837 г. онъ напечаталъ „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“, а въ 1838 приступилъ къ печатанію „Пѣсенъ русскаго народа“ и въ то же время съ рѣдкимъ усердіемъ при своихъ ничтожныхъ средствахъ, руководимый только горячей любовью къ своему святому дѣлу, продолжалъ издавать по рукописямъ чрезвычайно важные памятники старинной русской литературы. Между тѣмъ его медицинская служба шла своимъ чередомъ; онъ былъ одно время университетскимъ докторомъ, потомъ перешелъ на службу въ почтовое вѣдомство, начальникъ котораго, образованный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, обратилъ вниманіе государя на безкорыстные ученые труды своего подчиненнаго. Государь поручилъ ихъ разсмотрѣніе министру просвѣщенія, незабвенному по своей любви къ наукѣ гр. Уварову. Сахаровъ въ 1841 г. получилъ высочайшій подарокъ и увеличенный (вдвое) окладъ жалованья.

Въ томъ же 1841 г. вышелъ 1-й томъ его „Ска-

заній“ въ большомъ октавѣ (3-е изданіе), въ который онъ внесъ и пѣсни; 2-й томъ этого изданія вышелъ въ 1849 г.; онъ заключаетъ въ себѣ массу интереснѣйшаго историко-литературнаго матеріала, изданнаго не всегда съ ученой точностью, но всегда по лучшимъ изъ извѣстныхъ тогда рукописей; многіе важнѣйшіе памятники намъ извѣстны исключительно по „Сказаніямъ“ Сахарова; не будь ихъ, исторія нашей допетровской литературы имѣла бы иной, несравненно болѣе тощій и жалкій видъ.

Иванъ Петровичъ Сахаровъ умеръ, въ сентябрѣ 1863 г., въ Валдайскомъ уѣздѣ; послѣдніе годы его жизни, по словамъ знакомыхъ, были медленной агоніей много потрудившагося дѣятеля.

Обвинять Сахарова за то, что онъ, издавая памятники, не всегда придерживался строгаго филологическаго метода, принятаго въ наше время, что онъ не указывалъ съ точностью мѣсто записи преданія или пѣсни, что онъ не отмѣчалъ особенностей говора, что онъ не всегда отличалъ дѣланую, литературную сказку отъ народной, даже за то, что онъ позволялъ себѣ подправлять стихъ въ пѣснѣ, слогъ и содержаніе въ сказкѣ,—значить обвинять его время за то, что оно не было нашимъ временемъ; и братья Гриммы въ немногихъ изъ своихъ „Haus und Kindermärchen“ сохранили особенности говора и народной рѣчи; и

лучшіе германисты 30-хъ годовъ при изданіи памятниковъ средневѣковой поэзіи зачастую предпочитали болѣе вѣрному чтенію варьянтъ, дающій болѣе красивый смыслъ.

„Сказанія“ Сахарова имѣли огромное и благотворное вліяніе на исторію русскаго народовѣдѣнія: они возбудили глубокой интересъ и уваженіе къ памятникамъ народнаго творчества въ довольно широкомъ кругѣ русскаго общества; благодаря имъ и трудамъ, частью или всецѣло на нихъ основаннымъ, выраженіе простонародный навѣки измѣнило свой смыслъ; съ книгой Сахарова въ рукахъ, Кирѣевскіе, Рыбниковы, Гильфердинги, Чубинскіе отправлялись въ свои экспедиціи; съ нея начинали свои подготовительныя работы Буслаевы, Афанасьевы, Костомаровы; она же должна была быть настольною книгою у ихъ многочисленныхъ эпигоновъ.

Къ сожалѣнію, „Сказанія русскаго народа“ давно уже стали библиографическою рѣдкостью; „Пѣсни“ (изд. 1838—1839 гг.) и отдѣльныя части 2-го изданія „Сказаній“ еще можно найти у букинистовъ за доступную цѣну, но „Сказанія“ въ 3-мъ, единственно полномъ, изданіи едва можно приобрѣсти за 25 рублей; особенно рѣдокъ 1-й томъ, который даже выкраденъ изъ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и не пополненъ до сихъ поръ.

А, между тѣмъ, „Сказанія“ важны не для однихъ студентовъ и специалистовъ: благодаря трудамъ русскихъ ученыхъ въ послѣднія десятилѣтїя, среди образованной публики возникъ серьезный интересъ къ народной жизни, быту, преданїямъ, вѣрованїямъ. Теперь изученіе народности вообще и народныхъ „суевѣрій“ въ частности не является исключительно дѣломъ ученой любознательности, а дѣломъ практической необходимости для всякаго практическаго дѣятеля, какъ изученіе почвы для агронома.

Специалисты въ своихъ статьяхъ, кромѣ „Сказаній“ Сахарова, не безъ основанїя заподозрѣнныхъ въ ученой неточности, пользуются другими, позднѣе собранными матеріалами: отдѣльно изданы пѣсни того или другаго края обширной земли русской; отдѣльно изданы по рукописямъ и записямъ заклинанїя, загадки; издаются во множествѣ уголовныя дѣла о чарованїяхъ; то, что Сахаровъ называетъ „Чернокнижіемъ“, послужило задачею цѣлаго ряда солидныхъ изслѣдованій. Но между всѣми этими изслѣдованїями и матеріалами нѣтъ и долго еще не будетъ возможности указать одну книгу, которая представляла бы такъ прекрасно составленный и такъ общедоступно изложенный обзоръ цѣлаго ряда явленій по народовѣдѣнїю. Публика не нуждается въ указанїи номера и палеографическихъ признаковъ рукописи, изъ кото-

рой взять любопытный матеріалъ, ни въ обозначеніи уѣзда и волости, гдѣ записано сказаніе; варианты и особенности говора только отпугиваютъ ее; легкость и гладкость изложенія для нея съ избыткомъ выкупаютъ недостатокъ скрупулезной, научной точности.

„Сказанія“ Сахарова имѣютъ еще одно неоспоримое достоинство передъ современными трудами и изданіями того же рода. „Народовѣды“ послѣдняго времени довольно рѣзко раздѣляются на два вѣчно воюющіе лагеря. Одни изъ нихъ — школа національно-миѳологическая — склонны выводить всѣ преданія, произведенія устной поэзіи, обычаи, вѣрованія изъ основъ народной дохристіанской жизни, даже изъ арійской прародины; другіе — школа литературнаго заимствованія — отыскиваютъ, откуда народъ усвоилъ, перенялъ тотъ или другой сюжетъ, то или другое преданіе и обрядъ; изслѣдуютъ пути этого усвоенія, разрываютъ главнымъ образомъ толстый слой наносныхъ, послѣхристіанскихъ традицій. Ихъ взаимныя пререканія, ихъ вполне естественное стремленіе вырвать у непріятелей возможно большее количество фактовъ и вогнать эти факты въ свою рамку очень поучительны для знаточковъ, но ненужны и малопонятны для непосвященныхъ. Сахаровъ дѣйствовалъ въ то время, когда ученые партіи еще не обособились и, стало быть, свободенъ отъ исключительности,

ученой тенденціозности и полемической лихорадки; хотя въ главѣ о мифологіи онъ очень щедръ на имена и атрибуты боговъ и богинь, хотя всѣ пѣсни и сказки онъ признаетъ порожденіемъ національнаго генія, въ статьѣ о чернокожи и др. онъ допускаетъ, даже самъ указываетъ, на массу литературныхъ заимствованій и охотно признаетъ, что наши предки обильно пользовались изъ сокровищницы античныхъ и восточныхъ вѣрованій. Для публики такой спокойный, средній взглядъ и доступнѣе, и поучительнѣе.

Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ 1-ю часть 1-го (или 2-го) изданія „Сказаній“ полностью и около половины 2-й части; иначе — все важное и существенное (кромѣ пѣсенъ, которыя имѣются въ отдѣльномъ изданіи) изъ 1-го тома особенно цѣнимаго и цѣннаго 3-го изданія „Сказаній“, который такимъ образомъ становится общедоступнымъ черезъ 44 года послѣ своего появленія въ свѣтъ.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ

Предсказанія и сказанія о русскомъ чернокнижнѣ.

Народныя преданія.

Тайныя сказанія русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни и никогда не были мнѣніемъ общественнымъ, мнѣніемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями; но въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди, близкіе къ престолу, люди, участвовавшіе въ служеніи церкви, люди, исполнявшіе общественныя должности по городамъ — болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но никогда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ. Они одни и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ: тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь повѣрья. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрья, противныя образу ихъ дѣйствования; люди, оставшіеся въ неизмѣнной жизни, никогда

не измѣняли ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ разказахъ поселянъ мы доселѣ слышимъ были о старой русской семейной жизни.

Преданія русскаго народа вмѣщаютъ въ себѣ всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представляемъ здѣсь словесныя преданія русскаго народа о тайныхъ сказаніяхъ чернокнижія, извѣстнаго доселѣ нашимъ престололюдинамъ.

Словесныя преданія русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ чернокнижія, отрекались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Въ старину олицетворителей тайныхъ сказаній оглашали разными названіями. Однихъ величали: кудесниками, чародѣями, вѣдунами, колдунами; другихъ называли: волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ чернокнижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось чернокнижіе нашихъ предковъ? Вѣроятно, что ужасное образованіе, сообщаясь всѣмъ сословіямъ, изгладило изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранить въ памяти преданіе о чернокнижіи, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о чернокнижникахъ, наши поселяне увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякій чернокнижникъ, умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрья, не оспариваемыя ни вѣками, ни

людьми, повѣря, что умершіе чернокнижники приходятъ въ полночь, одѣтые въ бѣлые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказываютъ еще, что полночные посѣтители шарятъ по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все имъ предлагаемое. Другіе же, напротивъ, увѣряютъ, будто они, приходя къ дому, стучать въ двери и окна, истребляютъ всякій домашній скотъ и, при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ чернокнижниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землю, гдѣ въ это время дока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ осиновый коль между плечами. Старики рассказываютъ, что когда-то одинъ удалый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ чародѣя. Во время чтенія явились къ нему черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но черти все являлись за новыми требованіями. Истоmlенный выдумками для отысканія работъ, онъ не находилъ уже болѣе для нихъ занятія. Неотвязчивые черти задумали удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣетъ приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа, одни только колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживающихъ землю.

Народъ никогда не любилъ чернокнижниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадьбѣ—онъ портитъ или жениха, или невѣсту, или гостей. Видитъ ли кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ—онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли знахарь съ поселянкою—онъ при-

саживаетъ ей на носъ килу. Обойдутъ ли колдуна приглашеніемъ на свадьбу — онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ поѣздъ, и тогда свадьба сбивается съ толку. Испортитъ ли вѣдунъ жепщину — она лаетъ собакою, мяучитъ кошкою, и когда положить на нее запертый замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что порчи, произведенныя черно-книжниками, бываютъ временныя и вѣчныя. Временныя порчи отговариваются въ деревняхъ доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что чародѣи могутъ испортить человѣка за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые залѣзаютъ въ чрево, и тогда кликуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ. Черно-книжникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и никого самъ собою не портитъ. Все это дѣлается по просьбѣ людей враждующихъ, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, слыветъ напущеніемъ. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотой, говоритъ: «это не-спроста — здѣсь замѣшалась чертовщина». Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записного игрока: «это напущено». Кромѣ этого, черно-книжникамъ приписываютъ обморочанье, узорочанье, обаяніе.

Обморочить, слово столь часто повторяемое въ русскихъ избахъ, выражаетъ собою полное могущество черно-книжника. Ясно простодушіе поселянина: обморочанье есть обманъ. Чародѣй, плѣнившійся какою нибудь вещью, увѣряетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить чародѣю, знающему всю поддонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а чародѣй навсегда остается

полнымъ ея владѣтелемъ. И это значитъ обморочить. Такъ точно цыгане успѣваютъ увѣрять поселянокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвыя мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значитъ тоже — обморочить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдина увѣрять о предметѣ противъ его понятія, онъ говоритъ: «что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародѣями, слова, выговариваемыя кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ узорочанье, что никакими доказательствами не можно ихъ переувѣрить. Дадутъ ли старухѣ снадобья отъ лихорадки — она думаетъ, что узорочанье истребляетъ ея болѣзнь. Привѣсятъ ли ей записку къ ладонкѣ — она увѣрена, что узорочанье спасаетъ ее отъ всякаго колдовства.

Обаяніе есть чудесная сила, истекающая изъ кудесника, приводящая въ недвижимость, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Воры обаяніемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ-то нечаянно сошлись наши поселяне съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: обаяніе ли прежде существовало, или магнетизмъ Месмера?

Разказы бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ нелѣпностей. Въ ихъ заповѣданныхъ разказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горячимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой чернокнижникъ, заключенный въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой вѣдьмы отыскать книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, чернокнижникъ, освободясь изъ плѣна, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ

по бѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселѣ еще не было ни одного чернокнижника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Сухаревой башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятіемъ на десять тысячъ лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ, наши поселяне увѣряютъ, что въ ней содержатся чертовскія навожденія, писанныя волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтія знали подробнѣе насъ, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: Рафли, Шестокрыль, Вороноградъ, Остромій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетъи, Аристотелевы врата. Мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вотъ образчики народныхъ преданій изъ русскаго чернокнижія. Разсматривая ихъ, каждый можетъ убѣдиться, что они всегда существовали подъ покровительствомъ не вѣжества. Скрываемыя въ семейной жизни, какъ заповѣдныя тайны, сказанія переживали вѣка и людей и, оспѣиваемыя чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить простодушныя сердца.

Древнія русскія сказанія.

Старыя записи грамотныхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, увѣряютъ насъ въ давности тайныхъ сказаній русскаго чернокнижія. Они, какъ вѣковые памятники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предрасудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви лживіе въ Суздалѣ, извиваху старую чадъ, бабы, по діаволу поученію и бѣсованію, яко сіи держатъ гобино и жито, и голодъ пуцають, и бѣ мятежъ великъ, и гладъ по всей странѣ»

той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормять себя челядиномъ».

«Прииде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кіеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на вспять, а землямъ пріити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невегласи послушаху, вѣрнии же насмѣяхуся, глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ. Се же и бысть ему; во едину убо ношь бысть безвѣсти. Бѣси бо, подтокше, на зло водятъ, по семъ же смѣются, ввергнуши въ пропасть смертную, и научивши глаголати, яко се скажемъ бѣсовское наученіе и дѣйство» ¹⁾).

«Бывши бо единою скудости въ Ростовстей области, воста два Волхва отъ Ярославля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обиліе держитъ. И идоста по Волзѣ и приидоста въ погостъ; ту лучшая жены наричуща, глаголюще: яко сія жито держитъ, а сія медъ, а сія рыбу, а сія скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, и матеръ, и жена своя; они же въ мечтѣ прорѣзоваша имъ за плечомъ, и выиаша любо жито, любо рыбу, любо бѣлку. И убиша многи жены, ииѣнія ихъ отнимаху за ся; и приидоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нихъ иныхъ людей триста.

«Случися пріити отъ Святослава дань емлюще Яну сыну Вышатину, и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шекснѣ погубили, и пришли еще сѣмо. Янъ же испыта, чьи есть смерди; и увидѣвъ же Янъ яко князя его, и посла къ нимъ, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвовъ тѣхъ сѣмо, яко смердівъ князя моего и мои; они же сего не послушаша. Янъ же самъ поиде безъ оружія. И реша ему отроцы его: не ходи безъ оружія: изсоромотятъ тя. Онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ, бѣста бо съ нимъ 12 отрокъ, и поиде съ ними по лѣсу; они же сташа, испочнившеся про-

тиву. Яневи же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три мужа и придоша къ Яневи, рекуще ему: вида, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде; они же сунушася на Яна, единъ же грѣшишь топоромъ. Янъ же оборота топоръ и удара тыль-емъ, повелѣ отрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же бѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту попина Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Волхвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Бѣлозерцы же шедше, яша ихъ и приведоша ихъ къ Яневи. И рече имъ Янъ: что ради толико погубиста человекъ? Онемъ же рекшимъ: яко ти держатъ обиліе; да аще истребимъ сихъ, да будетъ гобина; и аще хоцеша, предъ тобою вынемъ жито, или рыбу, или иное что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то есть: сотворилъ есть Богъ человекъ отъ земли, составленъ костями и жилами отъ крове и нѣсть въ немъ ничто же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же глаголаста: вѣмы, како есть сотворенъ человекъ. Янъ же рече: како? Они же реста: Богъ мывся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отресе вѣтхомъ и сверже съ небеси на землю; и распреса сатана съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человекъ. И сотвори діаволь человекъ, а Богъ душу въ онъ вложилъ; тѣмъ же аще умретъ человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече имъ Янъ: по истинѣ прельстилъ есть васъ бѣсъ. Коему Богу вѣруете? И реша: Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть? Они же рекоша: сидитъ въ безднѣ. И рече имъ Янъ: то кій-то Богъ сидитъ въ безднѣ? той есть бѣсъ, а Богъ есть на небесѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ ангель, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще нанъ зрѣти, а сихъ ангель сверженъ бысть за гордость съ небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть въ безднѣ, яко же вы того глаголете, ждуща, егда снидетъ Богъ съ небеси, сего Антихриста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ огнѣ вѣчнемъ съ слугами его, иже къ нему вѣруютъ;

вамъ же и здѣ пріяти мука у меня и по смерти тамо. Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдаютъ — не можеши намъ сдѣлать ничесо же. Онъ же рече имъ: джутъ вамъ бози ваши. Они же реша: намъ стати предъ Святославоу въ Кіевѣ, а ты намъ не можеши сотворить ничесо же. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ. Смиъ же біеннымъ и поторганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: стати намъ предъ Святославоу. И повелѣ Янъ клѣпъ вложити во уста ихъ, и привязать ихъ ко упругу, и спустити предъ собою въ лоды, а самъ за ними поиде и стаа на усть Шексны. И рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдаютъ? Они же реша: тако молвятъ бози наши — не быти намъ живымъ отъ тебя. И рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали. Они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль пріимеши и зло. Янъ же рече: аще васъ пушу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убіенъ бысть отъ сихъ? Одни же реша: у меня мати; а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: мстите своихъ. Они поимше ихъ, биша и возвѣсиша ихъ на дубъ, отиѣстие пріимше отъ Бога и о правдѣ Яневи же идушу во свояси, въ другую-жъ ночь медвѣдъ взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погибоша напущеніемъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще и глаголюще: а своя погібели не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы прішли на мѣсто се, идѣ же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наущеніе; бѣси бо не вѣдаютъ мысли человѣческія и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ о взорѣ ихъ, и о немощи и обмороченіи ихъ».

«Ключися нѣкоему Новгородцу пріидти въ Чудь, и пріиде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него. Онъ же, по обы-

чаю своему, хотя начати, и начать призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ тоя храмины. Кудесникъ же лежаше, оцѣпенѣвъ и шибе имѣ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣютъ прїидти, нѣчто имаши на себѣ, его же боятсѣ. Онъ же воспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ храмины тоя. Онъ же начать призывати опять бѣсы; бѣсы же, метавше имѣ, повѣдана, чего ради пришелъ естъ? По семъ же начать вопрошати его, его же носитъ на себѣ креста. Онъ же рече: то естъ знаменїе небснаго Бога, его же наши бози боятсѣ. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имуще; восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ, ваши-же Боги на небесѣхъ суть; да аще кто умреть отъ вашихъ людей, то возносимъ естъ на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умреть, то носимъ естъ къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо естъ и грѣшницы во адѣ ждуще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы. Сице бо естъ бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣки, веляще имѣ глаголати видѣнїя, являющеся имѣ, несвершеннымъ вѣроу, во снѣ, инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученїемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская волшвленїя бывають; изкони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравоу и иными бѣсовскими бездми, но и мужи прельщены бывають невѣрнїи отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды»²).

«Предивно бысть въ Полотскѣ, въ мечтѣ бываше въ ноци, стонаше тутно по улицѣ, аки человѣцы рищуще бѣси. Аще кто вылезаше изъ хоромины, хотя видѣти, и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвоу, и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ. И по семъ во

днѣхъ начаша являтися на конѣхъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и человекцы глаголаху: яко на явѣ бѣють Полочаны».

Въ посланіяхъ русскихъ архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространеніи въ простомъ народѣ тайныхъ сказаній. Приводимъ нѣкоторыя указанія:

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородскому архіепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «Учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленія, и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престаи»³⁾.

Новгородскій архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Нифонту, епископу суздальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются христіанству: вяжутъ кресты на вѣроны и на воронны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ, древянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ. Да привели ко мнѣ попа, да діакона, а они крестьянину дали крестъ тѣльникъ: древо плакунъ, да на крестѣ вырѣзанъ воронъ... а христіанинъ дей съ тѣхъ мѣстъ учаль сохнути, да не много болѣлъ, да умеръ»⁴⁾.

Въ грамотѣ Мисаила, митрополита бѣлогородскаго и обоянскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздахъ мужескаго и женскаго полу бываютъ чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ волхвовъ и чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхвованіе чинятъ, и отъ правовѣрія православныхъ христіанъ отлучаютъ»⁵⁾.

Въ Стоглавѣ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Нѣдцы не прямо тяжутся, и поклепавъ крестъ дѣлуютъ, на поли бьются, и кровь проливаютъ, и

въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають и смотрять дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклебца и ябедникъ не ширятся, и крестъ цѣлуютъ, и на поли біются, и поклепавъ убиваетъ... Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится... Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остромай, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочеты, Аристотель, Аристотелевы врата и иныя коби бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роши ходять и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣять... Въ Великій Четвергъ по рану солону палать и влечуть мертвыхъ; нѣкоторіи же невеликіи попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до четверга по велицѣ дни тамъ держатъ, и ту отдають на врачеваніе людемъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являються С. Пятница и С. Анастасія, и заповѣдають въ среду и пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прятти, и платя не мыти, и каменія не разжигати»⁶).

Въ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Берсенеу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года, сказано: «къ Волховомъ бы и къ Чародѣемъ и къ Звѣздочетцомъ волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были»⁷).

Въ Псковской лѣтописи, подъ годомъ 1570 о докторѣ Елисеѣ Вожели, записано: «прислаша Нѣмцы къ Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва, нарицаемаго Елисея, и бысть ему любимъ въ приближеніи и положи на Царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвелъ Царя отъ вѣры; на Русскихъ людей возложилъ Царю свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: понеже безбожніи узнали своими гаданьи, что

было имъ до конца разореннымъ быти; того ради такового злаго еретика и прислаща къ нему: понеже Рускіе люди прелестны и падки на волхвованіе»⁸).

Въ книгѣ: Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «а на сказанныя идольскія мѣры и на вѣдомство не надѣяться, и отъ оружія, и отъ проколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть»⁹).

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лихась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства. Такъ онъ объ этомъ говорилъ литовскому посланнику Воропаю, въ 1572 году¹⁰); такъ объ этомъ писалъ онъ и къ Курбскому: «А съ женою меня вы по что разлучили?»¹¹). Курбскій въ своей исторіи Князя Великаго Московскаго пишетъ: «Тогда цареви жена умре: они (клеветники) же рѣша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ»¹²). Клеветники Сильвестра и Адашева говорили царю: «Аще припустиши къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили они своими чаровства, аки очи твои закрывающе»¹³). Въ 1572 году царь Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, вторую отравили, третью испортили злою отравою¹⁴).

Князь Курбскій, говоря о князѣ Василіи Іоанновичѣ, записалъ: «Василій съ законопреступною женою, юною сущюю, самъ старъ будучи, искалъ чаровникъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы (еже есть Филя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ

къ нему... Яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со дьяволомъ и призывающе его на помощь»¹⁵). Разказывая о Казанской осадѣ 1552 года, онъ вписалъ: «Вратцѣ еще вспомянути достоинъ, яко Татары на войско Христіанское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по obleжаніи града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіати сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеса не благочиннѣ. Тогда абіе возстанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такой дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, но точно по естеству аера случашеса»¹⁶). Говоря о московскомъ пожарѣ, царь вспоминалъ Курбскому: «Наши измѣнники бояре наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, съ своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили¹⁷)».

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева царю Феодору Алексѣевичу, что онъ съ докторомъ Стефаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спифарій обучаетъ его и сына чернокнижію. Доносчиками были: карла Захарко и лекарь Верло. Объ этомъ Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной 1677 года къ царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чли Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и доктору Степану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ... А та де Черная книга въ полдестъ, а толщи-

ною въ пальца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сынишку моего, Андрюшку, Николай Спифарій»¹⁸⁾). Впослѣдствіи открылось, что бояринъ Матвѣевъ читалъ лечебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михаила Теодоровича, говоритъ бояринъ Матвѣевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинута письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный думнаго дьяка Ивана Граматина. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе въ Вологду.

Источники русскихъ преданій.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи грамотныхъ людей¹⁹⁾, и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ русскаго чернокунижія. Теперь, убѣдившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: неужели это есть порожденіе думъ русскаго народа? неужели все это создавалось въ русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ, будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ созданій; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго чернокунижія въ свою семейную жизнь. Ни когда на русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть вселенной, вѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идеѣ убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго чернокунижія. Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ историческіе факты, объясняющіе пере-

хождение тайных мировых сказаний в русское чернокнижие. Здѣсь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мировое чернокнижие принадлежит первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенія тайныхъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для мифовъ, думы для тайныхъ сказаній, рассказы о бываломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями. Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ религиозный, политическій, гражданскій. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Міръ древній прошелъ, народовъ, составлявшихъ его бытіе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ мифы, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленный наслѣдникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженіе наслѣдственнымъ достояніемъ, пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію, но принялъ основныя мысли, восхищавшія его воображеніе, льстившія его слабости.

Мифы, перешедшіе въ новый міръ, образовали демонологию, столько разнообразную, столько разнovidную, сколько разноплеменные были народы, сколько разнovidны ихъ олицетворенія. Не днями, не годами, но вѣками усвоивались мифы древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ, въ свою очередь, прибавлялъ къ нимъ чего недоставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились—мифология и символика. Мифология древнихъ людей осынилась предметами божественными, предметами олицетворенными по волѣ cadaго человѣка. Символика отпечатлѣвалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ

страшился. Предметы, выражаемые въ символикѣ непостижимостію и болзнію, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древняго міра составилось чернокнижіе въ отдѣльныхъ видахъ кудесничества, чародѣйства, знахарства, ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разказы о бываломъ образовали повѣрья, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣрьяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древняго міра осуществлялись людьми, ознаменованными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои устанавливаемыя таинства облекали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена санскритскія увѣряютъ насъ, что Индія есть отчина тайныхъ сказаній, первоудный идеаль всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избранные люди Египта и Персіи, посѣщая Индію, изучали тамъ тайныя сказанія и, возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія и передала Риму и за нимъ грядущимъ поколѣніямъ.

Осматривая тайныя сказанія сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ образователей, свои прорицалища, свои чернокнижія, свои гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разныя названія. Таковы были: астрологи, авгуры, прогностики, мистагоги, сортилеги, гаруспеки, пнеониссы.

Астрологи, облекаемые названіями халдеевъ, математиковъ, волхвовъ, почитаются старѣйшинами въ образованіи чернокнижія. Наблюдая теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и до-

машнемъ быту. Ефемериды—твореніе астрологовъ—вмѣщали въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ санскритскихъ писемъ, уничтожается.

Въ русскую землю перешли астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темные намеки о вліяніи планетъ на судьбу человека. Въ 1584 году лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «Вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собрать астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собранные тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленія сей кометы царскую смерть²⁰).

Эта запись и сказанія Курбскаго о совѣщаніи царя Іоанна Васильевича съ волхвами открываютъ намъ, что астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометъ, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и русская народная символика есть порожденіе астрологовъ.

Авгуры, птицеволшебствующіе, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, коршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными успѣхами. Авгурологія перешла въ русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

Прогностики разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Эпименидъ Критскій, Аварисъ Скиѳскій, Эмпедокль Агригентскій тамъ были лучшими прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастіе или несчастіе семейной жизни объяснялось снами, воззрѣніемъ животныхъ, звономъ въ ухахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе прогностиковъ вѣдрилось въ русскую семейную жизнь издревле и продолжается доселѣ. Простолудинъ, объясняя пригѣты по ученію прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

Мистагоги, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли аэианнамъ таинственныя ученія въ святилищѣ Цереры, при явленіи страшныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія мистагоговъ. Люди бывалые, рассказывавая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

Сортилеги—люди гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее досечки, исписанныя знаками, и потомъ, вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе сортилеговъ доселѣ производится въ русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ. Старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго.

Гаруспексы, гадавшіе по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе гаруспексовъ мало извѣстно русскимъ чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе кудесниковъ къ печени, вниманіе знахарей къ дыму заставляеть подозрѣвать, что и оно когда-то было въ русской землѣ.

Пиѳониссы — ѳессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ ѳессаліи, завораживали угрызёніе скорпіоновъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и низводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское кудесничество и чародѣйство составилось изъ преданій ѳессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

Прорицалища древняго міра изрекали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфіарая, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоценными каменьями, выносили въ рошу, гдѣ онъ отвѣчалъ вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей многіе вѣки, но во время Страбона оно ослабѣвало, а при Плутархѣ ему уже никто не вѣрилъ²¹).

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли вліяніе на русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишившись значенія въ вѣрованіяхъ

древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиналась русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарая находилось на границах Віотіи и Аттики. Тамъ Амфіарай являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что вліяніе Амфіарая достигло и русской земли? Явленіе во снѣ суженаго-ряженаго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на ея судьбу, носитъ на себѣ отпечатокъ вѣрованія віотіанъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Піеійскаго, находился въ віотійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Піеія, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растеніями, въ бѣшенствѣ, произносила слова вѣщательныя. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда христіанская религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ничего не можемъ сказать рѣшительнаго о вліяніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ эфирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близъ пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; или приходили къ источнику прислушиваться къ звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нимъ разгадывали.

Понятіе русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преда-

ніяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это вліяніе Додонскаго оракула, — рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась близъ Ливадіи. Въ храмѣ, построенномъ среди рощи, стоялъ истуканъ, изображавшій Эскулапа. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ мужей и женъ, сидѣли жрецы для отвѣтовъ приходящимъ.

Намъ неизвѣстно, было ли какое вліяніе на русскую землю изъ повѣрій Трофоніевыхъ пещеръ.

Чернокнижія древняго міра сохранялись въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благоговѣя къ нимъ, не смѣлъ читать ни одного тайнаго сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для рѣшенія судьбы и дѣлъ. Таковы были: черная магія, Сивиллины книги, книги Орфея и Музея, кабалистика.

Сказанія о черной магіи столь древни, что нѣтъ никакой возможности открыть ихъ первоначальное происхожденіе. Мы встрѣчаемъ магиковъ въ началѣ всѣхъ исторій, и вліяніе ихъ продолжалось до распространенія умственнаго образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала міра и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камень. Сынъ Хамовъ, извѣстный подъ названіями — у однихъ Мизраима, у другихъ Зороастра, у третьихъ Гермеса, — по преданію своего отца, нашелъ послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперь болѣе не существуетъ: она когда-то была истреблена небеснымъ огнемъ. Вѣрованіе въ бытіе черной магіи существовало на Востокѣ въ тайныхъ сказаніяхъ. Сосредоточіе магиковъ находилось въ Египтѣ. Фараоны, окруженные магиками, производили разныя ложныя чудеса. Изъ Египта перенесъ магію въ Грецію Орфей, измѣнившій тайныя сказанія въ оргію и саббатство. Въ семейной жизни русскаго народа черная магія извѣстна подъ именемъ чернокнижія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о переселеніи тайныхъ сказаній въ наше оте-

чество. Темные намеки наших поселянъ о бытіи черно-книжія состоятъ въ томъ, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни мы едва встрѣчаемъ людей, бесѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ чернокнижіи; но предки наши говорили объ этомъ яснѣе; они даже знали многія названія этихъ сказаніймъ. Такъ они исчислены въ Стоглавѣ.

Книги Сивиллъ хранились въ рукахъ женщинъ — сивиллъ, имѣвшихъ даръ проричать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ всѣхъ сивиллъ считалось 12. Исчисляемъ ихъ:

I. Сивилла Персидская, называвшаяся Самбетю, невѣсткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами изъ своей книги.

II. Сивилла Ливійская, путешествовавшая въ Самосѣ и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекавшая людей въ идолослуженіи.

III. Сивилла Дельфійская, находившаяся въ храмѣ Дельфійскомъ, и, по сказанію Діодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ ея прорицаній нѣкоторыя мысли.

IV. Сивилла Эретрейская предсказывала паденіе Трои и, по увѣренію Евсевія и св. Августина, ей были извѣстны книги Моисея.

V. Сивилла Киммерійская.

VI. Сивилла Самосская.

VII. Сивилла Кумская, по имени Деифоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое пребываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отецъ былъ Аполлоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ книги сохранялись въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ слу-

чаяхъ государства. Во время сожженія Капитолія, сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собранія Сивиллиныхъ изреченій, которыя Августъ положилъ у подножія Аполлона Палатинскаго.

VIII. Сивилла Геллеспонтская предсказывала во время Солона и Креза.

IX. Сивилла Фригійская путешествовала съ своими предсказаніями въ Анкифѣ и Галатіи.

X. Сивилла Тибюринская или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. Сивилла Эпирская.

XII. Сивилла Египетская.

Въ русскоѣ чернокижій не находимъ никакого понятія о Книгахъ Сивилль. Развѣ только то принять во вниманіе, что нашими колдуньями должны быть непременно старухи безобразныя и страшныя. За то дошли до насъ западныя сказанія о Сивиллахъ²²).

Книги Орфея и Музея содержали въ себѣ заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель сабатства, учредитель оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, заимствовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состояли изъ гимновъ.

Русское кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всевозможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ кудесниковъ воспѣваютъ объ одной только семейной жизни.

Кавалистика, — знаніе созданное евреями для открытія таинственнаго смысла, — состояла въ искусствѣ разлагать слова и въ способѣ производить ими словами чуда, произнося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намеки въ чернокижій о присвоеніи кабалистическаго знанія знахарями. Такъ мы видимъ въ рукахъ зна-

харя непонятныя слова отъ лихорадокъ, отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Откуда явилась наша тарбарская грамота?

Гаданія древняго міра, разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльныхъ таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію гаданій.

Антропомантія содержала въ себѣ таинственное проричаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе императоры Геліогабалъ и Іуліанъ занимались сими гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

Аеромантія объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ русской символикѣ аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ; доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики разсказываютъ о бывающемъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мѣстѣ основано уваженіе поселянъ къ камню Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ²³⁾?

Гидромантія основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ русскомъ чернокнижьи это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду, для открытія похитителя вещей, влѣгается въ необходимость всякому знахарю.

Гонтія совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

Дактиломантія. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное на ниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантія перешла и въ русское чернокнижіе, только съ измѣненіемъ. Наши чародѣи берутъ какое-то змѣиное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и дожидаются, куда его будетъ качать вѣтеръ: куда кольцо будетъ болѣе дѣлать наклоненія, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ загадываютъ.

Капномантія. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при начатіи дѣлъ.

Въ русской символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

Катоптромактія. Гаданіе, производимое зеркаломъ, разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ русскомъ чернокнижіи зеркалогаданіе употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркалѣ о суженомъ, о жизни и смерти отсутствующаго.

Керомактія—гаданіе воскомъ; составляло доброе и худое предназначеніе.

Въ русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣвушки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

Клеромактія. Гаданіе, основанное на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребію.

Гаданіе по жребію такъ усвоилось русской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

Леканомантия. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель клалъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоценные камни, тоненькія золотыя и серебряныя досочки съ изображеніемъ знаковъ и читалъ заговоры. Изъ воды выходилъ тихій звукъ, подобный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ русскомъ чернокнижій сохранились многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ наши знахари, кидая въ воду уголь, замѣчаютъ: кипитъ ли вода?

Ливаномантия. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смоль, заключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя и худыя ожиданія.

Въ русскихъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнились ладаномъ, и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

Метэоромантия. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды метэоромантии сохранились въ русской символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весной въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучшей цвѣтъ ея лицу. Такъ, поселянинъ, изъ многократнаго появленія въ лѣтнее время грома, предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

Миомантия—гаданіе, предсказывающее будущее; основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ животныхъ.

Въ русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Платье поселянина, изгрызанное мышами, предвѣщаетъ ему бѣду неминуемую. При началѣ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожайѣ.

Некромантія производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ рускомъ чернокижии существуетъ только одно повѣрье объ этомъ гаданіи. Наши чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ умершихъ людей.

Онихомантія составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажкою и заставляли держать ихъ передъ солнцемъ. Появившіяся изображенія рѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнышки, являющіяся въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни человѣка.

Ооскопія. Разгадывали изображенія на яйцѣ, по желанію беременныхъ женщинъ, для узнанія, что родятъ?

Въ русской семейной жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ-подъ насѣдки яйцо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, того же долженъ быть и будущее дитя.

Психомантія—гаданіе, основанное на призываніи тѣней умершихъ людей; составляло одно таинство съ некромантією.

Тератоскопія составляла особенный родъ гаданій изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе вошло съ измѣненіями въ русскую символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

Тэфраномантія—гаданіе золою, разрѣшало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ рускомъ чернокижии имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золу изъ семи печей и посыпаетъ ею слѣды чело-

вѣческой, когда совершаетъ чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горстями золу, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

Энотромантия совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Тессалійскіе чародѣи заставляли приходящихъ читать отвѣты, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіяся на другомъ тѣлѣ.

Въ русскихъ святочныхъ гаданіяхъ энотромантия осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго міра въ русскую землю и о составленіи русскаго чернокнижія. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ русскій человѣкъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній. Люди бывалые изъ нашихъ предковъ въ чужихъ странахъ и чужеземщина, приходившая на нашу родину, рассказывали въ семейныхъ бесѣдахъ о существованіи чернокнижія въ чужихъ земляхъ. Эти рассказы, западая въ сердца простодушныхъ, переходили изъ рода въ родъ и клеймились суевѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдетъ свое подтвержденіе въ самомъ описаніи чернокнижія.

Не смотря на то, въ русской жизни понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образованіе русскаго народа, совершаясь независимо отъ вліянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменованіями: понятіями общественными и семейными.

Русскія общественныя понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи христіанскаго православія. Іерархи, какъ пастыри церкви и учителя народа, князья и цари, какъ священныя властелины и блюстители народна-

го благоденствія, — были представителями общественных понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, понятія эти всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, людьми являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ, сближаясь на сѣверѣ съ скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; далъ ему приютъ на своей землѣ, но не принималъ отъ него письменъ. Славянинъ, уклоняясь на востокъ, сблизился съ грекомъ; принялъ отъ него вѣру, приютилъ греческихъ пришельцевъ, учился у него, чего недоставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ славяниномъ. Никогда не ходилъ онъ на Западъ. Люди фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ участники. Равнодушный къ Западу, онъ чуждался и словъ, и дѣлъ фряжскихъ. Объ Югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю сѣверной Европы, гдѣ онъ назвалъ себя славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость русскаго общественнаго понятія. Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ, порождавшіяся въ семействахъ, никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь русскимъ словомъ въ гостеприимныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ

одного селенія къ другому. Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди нерусской крови, люди нерусской вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлѣбосоольство русское давало пріютъ всякому пришельцу. Старѣйшины семействъ, угощая заѣзжаго человѣка, любили слушать его рассказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то рассказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались русской жизни, когда они снисходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что нравилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ рассказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и рассказы о бываломъ изъ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее ихъ воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее ихъ умъ, любили болѣе ужасное, оцѣпнявшее ихъ чувства. При всемъ томъ пришлецъ былъ всегда чужимъ для русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми бывалыми на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бесѣдами и старика, и юношу. Рассказы бывалаго человѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши паломники и ходябщики. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, совѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ — болѣе всего имѣли вліяніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участіе пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга семейнаго,

никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы понимаемъ, какъ трудно было чужеземному мышленію войти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ русскою общественною жизнью. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что они перешли въ русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для русской семейной жизни. На этихъ-то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки русскаго чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое чернокнижіе.

Русское чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнообразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается кудесничество, во второмъ описывается чародѣйство, въ третьемъ предлагается знахарство, въ четвертомъ представляется ворожба.

Русское кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣны понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, неизмѣнный глаголь многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрьями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ кудесническіе заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для обольщенія народа, то съ другой, мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи, жившей въ гѣснахъ и сказкахъ, услаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Здѣсь сохранилась наша родная, русская поэзія; здѣсь

блюдутся наши поэмы и были; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ.

Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выписаны изъ тетрадки, писанной польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда венеvскому дѣду; нѣкоторые получены отъ саратовскаго помѣщика, собиравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ волжскихъ рыбаковъ; а другіе были присланы ко мнѣ изъ Тихвина, отъ г. Парихина.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Неужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ ихъ звукахъ слышенъ русскій духъ, когда въ нихъ говорить русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о бѣдѣ семейной, о любви дѣвичьей красоты, о зазнобѣ молодецкой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижины и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Слѣдовательно, здѣсь человекъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни одного выраженія: все говорить русскимъ языкомъ и о русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательною; но со всѣмъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русскій народъ, плѣняясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ и тайныя сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незамѣтно сходилса съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des ténèbres, et faisait dresser les cheveux aux assistants, quand il hurlait ses exécrationnelles évocations.

«Divinités formidables, s'écriait-il, hâtez vous d'accourir, et craignez d'offenser ces cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bientôt repentir de vos délais... je vous en avertis d'avance, obéissez promptement, autrement je fais pénétrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une après l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les buchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas même aux déserts de la Thebaïde de vous recéler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande à tes Esprits, commande à tes Furies, commande à quelques ombres d'accourir; pousse-les hors de tes manoirs à coups des scorpions, et ne permets pas que j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles».

Oraison du loup: Viens, bête à laine; c'est l'agneau de l'humilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, à gris aggripence, va chercher la proie, loups et louveteaux; tu n'as point à venir à cette viande, qui est ici. Au nom du Père et du Fils et du Saint-Esprit. Aussi: vade retro o Satana!

Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelée, trouvée dans un manuscrit rare et précieux.

Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il dit: mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet à moi²⁴).

Русское чародѣйство описываетъ чары, совершаемыя въ селеніяхъ. Прилагая, по возможности, объясненія этимъ затѣйливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что простодушные

люди поймутъ свое ослѣпленіе, хотя для нихъ оболстительное. Съ этою цѣлью избраны здѣсь только тѣ, которые болѣе всѣхъ памятны. Люди, хотя пѣсколько вникавшіе въ народное суевѣрное понятіе, люди, знающіе довѣренность поселянъ къ чудесному, оправдаютъ цѣль, избранную нами.

Русское знахарство излагаетъ отъявленные обманы знахарей, но которые, по непонятному стеченію обстоятельствъ, принимаются въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разсказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввергали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская ворожба представляетъ народныя гаданія, распространяемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ. Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленія семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же, напротивъ, — какъ святочныя гаданія — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія — съ цѣлью разоблачить таинственныя ожиданія простого народа. Можетъ быть время и обстоятельства изгладятъ эти остатки суевѣрій, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ сельскихъ гаданій.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ мы часто сохраняли многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющія совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не ду-

маемъ, чтобы насъ въ этомъ обвиняли: сами предметы говорятъ о такой необходимости. Кромѣ сего, почитаемъ обязанностію предувѣдомить почтенныхъ соотечественниковъ, что въ нашихъ сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Такъ, одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣжденію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ея домашній бытъ.

Сказанія о чудесничествѣ.

---

1. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ-темно; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ-свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платкомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путь-дорогою, сухимъ-сухопутьемъ, ко Окіанъ-морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ-моря узрѣла и усмотрѣла, гляючи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле; а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ, уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взшла я, раба такая-та, въ семибашенный домъ, смирнымъ-смирнехонько, головою поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорищемъ объ рабѣ такомъ-то; возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрѣжь ты у раба, такого-то, бѣлую мякоть, ощины кругомъ его

и обери: скорби, недуги, уроки, призорыки, затяни кровавые раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго человѣка: отъ бабы-вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика-одноженца, отъ двоеженца и отъ троеженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго. Возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки въ Окіанъ-море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ, и она-бѣ тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился бы недугъ у раба, такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и чтобы недугъ не дужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего любовнаго молодца — такого-то — отъ мужика колдуна, отъ ворона каркуна, отъ бабы колдуньи, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга милаго всѣхъ по лѣсу ходить, игольникъ брать, по его вѣкъ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзорочилъ и не обпризорилъ.

2. Заговоръ красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ любовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, позднымъ-поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ-рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, на горячъ камень Алатырь

становилась, крѣпкимъ словомъ заговорила, чистыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ покрывалась.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго молодца—такого-то—о сбереженьи въ дорогѣ: крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипить и выѣсть, изъ моря всю воду выпьеть и не взалкаетъ, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обворочить и обпризорчить, и околдуетъ, и испортить, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему полюбовному молодцу—такому-то—путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ.

Разрыдалась я родная, раба такая-та, въ высококъ те-режѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле гляючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка—такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очи ясныя, чело душное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясъ узорчатую, его коты ши-

тые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитяtko ненаглядное, свѣтлѣ солнышка яснаго, милѣ вешняго дня, свѣтлѣ ключевой воды, бѣлѣ яраго воска, крѣпче камня горячаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя: чорта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужога домовога, отъ злого водянога, отъ вѣдьмы кievской, отъ злой сестры ея муромской, отъ моргуни-русалки, отъ треклятыя бабы-яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны-каркуньи, заслоняю отъ Кашея-Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпога знахаря, отъ старухи-вѣдуньи. А будь ты, мое дитяtko, моимъ словомъ крѣпкимъ— въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи, въ пути и дороженьки, во снѣ и на яву— укрыть отъ силы вражя, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленя, укрыть въ огнѣ отъ сгорѣня. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомани, мое дитяtko, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣ воды, выше горы, тяжелѣ золота, крѣпчае горячаго камня Алатыря, могучае богатыря. А кто вздумаетъ моего дитяtko обморочить и узорочить, и тому скрывается за горы Араратскія, въ бездны преисподня, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары—ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

4. Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ.

Встаю я, рабъ такой-то, засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанаиловъ, двадцать дьявоиловъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе: стали предо мною тѣ сатанаилы, тѣ дьявоилы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанаилы, дьявоилы, лѣшіе и полканы—въ такой-то—островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣтвы поставные: сумеречные, вечерніе, ночные, утренние и полуденные. Пригоните, остановите и въ моихъ клѣткахъ прижните.

5. Заговоръ на путь-дороженьку.

Бду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольния мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдяною росой, утираюсь солнцемъ, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Бду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра-земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень-трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, одолень-трава, къ Окіанъ-морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Какъ онъ

крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки.

На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградилсѣ и пошелъ я къ своей родимой матушкѣ. Загнѣвилася моя родимая родушка, ломала мои кости, щипала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя— всѣ вы стоите тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, въ нощи и полунощи. Какъ пчела поноску носить, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего родного сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуеть, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своему родномъ сынѣ. Какъ студенецъ льетъ по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердець.

Сажусь въ сани крытыя бобрами, и соболями, и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарощенный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ. Ъду на гадинѣ, ужъ погоняеть, а самъ дюжъ, у пановъ и судевъ

полонь дворъ свиней, и я тѣхъ свиней переѣмъ. Судь судошь, вѣкъ вѣкомъ! Сѣю макъ. Разыдутся всѣ судьи, а тыя сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съѣдятъ; у меня мед-вѣжій ротъ, волчія губы, свиные зубы. Судь судошь, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадъ, а брошу кадъ въ Окіанъ-море. Окіанъ-море не высыхаетъ, кади моея никто не вынимаетъ, и маку моего никто не подбираетъ. Судь судошь, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ-море, въ свою желѣзную кадъ. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади поѣдятъ, тогда мнѣ не бывать. Судь судошь, вѣкъ вѣкомъ!

8. Заговоръ на носаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на востокъ, противъ дольней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Веру я пчелу роя, окаярая, сажая въ улей. Не я тебя сажая, сажаятъ тебя бѣлыя звѣзды, рогагогій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаятъ тебя и укорачиваютъ. Ты, пчела, ройся у такого-то, на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, матка, всѣ нути-дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А будетъ вы, пчелы, моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ-море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокоріще жалитъ васъ матка въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко!

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камень сѣкутъ, двѣ сестры въ окошко глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ. Ты, свекоръ, воротишь, а ты, кровь, утолишь; ты, сестра, отворотись, а ты,

кровь, уймись; ты, братъ, смирись, а ты, кровь, запрись. Братъ бѣжитъ, сестра кричитъ, свекоръ ворчитъ. А будь мое слово крѣпко на утиханіе крови у раба, такого-то, по сей часъ, по сію минуту!

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Македонница! зачѣмъ ты, всѣмъ змѣямъ старшая и большая, дѣлаешь такіе изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ, всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашію на тебя грозную тучу, каменьемъ побьетъ, молніей пожжетъ. Отъ грозной тучи нигдѣ ты не укроешься: ни подъ землею, ни подъ жежою, ни въ полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ борахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ норахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ съ разными шкурами, сожгу самую тебя, развѣю по чистому полю. Слово мое не преидетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

11. Заговоръ отъ ужаленія козюлька.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ, подъ тѣмъ дубомъ стоитъ липовый кустъ, подъ тѣмъ липовымъ кустомъ лежитъ златой камень, на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на томъ рунѣ лежитъ инорокая змія Гарафена. Ты, змія Гарафена, возьми свое жало изъ раба такого-то, отбери отъ него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недуговъ, ино я выну два ножа булатные, отрѣжу я у змѣи Гарафены жало, положу въ три сундука желѣзные, запру въ два замка нѣмецкіе. Ключъ небесный, земный замокъ! Съ этого часу, съ полудня, съ получасу, да будетъ бездыханна всякая козюлька, и ужаленія ея въ неужаленія. А вы, змѣи

и змиѣцы, ужи и ужицы, мѣдѣяницы и сарачицы — бѣгите прочь отъ раба такого-то по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово мое крѣпко!

12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ муріевъ.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седьмерицею семь старцовъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тьму темъ черныхъ муріевъ. Возьмите вы, старцы, по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ муріевъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба такого-то.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ-моря, лежитъ островъ Буянъ; на томъ островѣ Буянѣ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба такого-то, отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя муріи съѣдятъ. Слово мое крѣпко!

13. Заговоръ отъ червей.

Татаринъ, татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! Зачѣмъ ты, татаринъ, съѣшь червей у моей

лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синюю даль; ты засохнешь, какъ порошинка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

14. Заговоръ отъ зубной скорби.

Заря-зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою отъ проклятаго лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ лимарь, откачнись отъ меня; а если ты будешь грызть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнїя. Слово мое крѣпко!

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, золотыя твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь!

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустымъ перелукамъ, по оврагамъ, по каналамъ. Навстрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, а темнымъ лѣсомъ, сырымъ боромъ. Навстрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. Навстрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба: гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мнѣ

свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на-крѣпко у раба такого-то, по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы? Не ломятъ ли у тебя кости? Нѣтъ, сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломятъ у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болѣли кости, не ложили зубы, по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чуда водяной! Возьми зубъ ломовой у раба такого-то. Не болятъ у раба такого-то зубы; болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по всѣ часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пицалей и стрѣлъ.

За дольными горами есть Окіанъ-море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, будату красному и синему, стали, мѣди, проволокъ, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пицалямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ:

Подите вы: желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А велитъ онъ: пожу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу

изъ пищали, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полмя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь, что имъ покорилась и поклонилась селитра-порохъ, смиреннымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрыдываютъ, и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прыдали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко!

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высокому терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, окрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкасскія, русскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы

я на войнѣ цѣль и невредимъ, и мой конь былъ бы цѣль и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. За-
мыкаю свои приговорныя словеса замкомъ и ключъ кидаю
въ Окіанъ-море, подъ горючъ камень Алатырь. И какъ
мору не высыхать, камня не видать, ключей не доставать,
такъ меня пулямъ не убивать, до моего живота, по конецъ
вѣка.

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра-земля, ты мать всякому желѣзу, а ты, же-
лѣзо, поди во свою матеръ—землю, а ты, древо, поди во свою
матеръ—древу, а вы, перья, подите во свою матеръ—птицу,
а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты, рыба,
поплыви въ море, а мнѣ бы, рабу такому-то, было бы про-
сторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь, на меня
не ходите, воротитесь ушми и боками. Какъ мятелица не
можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приста-
вать, такъ бы всѣмъ вамъ ни мочно ни прямо, ни тяжело
падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и мое-
му коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ же-
лѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня,
а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не
окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ
крѣпокъ и дологъ!

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья, кумы и ку-
мовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, до-
чери и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золов-
ки, тести и тещи, зятья и свояки, золовки и невѣстки, всѣ
вы черные, всѣ вы бѣлые, всѣ красные, скажите мнѣ всю
сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите,
не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили до-

черяшъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будетъ не скажете вы сущей правды, не взыщете моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будетъ вы скажете сущую правду, ино вамъ будетъ житѣ привольное, раздольное. Заговариваю я, раба такая-то, на карты на вывѣдываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ осы.

Оса, мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать. Осятки-дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я закручень-траву, сушу на сыромъ бору, жгу въ зеленомъ лугу. Осятки, летите на дымъ; оса, бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ!

24. Заговоръ отъ заоя.

Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба, такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣтъ; а въ моей клѣти ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, умири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на оставленіе руды.

Бхаль человекъ старъ, конь подъ нимъ карь, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты, мать-руда жильная, жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воро-

тись. Старъ чловѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя, рудамать, не бывало. Слово мое крѣпко.

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридевять три дѣвицы, колятъ камку иглами булатными. Вы, дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты, руда, уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

27. Заговоръ на остановленіе руды.

Летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится воронъ къ рабу такому-то на главу и на плечо. Воронъ сидитъ, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты, воропъ, рану не клюй, ты, руда, изъ рапы не бѣги. Идетъ старецъ, всѣмъ ставецъ, несетъ печать. Ты, старецъ, остановись, ты, воронъ, не каркай, ты, руда, не кашни. Крови не хаживать, тѣлу не балить. Пухъ земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Аеонскихъ стоитъ дубъ мокрецейкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тринадцать старцевъ съ старцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ просто-волосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнугій, съ тринадцать старцами: кто сін къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишась двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнугіемъ. И не почто же

бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадцать дѣвицы! Будьте вы трасуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ ширь не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвиць къ водѣ студеницѣ, трасуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвиць въ тарь-тарары! отыдите отъ раба, такого-то, въ лѣса темныя, на древа сухія²⁵).

29. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Ѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба, красная дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злѣбевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческій мечъ-кладенець; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона. Мнѣ, мечъ-кладенець, будь другомъ, мнѣ, панцырь дѣдовскій, будь роднымъ братомъ, мнѣ, шлемъ богатырской, будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ, конь вороной, будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружій нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ пицали, отъ стрѣлъ, отъ борца, отъ кулачнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго не длиннаго четвертиннаго, отъ липы, отъ жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ курослѣпу, отъ орѣшины, отъ можжевельнику, отъ сѣна, отъ соломы, отъ кости, отъ желѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ мѣди ерасной, зеле-

ной, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей: нагайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, гулянцовъ, бухарцовъ, кобытей, вовуловъ, бумирцовъ, турчениновъ, якутовъ, лунасовъ, черемисовъ, вотяковъ, либановъ, китайскихъ людей.

Вы, дерева, отъ меня раба, такого-то, воротитесь; вы, желѣзо и мѣдь, и сталь, и золото, отлетайте; вы, люди невѣрные, отбѣгайте. А буде я ворочусь по-живу и по-здорову, ино буду красна-дѣвица тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючъ Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я одинъ, по-живу, по-здорову.

30. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, восходилъ мѣсяцъ изъ-подъ синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градѣ каennomъ породила меня мать родная, раба такого-то, а рожая, приговаривала: будь ты, мое дитячко, цѣль-невредимъ: отъ пушекъ, пищалей, стрѣлъ, борцовъ, кулачныхъ бойцевъ; бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ оружіемъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить не убить, ножомъ не узвivity, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ничѣмъ не вредить; а быть тебѣ передъ ними соколомъ, а имъ дроздами; а будь твое тѣло крѣпче камня, рубаха крѣпче желѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, во рати удалцомъ, въ міру на любованье, во дѣвичемъ терему на покрашенье, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцомъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ.

31. Заговоръ ратнаго челоѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зелепомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіапъ-море, на островъ на Буянь, подь мечъ-кладенець; черную былинку покачу подь чернаго ворона, того ворона, что свиль гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная, съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясъ узорчатомъ завить, зашить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ-кладенець, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечомъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратнаго челоѣка, такого-то, на войну симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

32. Заговоръ ратнаго челоѣка, идущаго на войну.

Подь моремъ подь Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подь змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключъ отъ княжева терема, Володимерова, а во княжомъ теремѣ, Володимеровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветъ лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалынскому, заключи змѣя огненнаго, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема Володимерова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моею мочи расклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить ключъ семипудовой. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынскаго, заключетъ змѣя огненнаго, притащитъ ключъ семипудовой; а воронъ посаженъ злою вѣдьмою кievскою.

Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма кievская. Пойду-ль я во лѣсъ стоячій, во боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку къ злой вѣдьмѣ кievской. Ты, злая вѣдьма кievская, вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ жѣдныи домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключъ. Заупряжилась, закорачилась злая вѣдьма кievская о своемъ воронѣ. Не моею старости бродить до моря-Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ воронъ жѣдныи домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ.

Отпирю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруи не убьетъ меня ни пищаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

33. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодець, во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодець, съ покорищемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжю рать, одинокаго, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по-добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словошъ. Радъ бы стоять во полѣ за тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя раба, такого-то, идти на войну во всешъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пищаль не въ пищаль, татарская пика не въ пику, поганая татарская сила не въ силу, казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, литовскіе богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь отъ топоровъ, бердышей, нищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, татарской силы, казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часть, по сей день.

34. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, кремлевской. Ты, стѣна кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ татаръ, злыхъ татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣлъ, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на

сырой росѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри, княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татаръ, полоните всю татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣль, невредимъ. Иду я во кровавую рать татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль, невредимъ. Вы, раны тяжелыя, не болите, вы, удары бойцовъ, меня не губите, вы, пищали, меня не десятирите; а былъ бы я цѣль, невредимъ.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

35. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ такой-то, по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищалахъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружїи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружїя. И стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружїя меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣя двенадцать-главаго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ за Окїанъ-море, со острова Буяна, со шѣднаго дома, того змѣя, что убить двенадцать богатырми подъ двенадцать муромскими дубами. Въ моихъ узлахъ защиты злою мачихою змѣиныхъ головы.

Заговариваю я раба, такого-го, ратнаго человѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко накрѣпко.

36. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.

На морѣ на Окїанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Вьется тоска, убивается тоска,

съ доски въ воду, изъ воды въ полымя, изъ полымя выюгаль сатанина, кричить: павушка романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ, такой-то, въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба, такая-то, тосковала всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы не заѣла, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ-море, подъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ тоску.

37. Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣль-горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ Алатырь сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба, такого-то, отъ порѣзу. Булатъ, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

38. Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба, такого-то, двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣлбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія, отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то проклянѹ въ тарь-тарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежь, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣлба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ

кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье, окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ вы, недуги, откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба, такого-то, по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ.

39. Заговоръ на покраденную вещь.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ такому и сякому вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ воръ воротилъ покражу такого-то, чтобы онъ не утаилъ ни сина пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты, воръ, проклять моимъ сильнымъ заговоромъ въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипучую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ плотину мельничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ банный; будь прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, изсушенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервянѣй, одурѣй, обезручѣй, оголодай, отошай, валяйся въ грязи, съ людьми не смыкайся и не своею смертію умри.

40. Заговоръ оборотня.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пенъ, въ зеленъ лѣсъ, въ широкій долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на

зубахъ у него весь скоть рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ доль волкъ не забродитъ. Мѣсяць, мѣсяць — золотые рожки! Расплавъ пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской.

41. Заговоръ для любви.

Исполнена есть земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть бѣль-горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголь, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясные очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ. И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, нигдѣ-бъ пробить не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженіемъ, съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло спѣшно шла бы и бѣжала, и пробить безъ него ни единыя минуты не могла. Думала-бъ объ немъ не задумала, спала-бъ не заспала, ѣла бы не заѣла, пила-бъ не запила, и не боялась бы ничего; чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ

и даже милѣе сну своего, по всякое время: на молоду, подѣ полнѣ, на нерекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утверженіе и укрѣпленіе, имѣ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ челоуѣкъ, кроуѣ мена, покусится отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищѣ орѣховомѣ. И ничѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурю, ни водою дѣло сіе не отмыкается²⁶).

42. Заговоръ родимой матушки въ наносной тоскѣ своей дитятки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подѣ дубомъ мокрецькимъ, сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоскѣ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной. Идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незванныхъ, непрошенныхъ. Гой ты еси, дѣвица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Окіанѣ? И рече дѣвица семи старцамъ съ старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемитъ, болитъ головушка, не милъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцевъ съ старцемъ, грознымъ-грозно, учили ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянъ, на море на Окіанъ, подѣ дубъ мокрецькой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, свою ненаглядную дитятку, такую-то, отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ, по сію минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ.

43. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегалала путь-дороженька,

всѣмъ дорогамъ старшая и большая; по той дорожкѣ шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли онѣ во міръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ, выростала травушка со муравушкой; на той травушкѣ со муравушкой сидѣли тоска со кручиной, а сидѣли онѣ, да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить?

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій; въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по неизвестной бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути и дороженькѣ на міръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабы такой-то, наносную тоску, а не покорится вамъ тоска со кручиной, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на-крѣпко. А кто жой заговоръ воздолѣетъ, и ему провалиться сквозь тарь-тарары.

44. Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.

За моремъ за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ семь цѣпей, за семьдесятъ семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью крюками. Никто добраго молодца изъ неволи не освободитъ, никто добраго молодца до-сыта не накормитъ, до-пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка, такая-та, во слезахъ горячихъ, поила молодца сы-

той медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжихъ, не доставать бы молодцу мечъ-кладенецъ врага-супостата, а жить бы молодцу во терему родительскомъ, съ отцомъ съ матерью, съ родомъ племенемъ. Ужь, какъ возговорить добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечомъ-кладенцомъ хотѣлъ я достать враговъ-супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княземъ терему надъ дѣвицей-красной, такой-то.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, любовнаго молодца, такого-то, на любовь красной дѣвицы, такой-то. Вы, вѣтры буйные, распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиной, чтобы она тосковала и горевала; чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду-племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы ей онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы, такой-то.

45. Заговоръ на воду.

Во черной избѣ, за дубовымъ столомъ, стоитъ трясавица на полицѣ. Ты, трясавица, не вертись, а ты, притолка, не свихнись. Вертѣлось бы, свихнулось зелено вино въ чашѣ;

и вертѣло бы вино, и свихнуло бы вино все притаманное, невѣдомое, да что не слыхано, да что не сказано въ такомъ-то дому, на такому-то бѣду. А буде ты, трясавица, завертишься, а буде ты, притолка, свихнешься, ино будетъ вамъ отъ меня лютово неволье, да злово томленье, а на иново вамъ будетъ все по-добру, по-здорову, какъ бывало доселево. Слово мое крѣпко.

46. Заговоръ островника на зеленую дуброву.

Хожу я, рабъ такой-то, кругомъ острова, такого-то, по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я черезъ всѣ лѣса: дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину, по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ. А было бы въ моей дубровѣ по-живу, по-добру, по-здорову. А въ мою бы зелену дуброву не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человекъ, ни вѣдьма, ни лѣшій, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой на-большой; а было бы все у меня во послушаніи, а былъ бы я цѣль и невредимъ.

47. Заговоръ отъ лихаго человекѣка.

Иду я по чистому полю, навстрѣчу бѣгутъ семь духовъ съ полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобъ я отъ нихъ былъ цѣль и невредимъ во пути и дорогѣ, во дому и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, мои слова крѣпки. Кто мое слово испровержетъ, ино быть во всемъ наиново, по-худу, по-недобру, какъ вопреди сказано.

48. Заговоръ красной дѣвицы отъ недуговъ полюбовнаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-та, изъ воротъ въ чисто поле, въ Окіанъ-море, становлюсь я, дѣвица такая-та, на бѣль-горючь камень Алатырь, опоясываюсь бѣлой пеленой, заговариваю своего полюбовнаго молодца, такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ принедугами, полунедугами. Вы, злые недуги, не недужьте раба, такого-то. Отсылаю я васъ въ Окіанъ-море, въ бездны преисподніа, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, по сей день, по сей часъ, по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбовный молодець бѣль и хорошъ; а милѣе бы его не было во всемъ свѣтѣ; а привѣтнѣе бы его не было и во теремѣ княжешь; а залучнѣе бы его не было во всей околицѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамоту неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на такія-то озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зори, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки ненарушимо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣль-горючь камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой; подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ со-
И. САХАРОВЪ.

ставы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ такой-то красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь, къ такому-то, полюбившему молодцу. А была бы красная дѣвица, такая-та, во всемъ послушна полюбившему молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться, ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣль-горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

51. Заговоръ отъ черной немочи.

Летитъ птица за моря, бѣжитъ звѣрь за лѣса, бѣжитъ дерево въ дерево, мать земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать тарь-тарары, во тьму кромѣшную, а бѣжала-бъ назадъ не ворочаючи, а былъ бы такой-то человѣкъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, моимъ рѣчамъ покоряща не дашь, велю тебя птицѣ за моря унести, звѣрю въ лѣсъ затащить, мать землѣ въ свою мать во сыру землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будетъ тебѣ горе великое, а такой-то человѣкъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, имъ же замыкаются всѣ недуги съ полунедугами, всѣ болѣсти съ полуболѣстями, всѣ хворобы съ полухворобами, всѣ корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человѣка отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнь.

52. Заговоръ отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и приди къ рабу, такому-то; вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Окіанѣ, посреда моря Бѣлаго, стоитъ мѣдный столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдница отъ болѣстей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тотъ мѣдный столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему мѣшъ словомъ зановѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія такой-то цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь.

54. Заговоръ молодухи отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкъ дворъ заборчатый, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьицы, задержите моего мужа, такого-то; вы, звѣзды ясныя, затемните свой свѣтло-яркій свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, забытъ со безпамятью; а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую пе-

чаль со бѣдою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55. Заговоръ красной дѣвицы отъ призороковъ.

Посреди Окіанъ-моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, чѣмъ вѣтрами сѣверными, подымалась мятель со снѣгами, нагонялись волны на высокъ теремъ, налетали орлы черны на широкъ долъ, выходила красная дѣвица къ загорному студенцу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилась красная дѣвица вокругъ студенца, а сама говорила таковы рѣчи: Гой ты, туча грозная, со буйными вѣтрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью отъ красной дѣвицы, рабы такой-то, на Окіанъ-море, застели ей путь и дороженьку мятелю со снѣгами, прикрой призороки бѣлосѣрыми волнами, приставь въ сторожи черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водою; стираю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узороки съ призороками; отмахиваю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ вороновъ съ воронихами, съ ворончатами; отгоняю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что заронилъ призороки въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, что того врага, что затмилъ очи ясны, что того врага, что порудилъ красоту дѣвичью, что того врага, что сгубилъ семью почетную, что отнялъ дочь отъ матери, что сокрушилъ отца безвременьемъ дочернимъ.

Заговариваю мои заповѣдныя словеса симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ на отгнаніе призороковъ отъ рабы такой-то, по сей день, по сей часъ, по ея жизнь. А будетъ заговоръ ничѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни аеромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А буде кто покусится порушить мой заговоръ, ино ему провалиться въ бездны

преисподнія, въ яму угольную, а красной дѣвицѣ, такой-то, быть по-добру, по-здорову.

56. Заговоръ отъ колотья и болѣстей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотья и болѣсти симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ; и заповѣдаю вамъ, колотье и болѣсти, таскаться по міру отъ востока до запада, отъ озера до болота, отъ горы до дола, отъ моря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣся, отъ стара до мала человѣка, отъ звѣря до гада, отъ города до пригородовъ, отъ села до погоста, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣсяца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со болотомъ утонуть, а съ дола на гору не влѣзть, отъ моря до моря не перебродить, и въ лѣсу съ перелѣсемъ зацѣпиться, а отъ старца до мала человѣка быть побиту, и отъ звѣря до гада быть заѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть поодаль, отъ деревни до стана быть за каналомъ, отъ звѣзды до мѣсяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ человѣкъ порушитъ мои словеса, кто задумаетъ расторгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть во всемъ по моему.

57. Заговоръ на изгнаніе съ островника звѣрей и гадовъ.

Хожу я по залѣсью утренней росой, собираю я травы зельныя, варю травы зельныя во мѣдяной росѣ, поливаю травами зельными со водою по всѣмъ кустамъ, по всѣмъ полямъ, по всѣмъ межамъ. Вы, звѣри лютые, выходите, вы, гады, выбѣгайте, вы, недобрые люди, отбѣгайте. Во моемъ островникѣ звѣрямъ не живать, гадамъ не бывать, недобрымъ людямъ не захаживать, а быть бы мнѣ большимъ набольшимъ; а звѣри бы въ моемъ островникѣ меня

слушались, а гады бы съ моего островника прочь отбѣгали бы. Мое крѣпкое слово да будетъ всему превозмогъ. Какъ могучи травы зельныя, такъ бы могучѣй того былъ мой заговоръ подь молоду, подь исходъ, подь перекрѣй, по восходъ и по закатъ солнца; подь поясъ Сажара и Кучекроя, подь Замежуя, подь Отвори ворота, подь Наскоча, подь Золенца, подь звѣзды ясныя и темныя со всѣми звѣздами и полузвѣздами.

58. Заговоръ на походъ.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. А кыры и Оры, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, такожде и на меня раба, такого-то, не думали бы зла и лиха какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельжожи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба, такого-то, увидѣли вы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини и всѣ православные роды христіанскіе, возвеселились; и какъ не видить мати отлученнаго дитя многія лѣта, а увидить возвеселится и возрадуется зѣло весело и радостно, такожде меня, раба такого-то, увидѣвъ, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ вельжожи и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, такожде вы меня и моихъ словъ не могли-бъ превратить, во вѣки вѣковъ ²⁷).

59. Заговоръ отъ скорой доспѣшки.

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле; въ чи-

тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы, такой-то, со своей женой въ избищѣ. Чтобъ опъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не по-ступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерища; тебѣ, чертищу, хранить шапку въ озерищѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна. Чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать, на миръ и на ладъ. И виѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

61. Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, рабъ такой-то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ бранымъ полотеничкомъ утрнусь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣстницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпцомъ въ темные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣль-горючъ камень; стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Посо-бите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити; кунницъ, и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загонати и залучати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ, безопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣз-

нымъ кляпомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперешника, отъ колдуна, и отъ вѣдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ двоеженныхъ и троеженныхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ, и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, — тынъ желѣзный, а другой мѣдный, третій булатный; замки замкнитесь, отнесите, ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно, какъ ели къ хвоя, такъ къ кляпцамъ желѣзо! А мнѣ, рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синій камень, въ черномъ морѣ черный камень, въ бѣломъ морѣ бѣлый камень. Сей мой заговоръ.

62. Заговоръ на тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Стану я, раба такая-та, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подводосточную сторону, въ подводосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ, такой-то, безъ рабы, такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся, тоска, вѣдайся, тоска, въ грудь, въ сердце, во весь животъ рабу,

такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ, такой-то.

63. Заговоръ отъ грыжи.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, въ подводосточную сторону, къ морю къ Окіану, въ морѣ-Окіанѣ лежитъ Алатырь камень, на томъ камнѣ Алатырь стоитъ дождь. Попрошу я, рабъ такой-то, здоровья, объ такой-то болѣзни, объ наличномъ мясѣ, отъ грызоты, отъ болѣты, отъ ломоты. Вѣжить рѣка огненная, чрезъ огненную рѣку калиновой мостъ, по тому калинову мосту идетъ старъ матеръ чловѣкъ; несетъ въ рукахъ золотое блюдечко, серебряно перышко, мажетъ у рабѣ, такой-то, семьдесятъ жилъ, семьдесятъ костей, семьдесятъ суставовъ; збавляетъ съ раба, такого-то, семьдесятъ болѣзней. Не боли и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, ни на концѣ, ни на вѣткѣ никогда.

64. Заговоръ на остуду между молодцомъ и дѣвицей.

Какъ мать быстра рѣка Волга течеть, какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются, такъ-бы рабъ, такой-то, не водился съ рабой, такой-то, ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клевицѣ, ѣсть нѣжить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ-бы раба, такая-та, казалась рабу, такому-то, простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ росомахой, такъ бы у раба, такого-то, съ рабой, такой-то, не было согласья ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пабѣдокъ. Слово мое крѣпко.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Старія записки взяты изъ лѣтоп. Рост. и Кениг. Рук. листъ 103, 105, 106.

2) Это единственный рассказъ, открывающій слѣды русской мифологій. Вѣрованіе скандинавовъ живо отражается въ чудесникахъ ростовскихъ.

3) Ворожба чудскаго чудесника указываетъ прямо на финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.

4) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.

5) Тамъ же, т. VI, прим. 324.

6) Русск. Вивлюе. Н. Н. Полеваго, т. I, стр. 29.

7) Въ царскихъ предложеніяхъ, для рѣшенія которыхъ составленъ былъ Стоглавный соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гаданіи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о кличкѣ на Радуницѣ, 26 о четверговой соли, 27 о ворожбѣ въ поведѣльничикъ послѣ Петрова поста.

8) Издатели Законовъ В. К. Ион. В. и Судебника помѣстили этотъ наказъ, подъ именемъ выписи 1552 г. на стр. 113.

9) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.

10) Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.

11) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 216.

12) Сказ. Курб. ч. 11, стр. 112.

13) Сказ. Курб. т. I, стр. 101.

14) Сказ. Курб. т. I, стр. 102.

15) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.

16) Сказ. Курб. т. I, стр. 133.

17) Сказ. Курб. т. I, стр. 33.

18) Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.

19) Ист. о Зат. Вояр. Матв. стр. 11, 161, 162.

20) Очень многого о чернокнижии мы не помѣстили здѣсь; одни свѣдѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говоримъ за излишествомъ.

21) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 328.

22) Смотри въ концѣ книги дополненіе № 1.

²³⁾ Смотри въ концѣ книги дополненіе № 2.

²⁴⁾ Le magicien Lexilis, qui florissait à Tunis, était fort mauvais prisonnier. V. Chroniques et contes de Mouchenberg. Ancienne Chronique de la odre. Jacques Meyer. Cardan dans ses contes.

²⁵⁾ Понятія русскаго народа о лихорадкахъ заимствованы отъ павликіанъ. Православною церковью были преданы проклятію: вопросы къ Богородицѣ о недузѣ естественномъ, еже именуется трасавица. См. Іоанна, экз. Болгарскаго, изд. Калайдовичемъ. Стр. 210.

²⁶⁾ Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: Чародѣйство, или дяди, обманувшійся колдунъ. Стр. 51. Москва 1831 года.

²⁷⁾ Последніе семь заговоровъ были сообщены г. Парихинимъ.

Сказанія о чародѣйствѣ.

---

1. Чары на вѣтеръ.

Чары на вѣтеръ извѣстны были въ русскомъ черно-книжии еще въ XVI столѣтїи. Курбскій, участникъ славы царя Іоанна IV Васильевича, описывая казанскую битву, говоритъ, что казанскіе татары, желая очаровать русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ русскою семейною жизнію, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Чтобы увѣриться — дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ, стоитъ только заговорить съ первымъ русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ чародѣевъ такому ремеслу, когда отроившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, рассматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены казанскими чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокую мечь въ оскорбленїи. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются къ чародѣю, рассказываютъ свою обиду, просятъ

его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живеть твой супостатъ?»—«Вотъ въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живеть мой супостатъ!»—Выходятъ вмѣстѣ на дорогу и оба смотрять: есть-ли туда попутный вѣтеръ? Если есть вѣтеръ, тогда приступаютъ къ совершенію обряда. Обиженный поселянинъ беретъ съ дороги снѣгъ или нылъ, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ чародѣю. Тотъ, принявши пылъ, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе:

«Кулла, Кулла! Ослѣпи такого-то, черныя, вороныя, голубыя, карія, бѣлыя, красныя очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Ужори его скорѣе змѣи мѣдьяницы!»

Проговоривши проклятіе, чародѣй глубоко задумывается, потомъ рассказываетъ: видъ, примѣты, мѣсто — куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ корчило этого человѣка, какъ онъ лишался зрѣнія, какъ раздувался своею утробою, какъ началъ чахнуть, какъ теперь томится недугомъ смертнымъ.

Поселяне убѣждены, что если ихъ врагъ попадетъ подъ проклятіе чародѣя, то онъ непремѣнно будетъ жертвою чарованія. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицею и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются напередъ самими чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу всякаго чарованія. Зная простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать чародѣямъ. Многія извѣстны многія усилія, предпринимаемыя для истребленія сего обмана, но къ сожалѣнію, увеличившія еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣйстви-

тельности этихъ чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благодѣтельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ бѣдствію — могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русскій поселянинъ тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствіе, онъ лишается этихъ наслѣдственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

2. Чары на слѣдъ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ погибшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на русскую землю это чарованіе? Что оно не русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Люди занимающіеся этимъ ремесломъ суть: цыгане, литовцы, татары, молдоване, сельскіе русскіе коновалы, бродящіе по русскимъ селеніямъ съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся вънакладъ простодушнымъ поселянамъ. Спрашивай бывалаго — русское повѣріе — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ диковинкахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый, какъ опытный обманщикъ, научаеътъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ничто другое, какъ обыкновенная болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ старческаго увяданія — *Magasmus*. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою минутою жизненныя отправления, лишается умственныхъ способностей и, въ истоженіи посте-

пенномъ, медленною, умираеть. Поселяне, не понимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдѣ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдѣ употребляются: въ любовныхъ интригахъ, въ размолвкѣ сосѣдей, въ явной, неприимиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ будто они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человѣка до послѣдней возможности и доводятъ нерѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдѣ, стараются подмѣтить слѣдѣ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замятивши слѣдѣ, они закрываютъ его, чтобы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатлѣны: на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ особенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдуманно, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдѣ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ со ступни. Для этого они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они же, окровавленный вихремъ. Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда чародѣи прячутъ слѣдѣ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдѣ въ банѣ.

Зло, совершенное чародѣями надъ подвергшимся этому чарованію, можетъ быть и уничтожено, Замятивши тоску, поселяне призываютъ или доку, или вѣдуна, или знахаря, и просятъ его, съ подарками, избавить больного отъ недуга. Дока, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ

волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамы извѣстно сколько у каждаго человѣка есть волосъ, и что выльзающіе волосы всегда падаютъ подъ слѣды. Если они найдутъ слѣды и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда общають изъавленіе. Когда же общаніе не сбывается, тогда увѣряють, что замѣченные ими въ слѣды волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это условіе есть приготовленное оправданіе для неудачи. Дока выноситъ найденный слѣды на улицу и бросаетъ на дорогу, по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда дока не отыщеть слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя, что только это средство изъавить его отъ недуга.

Всякій благомыслящій человѣкъ, конечно, будетъ сожалѣть о заблужденіи поселянъ и, безъ сомнѣнія, пожелаетъ истребленія этого повѣрія. Что чары на слѣды есть обманъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Кто, кромя помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ, можетъ истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи общаго желанія!

3. Чары для калѣкъ.

Чары для калѣкъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолудинъ рѣшительно вѣритъ, что калѣки, люди обезображенные разными болѣзнями, суть несчастливцы, очарованные докамы, вѣдунами. Можно ли придумать нелѣпѣе сего заблужденія? Русскій поселянинъ, при взглядѣ на калѣкъ, сожалѣетъ объ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе нечистой силы. Нельзя обвинять поселянина за это послѣднее предположеніе: достовѣрныя извѣстія объ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До

сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слѣпыми и калѣками, для благовиднаго собиранія милостыни, чары для калѣкъ дѣйствительно находятся въ русскомъ чернокнижии. Чтобы увѣрить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, разсмотримъ совершеніе самаго обряда. Это только одно можетъ доказать, что русскій поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ землю съ свѣжей могилы, вынимаютъ золу изъ семи печей, собираютъ соль изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи, или въ чулки, или кладутъ въ лалти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье, лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для калѣкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитренныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и будучи растворимъ ею, увлажняетъ, такъ сказать, свою сыростью соприкосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человѣческой организаціи всасывать влажность, то легко увѣримся, что составъ чародѣевъ для калѣкъ основанъ на всасываніи испареній, и что вслѣдствіе этого неизбежно долженъ образоваться искусственный ревматизмъ. Простолудинъ, не понимая законовъ природы, но вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что то дѣлаютъ злостные мертвецы, ненавидящіе

живущихъ людей за то, что они, будто бы наперекоръ судьбы, остаются взаимно ихъ наслаждаться мірскими удовольствіями.

Военные врачи, въ мирное время, должны обращать особенное вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для калѣкъ.

Невозможно допустить, чтобы русскій поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для калѣкъ. Если есть изъ русскихъ занимающіеся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они исполняютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйствіи веществъ на человѣческое тѣло. Послѣ сего мы смѣло можемъ сказать: чары для калѣкъ есть изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ русскую землю. Доселѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдаютъ за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: искусственная истерика. Кровогонительныя средства, нарушая отправление женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искусственное состояніе нервнаго электричества, что врачи никакъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенные законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человѣческой организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами, всегда употребляется ими во зло. Отъ сего произошло образованіе многихъ искусственныхъ болѣзней.

4. Чары на лошадь.

Чары на лошадь, сопровождаемыя глунымъ вѣрованіемъ въ ищеніе мертвецовъ, нашли для себя пріютъ въ

сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основателями сего чародѣйства были цыгане, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, дѣлаются вѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Чтобы совершить надъ лошадьми чары, поселяне, по совѣту чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни; и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослѣпление черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на ищеніи мертвецовъ.

Пастухи, изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вбиваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невинное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ, увѣрившій простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиною сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ, самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія чародѣя.

5. Чары на подтекъ.

Чары на подтекъ принадлежатъ болѣе къ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели къ чудесамъ, неизъяснимымъ ни

законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣрїе, что такимъ чарованіемъ обладаютъ мельники.

Мельникъ русскій для своего заведенія бываетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотины для мельничнаго пруда есть верхъ его искусства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавидящие придумали разрушать плотины, устраиваемыя въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содержащія въ большой тайнѣ. Призванные злобнымъ мельникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣритъ, что это такъ, какъ увѣряетъ его знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко чародѣя есть — живая ртуть. Кромѣ змѣинаго молока, чародѣи совѣтуютъ бросать въ осминномъ мѣшкѣ золу по зарямъ вечернимъ и утреннимъ, увѣряя, что зола выгоняетъ изъ пруда водянаго дѣдушку. Чернь слѣпо вѣритъ и въ зори и въ водянаго.

Могутъ ли чародѣи разрушить этими средствами плотину, рѣшить невозможно; но что — это зло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнїя. Облекая его мѣами и чудеснымъ разсказомъ о выходѣ водянаго изъ воды — обманщики обольстили простодушныя сердца поселянъ, часто недоступныя къ состраданію.

6. Чары надъ змѣею.

Чары надъ змѣею изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ преклонить человѣческое сердце къ любви неволею. Не довольствуясь одними заговорами, они прибѣгали къ чарованію, и знахари явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованій, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ обольщеніе старой жизни, украшенное

восторженными разказами, роскошною жизнью. Русская земля получила всѣ любовныя чарованія отъ грековъ, съ первыхъ дней сношенія съ этимъ народомъ.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣею заключается въ суевѣрномъ вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастіями. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣренная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены надъ нею для любви тако-го-то, вѣрять безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя затѣи знахарей содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія чаровъ надъ змѣею, вручаютъ деревянную рогульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рогулкою придавить его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣиные глаза иголку съ ниткою и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ чтобы раба, такая-то, любила меня и жалѣла».

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ, должно продѣть этою иглою съ ниткою платье такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ, чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается дотолѣ, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе въ любви, тогда должно зажечь змѣиную свѣчу, и любовь снова воз-

горится. Когда же вся сгоритъ свѣча — тогда любовь на вѣки простываетъ.

Чары надъ змѣею совершаются во многихъ русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большою тайною и покупаются дорогою цѣною:

7. Чары надъ лягушкою.

Чары надъ лягушкою принадлежать къ любовнымъ чарованіямъ и занесены въ русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъестественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разумѣнія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать красой дѣвичьей, всегда прибѣгаетъ къ знахарю за совѣтами — пособить своей тоскѣ. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продыравленный кувшинъ и бѣжать не оглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику, — то нечистая сила можетъ его сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила поневолѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ, но если неопытный будетъ оглядываться, то она жестоко мститъ за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто-либо устоялъ противъ искушеній и сберечь такую заповѣдь. Притомъ часто случается, что посторонніе люди, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ вилку и крючекъ. Эти орудія дѣ-

лаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по-неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ—и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тягость, то стоитъ только оттолкнуть вилкою и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человѣка чары надъ лягушкою есть совершенный вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣрить этому, но и съ большою готовностью обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно губительно для дѣятельности сельской. Часто простолудинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслью, забывая свои обязанности.

8. Чары надъ голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодыхъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старые же полагаютъ, что съ такимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Разсматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, невозможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Альбертъ въ своемъ сочиненіи о таинствахъ—сказалъ: *Si tecum habueris cor columbis, omnes te ament.* Слѣдовательно это повѣріе занесено на русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаръ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и потомъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенные и завязанные въ

холстину, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непроницаемою тайною и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыганъ, коноваловъ и старушекъ лечеекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки лечейки толкутъ голубиное сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страждущимъ злыми недугами — корчами. Поселяне вѣрятъ, что отъ этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ нажѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселянки придумали и противъ этого зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепель кладутъ подъ порогъ, на попираніе всѣмъ проходящимъ людямъ.

9. Чары надъ змѣями и лягушками.

Въ русскихъ селеніяхъ почитаютъ за достовѣрное — возможность переселенія змѣй и лягушекъ не только въ дворы, дома, житницы, но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мнѣніе, какъ вздорное, не заслуживаетъ и упоминанія; но, какъ оно дѣйствительно существуетъ и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть самое величайшее зло въ сельской жизни, то здѣсь упоминается изъ одной необходимости, въ предосторожность простодушнымъ поселянамъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составляютъ самое отчаянное чарованіе въ русскою чернокнижіи. Разгнѣванный поселанинъ, ожесточенный до послѣдней возможности, лишенный всѣхъ средствъ къ отищенію, прибѣгаетъ съ

просьбою къ чародѣю: совершить чары надъ змѣями и лягушками. Это значитъ, что чародѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ дворъ его врага. Уговорившись за дорожную цѣну, чародѣй исправляетъ просьбу селянина.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, засушиваютъ въ печи, потомъ толкутъ въ мелкій порошокъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ. Когда бываетъ кому нужно напустить этихъ животныхыхъ, они завязываютъ порошокъ въ холстину и кладутъ въ навозъ. По прошествіи извѣстнаго имъ времени, вынимаютъ холстину, въ которой, по ихъ увѣренію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Такихъ-то, едва образовавшихся животныхыхъ, чародѣи разбрасываютъ по дворахъ, гдѣ они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такіе жестокіе люди, которые рѣшаются поить этимъ порошокомъ своихъ враговъ. Противъ сего зла поселяне употребляютъ свѣжую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладутъ вокругъ себя ягоды этихъ растений, и животныя, гнѣздящіяся въ нихъ, будто выползаютъ.

Обнародывая это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательныя сердца обратятъ все свое стараніе къ его искорененію. Этого требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. Чародѣйскій травникъ.

Вѣрованіе поселянъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразное. Кромѣ благотѣльнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзненныя состоянія человѣческаго тѣла, они допускаютъ, что въ травахъ скрывается нечистая сила, вѣдомая только чародѣямъ. Пересчитываемъ лишь замѣчательныя травы изъ чародѣйскаго травника.

1) ТРАВА КОЛЮКА.

Трава колюка собирается чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этою травой, мѣтко стрѣляетъ и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла и что такое ружье нельзя уже заговорить кудеснику никакимъ заговоромъ.

2) АДАМОВА ГОЛОВА.

Трава адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи собираютъ ее въ Ивановъ день и хранятъ скрытно до великаго четверга. По народному понятію, чародѣйская сила адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники, получившіе эту траву изъ рукъ записнаго чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ — въ великій четвертокъ.

3) ТРАВА ПРИКРЫШЬ.

Трава прикрышь собирается чародѣями въ великоденскій мясоѣдъ, отъ 15-го августа до 1-го октября. Люди, свѣдущіе въ чарованіяхъ, употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ, кладетъ траву прикрышь подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напередъ родными о дѣйстви знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть чрезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою; въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной. четѣ.

4) СОНЪ-ТРАВА.

Сонъ-трава собирается чародѣями въ маѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать соннымъ добро и зло. Собранныя чародѣемъ съ утреннею росою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ сонъ-траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастію, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представляется молодая дѣвушка или молодой мужчина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5) КОЧЕДЫЖНИКЪ.

Кочедыжникъ или папоротникъ срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтѣ кочедыжника; онъ цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описываютъ цвѣтеніе кочедыжника. Повторимъ ихъ рассказъ:

Въ глухую полночь изъ куста широколистнаго папоротника показывается цвѣточная почка. Она то движется впередъ и назадъ, то заколышется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая птичка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людскаго взора дорогой цвѣтъ. Потомъ, ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ какъ горячій уголь. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ развертывается цвѣтъ, какъ зарница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рѣшившійся сорвать цвѣтъ кочедыжника долженъ раниже придти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться разцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть всѣ искушенія, быть равнодушнымъ противъ всѣхъ превращеній нечистой силы. Если онъ оглянется на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурчиваетъ на всю жизнь. Доселѣ еще въ деревняхъ нѣтъ примѣра, чтобы кто-нибудь могъ сорвать цвѣтъ кочедыжника, кромя чародѣевъ. Цвѣтъ кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимкою. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ этого цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладокопатели бросаютъ цвѣтъ кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ, какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6) ТРАВА ТИРЛИЧЪ.

Трава тирличъ собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Днѣпра, подъ Киевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ. Изъ тирлича выжимается сокъ, которымъ натираютъ оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проникательные, зная свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародѣи дорожатъ тирличемъ, какъ сокровищемъ.

7) РАЗРЫВЪ-ТРАВА.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: прыгунъ, скакунъ. Это растеніе столь рѣдко, что люди только посвящаемые въ таинство чернокнижія могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ коче-

дыжника и у кого есть корень плакуна, того всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травой.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разныя свойства: разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мелкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемихъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество въ землю на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными дверьми съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ бороться съ нечистою силою? Русскій поселянинъ бѣжитъ отъ такой борьбы. Кладокопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе разрывъ-травы.

8) ТРАВА ПЛАКУНЪ.

Трава плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мнѣ, противный религіи, и обставили обрядами достойными сожалѣнія.

Чародѣи, собирая плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводитъ въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирать ихъ и приводитъ въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень плакуна для изгнанія домовыхъ, вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можетъ быть, наши слова дойдутъ до сердецъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ и, можетъ быть,

принесутъ пользу истребленіемъ народнаго зла въ вѣрованіе этой травѣ. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву плакунъ съ корнемъ, являютъ въ церковь, стараются съ сею травой стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на востокъ. Въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а вы-плакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ недовольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упоминать.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ русскую землю изъ Бѣлоруссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травой плакуномъ, обрядахъ, противныхъ христіанской религіи. У записныхъ знахарей травники сохраняются письменные, польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они точь-въ-точь произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были уничтожены, или по крайней мѣрѣ, чтобы простолюдины увѣрили въ ихъ ничтожности?

9) ТРАВА НЕЧУЙ-ВѢТЕРЬ.

Трава нечуй-вѣтеръ, по сказанію чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травой, всегда можетъ: остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ потопле-

ніа, наконецъ ловить рыбу безъ неводоѡ. День для собиранія травы нечуй-вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву нечуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ, люди зрячіе не могутъ находить это растеніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза кто-то колетъ иглами. Если они успѣютъ поднять и схватить не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь на счетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей и жалкое состояніе привлекали на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву нечуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная пѣснь надъ духами.

Говорятъ, что заклинительныя пѣсни зашли въ русскую землю изъ Бѣлоруссіи, Польши, Остзейскихъ губерній и Швеціи. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а рассказы не вѣрятъ. Безъ сомнѣнія, можно полагать, что они представляютъ собою только остатокъ древней восточной жизни, переходившій во всѣ народы и здѣсь дожившій до нашихъ временъ. Пересказываю одну пѣсню:

С. .... А. .... Т. .... О. .... Р.
А. .... Р. .... Е. .... П. .... О.
Т. .... Е. .... Н. .... Е. .... Т.
О. .... П. .... Е. .... Р. .... А.
Р. .... О. .... Т. .... А. .... С.

Что значить эта пѣсня, до сихъ поръ еще никто удовлетворительнаго не сказалъ. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенія. Говорятъ, чтобы узнать истинный смыслъ ея, должно переставить всѣ слова по способу извѣстному однимъ заклинателямъ духовъ. Запечатательно, что эта пѣсня имѣетъ такой складъ въ словахъ, что можно читать: сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и то же.

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ русскую демонологию, и наши вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвятителномъ. Къ удивленію нашего времени, есть еще люди, вѣрующіе въ эти бредни и страшящіеся ихъ дѣйствія.

Антоній Дюбуръ въ сочиненіи своемъ: *Dictionnaire des ménages—répertoire de toutes les connaissances usuelles*, Paris 1836, Том. I, pag. 13, говоритъ.

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue.

S	a	t	o	r
A	r	e	p	o
T	e	n	e	t
O	p	e	r	a
R	o	t	a	s

De quelque coté qu'on lise, on retrouve constamment les mêmes mots.

Въ одномъ сборникѣ Румянцевскаго музеума, писанномъ въ XVII вѣкѣ, на стр. 65, находится изображеніе этихъ словъ, названное:

«Сія печаль премудраго царя Соломона, протолковася отъ мудраго нѣкоего ритора. Толкъ же ея сице расположися, яже здѣ, ниже сего предложися. Зри опасно, увѣждъ извѣстно». Въ срединѣ страницы изображенъ кругъ, въ кругу четверугольникъ, раздѣленный на шесть квадра-

товъ, въ каждомъ квадратѣ помѣщено по одной буквѣ, написанной красными чернилами. На оборотѣ страницы въ 25-ти стихахъ приложено объясненіе.

12. Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ демонологіи, при полетѣ вѣдьмъ на шабашъ къ Лысой горѣ. Русскія вѣдьмы вѣрятъ безусловно въ этотъ вздоръ и стараются въ немъ увѣрять поселянъ. Въ русской демонологіи она имѣетъ слѣдующую форму:

А.
 А. Б.
 А. Б. Р.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
 А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
 А. Б. Р. А. К. А.
 А. Б. Р. А.
 А. Б. Р.
 А. Б.
 А.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Наши поселяне вѣрятъ и этому вздорному сказанію.

Слово абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азіи. Еврейскіе магики вмѣсто абракадабра принимали слово авракаланъ. Одни производили его отъ имени сирійскаго идола, другіе отъ персидскаго Авраксакъ, означающаго бога солнца, митру. Нѣкоторые составляли изъ этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200—которыя, вмѣстѣ сложенные, составляютъ сумму 365, или число дней солнечнаго года. Кабалисты и магики полагали, что въ словѣ абракадабра скрывается сила исцѣленія отъ лихорадки, если произносить его извѣстнымъ таинственнымъ образомъ. Врачъ XI столѣтія, К. Серенъ Саммоникъ, говорилъ: чтобы абракадабра имѣла свою силу, она должна быть написана въ видѣ треугольника прямого, или разсѣченнаго. Наши чародѣи форму слова абракадабра имѣютъ въ видѣ или двухъ прямыхъ треугольниковъ, или въ видѣ четырехъ равныхъ треугольниковъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

13. Пѣсня вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣдныхъ сказаніяхъ поселянъ есть повѣріе, что какой-то казакъ, забравшись на Лысую гору, подслушалъ пѣсню вѣдьмъ; но шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по бѣлому свѣту и передается чародѣями однимъ только вѣдьмамъ. Нѣтъ почти никакой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ. Это какая-та смѣсь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго и, можетъ быть, никогда небывалаго.

Кумара.

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.

Эшохожо, лаваса, шиббода.

Кумара.

А. а. а.—о. о. о.—і. і. і.—э. э. э.—у. у. у.—е. е. е.

Ла, ла, собъ, лі, лі, собъ, лу, лу, собъ!

Жунжанъ.

Вихада, всара, гуятунь, гуятунь.
 Лиффа, пррада, гуятунь, гуятунь.
 Напналимъ, вашиба, бухтара.
 Мазитань, руахань, гуятунь.
     Жунжань.
 Яндра, кулайнеми, яндра,
     Яндра.

14. Шабашная пѣсня вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня вѣдьмъ, говорятъ поселяне, открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ вѣдьмъ въ прежнее состояніе.

Гутць!
 Алегрёмось!
 Астароть, бегемоть!
 Аксафать, сабатань!
 Тенемось!
 Гутць!
 Маяла, на, да, кагала!
 Сагана!
 Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
 Сагана!
 Гулла, гуала, на, да, лаффа!
 Сагана!
 Шиха, эхань, рова!
 Чухъ, чухъ!
 Крыда, эхань, споха!
 Чухъ, чухъ, чухъ!
 Гутць!

15. Пѣсня вѣдьмъ на роковомъ шабашѣ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ цыганъ. Пользуясь этою пѣснію, наши старухи-

колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сейчасъ обогатить того, кто только можетъ пропѣть ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бывають совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!

Шагадамъ, магадамъ, викадамъ.

Небазгинъ, доюлазгинъ, фиказгинъ.

Бейхаманшъ, гейдулашаннъ, эламаннъ.

Ликалу!

Шію, шію, данъ, — ба, ба, банъ, ю.

Шію, шію, нетоли, — ба, ба, згинъ, ю.

Шію, шію, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.

О вилла, вилла, дамъ, юхала!

Гираба, наюра, юхала!

Карабша, гултай, юхала!

Захива, ванилши, схабатай, янаха.

Захива, гирий, гирий, добила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мяу! згинъ згинъ!

Гаашъ! згинъ, згинъ!

У—у—у! згинъ, згинъ!

Бя, — бая! — згинъ, згинъ!

Кво—кво! згинъ, згинъ!

Бду, бду! згинъ, згинъ!

Карра! згинъ, згинъ!

Тили, тили! згинъ, згинъ!

Хивъ, чивъ! згинъ, згинъ!

Жу, жу! згинъ, згинъ!

Згинъ, згинъ, згинъ!

16. Чародѣйская пѣсня русалокъ.

Поселяне, приписывая русалкамъ обаятельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну чародѣй-

скую пѣсню русалокъ, приводящую въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно непонятенъ, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе всю подноготную, не умѣютъ пользоваться этою пѣснію.

Шивда, винза, каланда, миногоама!
 Ийда, ийда, якуталима, батама!
 Нуффаша, зинзамъ, охуто, ми!
 Копоцо, копоцажъ, копоцама!
 Ябудала, викгаза, мейда!
 Ю, іа, о—іо, іа цокъ! іо, іа, паццо! іо, іа, пипаццо!
 Зоокатама, зоосцома, никажъ, никажъ, шолда!
 Пацъ, пацъ, нацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ!
 Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!
 Шоно, пинцо, пинцо, дынза!
 Шоно, чиходажъ, викгаза, мейда!
 Бецопо, хондыремо, боцопо, галемо!
 Руахадо, рындо, рындо, галемо!
 Ю, іа, о! іо, іа, цолкъ! іо іа цолкъ! іо, іа цолкъ!
 Нипшуда, боалтамо, гилтовека, шолда!
 Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!
 Шоно, шоно, шоно!
 Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ, по сказанію чародѣевъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ дѣвушкою. Смѣшеніе русскихъ словъ со звуками совершенно неизвѣстными заставляетъ думать, что она передѣлана русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ—гилло магалъ—сидѣла солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа—искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй.—Лифъ лифъ зауцапа калапуда.—А броня не мѣ-

дына, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца—Пицапо фукадалимо коронталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огненнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу солнечевой дѣвы—Вихадима гилло могаль дирафъ.—Изъ-за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу, во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ. Могучь богатырь—Шияллашибудда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дина.—Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злымъ свекромъ. Убить огненный змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по мѣдяной росѣ, по утренней зарѣ.—Иниха шойдега бираха виддо.—А наѣхалъ злой татаринъ, и узаялъ во нолонъ солнцеву дѣву, во золотую орду, къ лютому Мамаю, ко нехристу бусурманскому, ко проклятому бархадѣю.—Уахама широфо.»

Сказанія о знахарствѣ.

1. Пчельное дѣло.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ и, сверхъ того, не для всѣхъ доступнымъ занятіемъ. Люди зажиточные, хозяйственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями св. угодниковъ, другіе обрекаютъ водяному дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ вѣдунами, дѣдами, знахарями. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя понятія, пріобрѣтаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою водяного дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ чародѣемъ за тридцать головъ знахарскихъ и передана въ улей одного вѣдуна, по повелѣнію нечистой силы. Этотъ вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда

пчельникъ-вѣдунъ устраиваетъ гдѣ нибудь пасѣку, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрекаетъ водяному дѣдушкѣ самый лучший улей. Между вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пасѣкѣ, или бросать его въ трясиное мѣсто въ болото? Если которые оставляютъ обреченный улей на пасѣкѣ, то дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопятъ въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможныя средства къ размноженію пчель, но еще заставляетъ пчель летать на чужую пасѣку для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отроились отъ лошади, заѣзженной водянымъ дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчель началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе отъ ужаленія пчель, водяной дѣдушка передалъ навсегда пчель въ руки знахарей. Получивъ въ свое покровительство пчель, они изобрѣли разные способы для охраненія ихъ. Пересчитаемъ ихъ:

Для размноженія пчель, знахари совѣтуютъ поселянамъ: когда ударятъ къ утрени на Великъ день, быть на колокольнѣ и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасѣку и кладутъ въ сердовой улей.

Варятъ растенія дурманъ съ тысячелистникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строенія, съ цѣлью истребить сосѣднихъ пчель и отучить своихъ отъ полета на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно готовятъ улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными приносками, получаемыми отъ проходящихъ бывалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ — такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположеніе ульевъ пчельники считаютъ важнымъ дѣломъ, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведеніе, измѣняютъ его. Это дѣлается большею частью изъ подозрѣнія и недовѣрчивости. Подозрѣніе основывается на томъ, что могутъ устроить подобнымъ образомъ такое же заведеніе; а отъ этого опасаются упадка на цѣны. Опасность зиждется на странномъ мнѣніи, будто бы пчельникъ-знахарь можетъ дать приказаніе своимъ пчеламъ вытаскать медъ.

Для усыпленія чужихъ пчелъ знахари собираютъ макковыя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное налетною пчелою, можетъ пріучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Дѣды-пчельники въ селеніяхъ почитаются несвѣдущими въ сношеніяхъ съ нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдинъ уважаетъ и боится оскорбить дѣда-пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. Сбрызгиваніе.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселане прибѣгаютъ къ знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность знахарей пріобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача

наговоровъ сопровождается смѣшными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселянинъ, желающій получить право отъ знахаря на сбрызгиваніе, долженъ три вечера париться въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посѣщать знахаря. Въ пустой избѣ знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ, пришедши къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенные по угламъ соль, золу, уголь и, при каждомъ глоткѣ, прихлебывать изъ мисы воду. Въ это время знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты, соль, услади, ты, зола, огорчи, ты, уголь, очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, отпадутъ всѣ недуги; кто съестъ мою соль, отъ того откачнутся всѣ болѣсти; кто полизетъ мою золу, отъ того отбѣгутъ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узоры со всѣми призорами».

Поселянинъ, наученный сбрызгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою пособить отъ недуга ея внучкѣ, онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность знахаря, и идетъ въ домъ больной. При входѣ его, всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его въ передній уголь, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, маханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ, — суть вѣрныя речательства въ его званіи. Въ полночь разгулъ, онъ проситъ показать больную и, какая бы то ни была съ нею болѣзнь, рѣшаетъ однимъ названіемъ: недугъ. Это слово понятно поселянамъ. Требуется въ ковшъ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ

больную, и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогѣ, прислонясь къ притолкѣ, пить остальную воду по зарямъ.

Болѣзни, лечимыя знахарями, суть слѣдующія: лихманки — лихорадки, лихія болѣсти — судорги, родимецъ, колотье, потрясиха — ревматизмъ тѣльный, зазноба молодецкая, тоска наносная, ушибиha — падучая болѣзнь, черная немочь, узорки, призорки. Всѣ эти болѣзни именуется у знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: недугъ.

3. Перепологъ.

Перепологъ, по значенію знахарей, есть отгадъ всякаго испуга, совершеннаго доброю и злою. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти; но не зная, кто бываетъ причиною испуга, прибѣгаютъ къ знахарямъ. Знахарь непремѣнно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридесять земель, въ тридесятомъ царствѣ. На то онъ и знахарь. Да ему ли въ трудномъ положеніи оставаться? Всѣ знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты и всегда стараются показать на убылаго. При томъ, прежде нежели произнесутъ отгадъ, выспрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія переполога, требуетъ: мису воды, олова и богоявленскую свѣчу, а когда испуганные бываютъ еще женатыми, и обручальную свѣчу, если эта особа не будетъ овдовѣвшая. Надъ обручальною свѣчею растапливаетъ олово, выливаетъ его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «смотрите, — вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе зако-

новъ физическихъ, слѣпо вѣрятъ въ рассказы знахаря. Послѣ того начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говорить: «вотъ кто испугалъ вашего больного!» Потомъ подводитъ больного смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ непремѣнно согласиться съ рассказомъ знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. Послѣ этого подходятъ смотрѣть, по одному, всѣ домашніе, съ подтвержденіемъ словъ о рассказѣ знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этимъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ больного спадетъ, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ, больной долженъ страдать во всю свою жизнь такимъ недугомъ.

Перепологъ, кромя явнаго обмана знахарей, оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и мстительную. Одно уже семейное несчастіе заставляетъ желать истребленія переполога по селамъ.

4. Сонышница.

Сонышница, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ знахарей важное леварство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности сонышницы поселяне твердо увѣрены, не смотря на мученія, претерпѣваемые отъ нея больными.

Призванный знахарь къ совершенію сонышницы требуетъ: миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ того остается обожженной въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученныя отъ обжога, знахари приписываютъ выходенію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ сего кладетъ въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время на-

чинаются наговоры, между тѣмъ какъ больная вопить отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдальцы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣтъ ли больная или нѣтъ, знахарю все равно; онъ получитъ плату, наградитъ увѣреніемъ и скроется. Вся бѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ соняшницы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытіе колдуна.

Суевѣрные поселяне полагаютъ, что колдунъ есть существо отрекшееся отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистой силою на пагубу людей. Но какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть своихъ губителей. Знахари предложили средства для узнанія.

Поселянинъ, подозрѣвая своего сосѣда въ колдовствѣ, приходитъ къ знахарю за совѣтами. Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе больныхъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну, совѣтуетъ ему дожидаться 25 марта. Въ роковой день онъ долженъ, послѣ утрени, сѣсть на лошадь, какую не жалъ, лицомъ къ хвосту, ѣздить по селенію, не оборачиваясь назадъ. Когда выѣдетъ за околицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или вѣчно сѣмасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую поѣздку, и про-

силь поѣздить за себя знахаря. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за поѣздку и, получивши подарки, общается открыть злого колдуна. Жребій открытія всегда падаетъ на того, кого подозрѣваетъ поселянинъ, хотя знахарь никогда и не думалъ ѣздить по селу за открытіемъ колдуна.

Открытіе колдуна почитается верховъ искусства знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силенъ, что узнаетъ всѣ мысли и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы». Къ счастью человечества, что наши знахаря — люди безграмотные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько ничтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. Стѣнь.

Простолудинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человѣка, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностью, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. Изнурительная сухотка дѣтей—*Tabes*, дѣтская чахлость—*Atrophia infantum* называютъ въ селахъ — стѣнь. Не прибѣгая съ довѣренностью къ врачевнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродящіе обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ нашихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простодушіемъ и не только мучатъ людей, имъ вѣрящихъ, но варварски ихъ терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполне

семенные бѣдствія, проистекающія отъ разныхъ толковъ знахарей, кудесниковъ, вѣдуновъ, ворожей, чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ болѣзни домашнихъ. Бродячій знахарь укажетъ имъ средство, увѣрить въ его полезности и оно переходитъ изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Средства, предложеннаго ему за тайну отъ знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность излеченія.

Въ селахъ дитя, страдающее стѣбною, почитается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю царей о помилованіи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніе, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолять объ исцѣленіи знахарей. Призванный знахарь, какъ дока, какъ знающій всю подноготную, берется за врачеваніе. Больное дитя, по его совѣту, несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое, или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признакъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подѣ обливаніемъ холодной водою. Совѣтъ знахаря, это явное убійство—почитается въ деревняхъ благодѣаніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ миами и разныя заблужденія. Народное повѣріе: будто взглядъ человѣка лихого, злобнаго, хитраго, сообщаетъ болѣзни, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешло въ русскую землю съ Востока, по преданію, отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе названо: съ глазу. Наши простолюдины не имѣютъ еще понятія о глазномъ месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается порожденіемъ съ глаза. Нѣтъ недуга, который бы не происходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ всего средства, употребляемыя въ сельской и городской жизни, и ихъ средства по большей части приводятся въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ.

Берутъ: воды непитой, неотвѣданной никѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соди. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрызгиваютъ больного три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца; заставляютъ рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ такому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки, знахари

велятъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣва то мѣсто, гдѣ ночиваютъ свиньи, положить на телѣгу, запретъ неѣзженную лошадь и скакать къ полю во весь скокъ. Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Приѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку сею поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого всѣ бѣды, замышляемыя злыми людьми, обращаются на ихъ головы. Часто случается, что поселяне, изъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ знахаря сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе въ симпатіи такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ, отъ знахарей, леченіе зубовъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатіями, обмазываютъ палецъ наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ рассказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченіе зубовъ прикосновеніемъ пальца будто зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка крота и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шепотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю».

Когда призываютъ знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шепотомъ приведенный наговоръ. Послѣ сего заставляютъ полоскать ротъ поутру и ввечеру кислымъ уксусомъ. Конечно, что здѣсь дѣйствуютъ наркотическія вещества въ соединеніи съ уксусомъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвившій крота.

10. Куриная слѣпота.

Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ, или на солнцѣ, или передъ водою, названа знахарями куриною слѣпотою. Для оболъщенія поселянъ, они создали повѣріе, будто куриная слѣпота есть напущеніе злыхъ людей, что она соскабливается пожемъ, которыми зарѣзываютъ старыхъ курицъ, и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотять отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическія явленія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ ночную слѣпоту—*hemeralopiam*, болѣзнь переименованную знахарями въ куриную.

Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по совѣту знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадучкою, и говорятъ шепотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазшки».

Народъ думаетъ, что деготь доводится сродни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту. Послѣ сего больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ проходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, то тебѣ отдамъ».

Потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда исчезаетъ куриная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожан льна, овса и конопля происходятъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣріемъ:

Въ русской народной символикѣ принято за основаніе, что морозъ происходитъ отъ выходненія злыхъ духовъ. Зимю, когда установятся большіе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житіе. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуютъ себѣ въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ и отъ подугія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелю, или иней садится на дерева. Для отвращенія сего зла, знахари выдумали проклятіе на морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные знахарями, приступаютъ къ заклятію мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлѣзаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно и тамъ говорить:

Морозъ, морозъ! приходи кисель ѣсть.

Морозъ, морозъ! не бей нашъ овесъ.

Ленъ да канани въ землю вколоти.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домѣ окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слѣзаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на ленъ и конопля замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же, удовольствованный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопля, ни овса.

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущіе на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаютъ съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты неразмѣнный рубль. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибѣгаютъ къ знахарямъ для пріобрѣтенія рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ, и покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запроса, безъ всякаго торга. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развилину дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряный». Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложеніемъ разной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавитъ нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій желаемый рубль долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратитъ рубль, кричитъ за нимъ вслѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! Зачѣмъ же оторвалъ ему голову, увѣряя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать такихъ разказовъ; онъ обязанъ скорѣе бѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезнетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовольствовать всю жизнь. Знахари совѣтуютъ такимъ

обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлѣзаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила оболѣститъ обладателя, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глиняный. Въ другой же разъ неразвѣнный рубль не дается въ руки.

Здѣсь знахари совершаютъ явный обманъ надъ поселянами. Часто этотъ неразвѣнный рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ дворамъ обманщиковъ: знахари безъ этого подарка не открываютъ способа приобрѣтенія.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ за кость невидимку? Это, или что нибудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! знахари составили обряды, паговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатели сего тайнаго открытiя крадутъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного бѣлаго волоска: вся шерсть должна быть черная. Въ этомъ поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ такомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, общааетъ выщипать бѣлую шерсть и держать до тѣхъ поръ, пока вы-

ростеть новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари — въ кошкѣ не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а знахарь правымъ. Кошка, признанная знахаремъ за одношерстную, варится въ чугунномъ котлѣ, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣніе, а особливо если знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и таѣе, которые съ большимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. Въ такомъ случаѣ остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ придти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утаить что нибудь отъ знахаря, или торгуясь съ знахаремъ пожалѣлъ барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго — кость невидимку. Въ другой разъ невозможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вывари, все не будетъ ничего, говорятъ знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемою знахаремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностью они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь,

вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависитъ отъ знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особливо зажиточный, идетъ къ знахарю съ большими подарками, поклонами, съ просьбами — защитить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь-то знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь-то робкій поселянинъ, утраченный до послѣдней возможности, дѣлаетъ несчетные посулы за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сельской свадьбѣ есть первый гость: его зовутъ на пирושку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленого вина; ему пекутъ пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ боятся; при немъ всѣ покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы знахарей обольщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія «князя и княгини». Такъ величаютъ въ деревнѣ новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обжетааетъ потолокъ, оскабливаетъ верей, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бунзою и вручаетъ свату вѣтку девятизерноваго стручка. Эта вѣтка есть верхъ искусства. Если ее будутъ держать за пазухой попережѣнно то свать, то сваха, то всѣ умыслы враговъ обратятся ни во что. Если поѣдетъ поѣздъ, забьютъ лошади отъ злобнаго наговора, то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирושкѣ, развяжись кушакъ у молодого, отвались чтонибудь отъ кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправить эта одна вѣтка. На третій день знахарь беретъ

свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Этотъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ вывѣдываніе жены. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости знахара.

Старухи-свекрови всегда бываютъ нерасположены къ невѣсткамъ, а особливо, если находятся въ семьѣ старья, незамужнія дѣвицы. Внушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи женъ, онѣ прибѣгаютъ за откровенными совѣтами къ знахарямъ: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву кануперь, имѣющую свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ, по сказанію знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невѣсткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствіе недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ кануперь, недужную кладутъ на печь. Свекровь съ зажженною лучиною пробуетъ свою невѣстку по пяткѣ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая на разные способы бывшее и небывшее. Мужъ такихъ разспросовъ не обязанъ слушать. Послѣ этого идутъ ночью къ знахарю, и свекровь, во услышаніе мужа, рассказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, рассказываетъ по водѣ прижѣты обольстителя. Съ этого времени начинается семейная разладица.

Въ старину русскіе бояре содержали обширную дворню, среди которой всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни дворовыхъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ спотѣть на полку, и послѣ обереть все тѣло полотенцемъ. Когда же прійдетъ домой, то потное полотенцо положить тайно отъ жены подъ подушку. Едва жена засыпаетъ, уже мужъ слышитъ, какъ она, сонная, рассказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такіа подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ знахарю для разспросовъ о примѣтахъ обольстителя. Къ счастью своему, догадливыя жены напередъ провѣдываютъ знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

16. Рази́нный колпакъ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей чернокнижію. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ разсказовъ знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ потомству. Въ сельскихъ разсказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при наученіи чернокнижію. Здѣсь приводимъ для любопытства одинъ сельскій разсказъ, записанный слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малый. Собой не великъ, а прыти въ немъ было воровъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало, потѣшиться, то вся деревня стонетъ. Живаль не трудясь, а хлѣбецъ бѣлый ѣдалъ; за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка, всѣ идутъ

къ нему. Просватають ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто, посылають къ нему на утѣху. Одна бѣда съ нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Нашъ мѣръ больно на него зубы грызъ. Дѣлать въ огласку никто не посмѣлъ; оттого-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло, вишь, какъ было.

«Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подъ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ шелъ за ними издали, не въ дожекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней, окаянныя; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху, давай зарывать въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ давай себѣ запримѣчать. Прошла зима. Выросъ горохъ. Нашъ малый похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любитъ себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удамой нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнею. Какъ выдернулъ, ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ какъ удамой пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвый глазъ, а правымъ ну смотрѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ то же дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Всѣ были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобранъ молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ, да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Въ крас-

номъ колпакъ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и сорвалъ красный колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоитъ да и только. Вотъ и давай твердить о посудахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башнѣ. Долго отпѣкивался онъ отъ мѣны; однако поскакалъ за лѣсъ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любитъ колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его больно нужно. Вотъ идетъ весь избитый. Видишь, нечистая-то сила долго не впускала его на башню, а онъ пробрался сквозь щелочку; хотъ изодралъ себѣ морду, да за то досталъ. Видно, безъ колпака тошное житье. Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Маяли, маяли другъ друга, да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣннымъ; а нашъ удалой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистою силою, хитрилъ по-своему надъ православными, да и пропалъ безъ вѣсти. Лѣсникъ-то было себѣ задумалъ, анъ не тутъ-то было: ничего не выждалъ; только у него во дворѣ вся скотина перевелась».

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрятъ какому-то особенному предчувствію, по которому поселяне будто бы узнаютъ о пребываніи среди ихъ вѣдьмы. Люди, свѣдущіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть вѣдьма. Такіе признаки, по увѣренію знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время, поселяне, выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги.

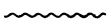
Увидѣвши это, они прежде всего узнають, чье это поле? Много ли изломалось на немъ косъ? Потомъ распускають молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не бывало; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая женщина въ семействѣ его покумилась съ вѣдьмами; что вѣдьмы собираются сюда каждую ночь плясать. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ вообще отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣдъ, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ ихъ новая вѣдьма хочетъ извести всю деревню. Распуская такіе слухи, знахари каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ землею и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣя объ этомъ заблужденіи поселянъ, мы смѣло ихъ увѣряемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ и происходятъ по опредѣленнымъ физическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣетъ подземные источники. Отъ отдѣленія влажности, земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары, отдѣляясь отъ влажной земли, сгущаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнечномъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу, они исчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы знахари выставляютъ за пляску вѣдьмъ. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ, въ утреннее время, происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ

въ видѣ клейкой и смолистой матеріи, и по своей тяжести, стекая, образуетъ около себя кругъ, сообразный высотѣ. Всѣ поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдная роса, но никогда не обращаютъ вниманія, какъ она стекаетъ съ деревъ на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

18. Собачья старость.

Собачья старость будто нападаетъ въ деревняхъ на дѣтей одногодокъ, предъ прорѣзываніемъ зубовъ, по большей части, лѣтомъ. Старушки-лечейки, замѣтивши больное дитя, объявляютъ, что дитя, не доживя вѣку, умретъ; что къ нему прикочнулась злая болѣсть — собачья старость. Несчастные родители вѣрятъ этому вздору и просятъ лечейку избавить отъ болѣсти. Къ назначенному дню отыскиваютъ маленькую собачку, однолѣтку, бѣлошерстную; топятъ къ ночи печь жарко-на-жарко, и съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ приступаютъ къ дѣлу. Лечейка связываетъ собакѣ ноги и кладетъ въ топленую печь, потомъ принимаетъ изъ полы отъ матери больное дитя и кладетъ рядомъ съ собакою. Послѣ этого начинаетъ парить дитя и собаку. Родители увѣрены, что чѣмъ больше дитя кричитъ, тѣмъ скорѣе съ него сходитъ болѣсть. Пареніе кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полуизмученное и нерѣдко умирающее. Собаку всегда стараются въ эту же ночь утопить.

Сказанія о ворожбѣ.

---

1. Гаданіе на картахъ.

Ворожба на картахъ такъ усилилась въ городской жизни, что сдѣлалась особенною принадлежностью людей, посвятившихъ такому занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба сего рода извѣстна болѣе въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, заѣзжіе изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для ихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь рассказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно, ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытію гаданія на картахъ, мы не нахѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей и разнообразныя до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ гаданія на картахъ.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записныя гадалыщицы, люди, имѣющіе связь со всѣми дворо-

выми людьми, съ торговками, посѣщающими многіе дома, съ разносчиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточиваясь всегда въ этой сферѣ, онѣ ежедневно собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадалщицъ, всегда бываетъ извѣстна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, онѣ напередъ знаютъ: кто и зачѣмъ пришелъ? что должно сказать каждому? Всѣ посѣтители вѣрятъ имъ на-слово, не требуя никакихъ доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бываютъ двусмысленны. Главныя основанія гаданія на картахъ сосредоточиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бываютъ влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадъ благопріятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгоряченные, несвязные въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй разрядъ людей, посѣщающихъ ворожеекъ, состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разнымъ образомъ. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горестъ, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добромъ для нихъ разказѣ, нетерпѣливость, безпрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаленіе отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ, всегда указываютъ ворожейкамъ: зачѣмъ явились къ нимъ люди, носящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій разрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, непредвѣщающая большого достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; разспросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разныя предпріятія, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, без-

прерывно снѣняемы при раскидываніи картъ— вотъ вѣрные указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается гаданіе на картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами бѣгутъ въ покою обманщицы и вѣрятъ въ карты.

Довѣріе къ картамъ, пристокая отъ страстей и худого направленія духа, можетъ быть только истреблено однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Всѣ предпріятія для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственного образованія.

2. Гаданіе на кофе.

Гаданіе на кофе образовалось въ городахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣріе къ такому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; оттого-то люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофе; одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаются на это. Повѣріе, что гаданіе на кофе всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ такой ворожбы.

Главные основанія ворожбы на кофе также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливыя, расторопныя и часто пьяныя, по русскому народному повѣрью, пьющія отъ ума.

Кофейницы свою ворожбу производятъ открыто, одною густотою варенаго кофе. Принимая къ себѣ посѣтителей,

онѣ эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. Засимъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столѣ, на блюдечко наливаютъ воды; взявши чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погружая троекратно, при произношеніи словъ: вѣрность, дружба и согласіе. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ примѣты условныя, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь человѣка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ свиданіе, лишеннымъ имущества—вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываютъ: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ нечаянное обогащеніе.

Тѣни земель и растеній предсказываютъ: вѣчныя раздоры, худыя замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худыя обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ опасность отъ злыхъ людей, неблагоприятную дорогу, огорчительныя письма, извѣстія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

3. Гаданіе на псалтырѣ.

Гаданіе на псалтырѣ принадлежитъ вѣстѣ и сельской, и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырѣ рѣдко встрѣчаемъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Присту-

пая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ винтовымъ концомъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человѣка держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайно какой-то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хороший признакъ и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если псалтырь не вертится, то это худой признакъ, гаданіе, необѣщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служитъ въ пользу обманщиковъ. Такой родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ проходящихъ читать. Послѣ каждаго чтенія начинается толкованіе. Всякій благоразумный человѣкъ можетъ напередъ представить, какое бываетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, прискиваютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни проходящаго человѣка.

Сей способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о германцахъ, упоминая о сборѣ епископа Бургарда, приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырь. Слѣдовательно, это гаданіе не принадлежитъ собственно русской жизни, но оно передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій.

4. Гаданіе на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большою довѣренностью при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на

рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отлучаютъ отъ рѣшета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде сѣютъ этимъ рѣшетомъ снѣгъ, потомъ встряхиваютъ его при лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по рассказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двоякимъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону и потомъ начинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чемъ имени посѣтитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается нѣсколько иначе. На верху рѣшета привязываютъ ножницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ постороннихъ человѣкъ. Эти свидѣтели ставятъ концы ножницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: «Бѣлый укралъ? Черный укралъ? Рыжій укралъ? Сѣдой укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?» При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завертѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завертѣлось при вопросѣ: бѣлый укралъ?—то похититель есть бѣлый человѣкъ. Послѣ чего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣетъ такія-то примѣты. Само собою разумѣется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сообразно обстоятельствамъ и времени.

Б. Гаданіе на яцахъ.

Гаданіе на яцахъ принадлежитъ въ сельской жизни однимъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣетъ разныя приуроченія. Такимъ производствомъ почти всегда зани-

маются бродящія старухи, а изъ домашнихъ няньки. Толкованіа старухъ и нянекъ принимаются за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ яичный бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка отражаются различныя фигуры. По этимъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

Фигура, отражающая церковь, предвѣщаетъ: дѣвущѣ скорую свадьбу, пожилой — смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами, предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвущѣ — отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчине — отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаетъ опаснымъ бѣдствіемъ, смертью, пожаромъ, вѣчною незамужнею жизнью.

Объясненіе сего гаданія основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, не слышавшіе объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. Гаданіе на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичьей жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда поносится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ, съ какими предрасудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхожденіе гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ двѣ иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонуть, то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ, то это предвѣщаетъ скорое вступленіе въ замуже-

ство; если онѣ разошлись одна противъ другой, то это означаетъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разныя стороны, то это предсказываетъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намеками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ выштытываютъ отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. Гаданіе на воскѣ.

Гаданіе на воскѣ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совету нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночные часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый, подкупая няньку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаетъ ей, вручаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ посылаются свахи, женихъ является на смотрины и дѣло слаживается безъ дальнихъ хлопотъ.

Гаданіе на воскѣ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытыя няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тароватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благопріятное; напротивъ того, бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ нелѣпости разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Гаданіе на свинцѣ.

Гаданіе на свинцѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, производится въ городахъ и селахъ, подъ рукою нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, перекспытавшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для занятія.

Ворожеи растапливаютъ свинецъ, вливаютъ его въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары, на той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ показывать гробъ, то это предвѣщаетъ скорую смерть.

9. Гаданіе въ зеркалѣ.

Самое дѣйствительное гаданіе въ зеркалѣ совершается на дворѣ при лунномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости, совершается и въ домѣ, и притомъ во всякое время. Лучшимъ временемъ для этого гаданія признается полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркалѣ не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, принаравливали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обаяніе, оно пережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждой ворожеи. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и русской жизни.

Наши ворожеи, собираясь гадать въ зеркалѣ, избирають уединенную комнату, берутъ два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столѣ, противъ него маленькое; гадающая садится предъ зеркаломъ, обставленнымъ свѣчами. Всѣ окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадающая смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большомъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркалъ. Какъ скоро будутъ наведены зеркала, то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протирають полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный поневолѣ этимъ гаданіемъ; приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его примѣты. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чурани привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старушки увѣряютъ, что, если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ роковой мигъ начинаютъ чурать; привидѣніе исчезаетъ, а оставленная на столѣ вещь остается въ ея пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой, ряженой! Покажи мнѣ въ зеркалѣ», и мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительность сего гаданія заслуживаетъ сожалѣнія о заблужденіи людей, до-

ступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркалъ, отражающихъ мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая разсказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предрасудковъ,—служать основными началами этой ворожбы. Истинное образованіе ума, непреложная вѣра въ Бога, усилія людей благомыслящихъ, можетъ быть, современежь, избавять нашихъ соотечественниковъ отъ явнаго заблужденія.

10. Гаданіе курицею.

Гаданіе черною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія винили праваго, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечежь въ рукѣ защищаль свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ русскую землю—доказать невозможно. Наши ворожеи употребляютъ его для открытія похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подзрѣваютъ многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ собирають вечеромъ въ одну избу, тушатъ огонь и выпускають курицу, оспанную сажею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричить, бѣжитъ прочь и не подпускаеть его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые, по необходимости, окрашиваются сажею; одинъ только похититель не удостоивается этой почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрять: кто окрашенъ сажею и кто нѣтъ? Если есть человекъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная слѣдствія, неужели не

захочет оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, неужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? неужели побоятся ея прикосновенія, особливо поселянинъ, грубый и безстрашный? Мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ производилось открытіе похитителя такимъ гаданіемъ. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехлѣтній мальчикъ былъ пощаженъ курицею. Истинный похититель-работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія, а мальчика вся деревня признавала виновнымъ дотолѣ, пока открылось, черезъ восемь мѣсяцевъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытіе не могло облагоразумить поселянъ въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предразсудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

11. Водогаданіе.

Водогаданіе въ русской семейной жизни присвоили себѣ ворожейки, женщины, распоряжающіяся всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всевозможные вздоры, находятъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записныя ворожейки, выдавая водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семейныхъ тайнъ, всегда говорятъ, что онѣ научены этому отъ страшнаго колдуна и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, что бы имъ ни предлагали. Въ званіе водогадательницъ всегда вступаютъ женщины, ни къ чему неспособныя, по большей части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумушекъ», извѣстныхъ на Руси своею расторопностью въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что это ремесло на роду не приходитъ, а только передается. За передачею жен-

щины прибѣгаютъ къ знахарю или старой колдунѣ. Знахарь требуетъ посуловъ: штофъ вина, скатерть, двѣ рубашки, кушакъ и полотенце. Это все заранѣе приносится, потому что требованіе знахаря извѣстно всему селенію. Знахарь ставитъ будущую водогадательницу къ загниѣткѣ, накрываетъ лицо полотенцемъ, ставитъ на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и дуетъ на воду; потомъ снимаетъ полотенце съ водогадательницы. Наговоренная вода выливается подъ вереву, а въ мису вливается вино. Знахарь, накрывшій мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась «во самую утреннюю зорю». Водогадательница является не съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже знахарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣлѣ: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вѣроятно, что это предпочтеніе ведется по преданію, безъ всякаго отчета. Русскіе люди водогаданіе распространяютъ на многіе виды; но его, по большей части, употребляютъ для открытія похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ грамотнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ доскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья именная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполнѣ этому гаданію; другіе считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на студенцѣ, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность такого гаданія представляется такъ очевидною, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то удобно можетъ скользить по поверхно-

сти, точно также, какъ скользнуть камень, брошенный въ рѣку угломъ.

12. Гаданіе на бобахъ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо ключницы, няньки и экономки, по волѣ или неволѣ барской. Олицетворяя бобы частями человѣческаго тѣла, онѣ разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благоую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ ворожеи всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, излагаемые ими, изучаются по преданію.

Ворожейки для этого гаданія берутъ сорокъ одинъ бобъ и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на три части. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ первой части. Потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ третьей части. Послѣ того составляютъ вторую линію изъ бобовъ, отлагаемыхъ въ сторону, также въ три порядка. Третья линія составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ, устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи ворожеи называютъ головою, третій въ этой же линіи рукою, второй порядокъ во второй линіи сердцемъ, третій порядокъ въ третьей линіи ногою на походѣ.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; рука предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; сердце говоритъ: печаль или радость; ноги на походѣ означаютъ: прїѣздъ и отправку въ путешествіе, полученіе, посылку, исполненіе желанія.

Равное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожеи въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ». Неровное число бобовъ—нечетъ въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благоприятное. Ворожеи тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ».

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожеи такъ разнообразяютъ его, что посѣтители всегда измѣняютъ свои нажѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ всего сердца, то они не по мысли. Все это онѣ разгадываніемъ подтверждаютъ, и оканчивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожеи.

13. Святочныя гаданія.

Никогда русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздолѣ, какъ на святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселости, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженыхъ; старики рассказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достовѣрность гаданій. И все это совершается вечерами, въ полночь собраніи многихъ семействъ. Женщины позыватки обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ лелѣется ненаглядное дитяtko, краса дѣвичья, зазноба молодецкая.

Вся важность святочныхъ вечеровъ заключается въ га-

даніяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Отыскивать первоначальное появленіе этихъ гаданій нѣтъ никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорятъ объ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ нехристіанскимъ русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполне объяснимыми. Мы остаемся при одномъ мнѣніи, что святочные гаданія усвоивались русской жизни въ продолженіе многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ сосѣдними народами. Если бы была возможность тщательно прослѣдовать отдѣльныя повѣрія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы могли съ точностью означить: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣрія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она проистекаетъ изъ дѣйствительнаго бытія миевъ древней восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои періоды, столь явно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаемъ бытъ великоруссовъ, мы постигаемъ бытъ малоруссовъ, мы вѣримъ въ отдѣльное существованіе быта бѣлоруссовъ; но можемъ ли мы смѣло сказать, что они отдѣлены одинъ отъ другого? Ихъ разнообразныя проявленія заставляютъ думать, будто они никогда не сливались одинъ съ другимъ, будто никогда жизнь великорусская не селилась на поляхъ малорусскихъ, если бы исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль при содѣйствіи другаго. Отчего миевъ, повѣрья, семейныя сказанія Бѣлоруссіи отличаются отъ миевъ, повѣрьевъ, семейныхъ сказаній Великооруссіи? От-

чего малоруссы вѣрить въ повѣріе, едва извѣстное великоруссу и о которомъ совершенно не знаетъ бѣлоруссъ? Въ чемъ заключается основная причина переселенія миеовъ отъ одного народа къ другому? Отчего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной жизни? Подробное обозрѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предположеніе о переходѣ повѣрій въ русскую жизнь въ продолженіе многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святочные гаданія, совершаемыя доселѣ въ русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 декабря по 5 января, и притомъ въ разное время. Такъ одни совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи приготавливаются ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Исчисляемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ, дѣвицы выходятъ на улицу: здѣсь каждая изъ нихъ должна спрашивать объ имени перваго встрѣтившагося ей человѣка. Онѣ вѣрятъ, что такимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это самое окликаніе производится подъ новый годъ; дѣвушки тогда выходятъ на перекрестокъ съ нирогомъ.

Ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, внимая разговору веселому или скучному, предрекаютъ себѣ такую же жизнь въ замужествѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣницы, и потомъ въ покояхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитый.

Выводятъ изъ конюшни лошадей черезъ оглоблю. Если которая зацѣпится оглоблю ногами, то мужъ будетъ сердитый.

тый; если же перескочить через нее, то мужъ будетъ тихій и смиренный.

Подходить къ амбарамъ: если услышать пересыпку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подъ церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: «со святыми упокой», то это предвѣщаетъ смерть; если услышать что нибудь свадебное, то означаетъ, что въ томъ же году выйдутъ замужъ.

Снимаютъ съ насѣсти курь и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготоовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое, то мужъ будетъ богачъ; если серебряное, то мужъ будетъ ни богатъ, ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ лѣстницахъ балясы, говоря: «вдовець, молодець», и доходя до послѣдней, смотрятъ: на какомъ словѣ остановились, такой будетъ и мужъ.

Выходятъ въ забору и говорятъ: «залай, залай, собаченька, залай, сѣренькій волчокъ». Въ которой сторонѣ услышитъ дѣвушка лай, въ той сторонѣ будетъ жить замужемъ. Если лай раздается близь дома, то это показываетъ, что отдадутъ замужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышный, то будетъ выдана замужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ. Худой признакъ для дѣвушки, когда ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей замужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окна сосѣдей во время ужина. Если

замѣтять сидящихъ за столомъ съ головами, то предвѣщаютъ себѣ, что будущіе родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ вымрутъ.

Послѣ подблюдныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвушекъ, отливая нѣсколько этой воды подъ вереву, беретъ въ горсть снѣгу. Приходя въ покой, смотрятъ: какого цвѣта снѣгъ, таковъ будетъ и суженый.

Полуночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12 часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослые дѣвицы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гадающія дѣвушки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «суженый, ряженый! поѣзжай мимо окна». Если которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ, съ свистомъ, то предрекаетъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поѣздъ будетъ тихій, то предрекаетъ себѣ замужную жизнь въ бѣдности.

Выѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Берутъ скорлупы грецкихъ орѣховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на маленькіе кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ дѣвушекъ зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Здѣсь замѣчаютъ: которая потонетъ, та умретъ незамужнею; у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выйдетъ замужъ; а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать замужемъ.

Отчаянная дѣвушка накрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «суженый, ряженый! приди ко мнѣ поужинать». Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она,

оставшись одна, запираетъ двери, окна, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтеръ жужжитъ подь окнами, съ свистомъ; удары въ окна, въ дверь; смраднѣй запахъ. Потомъ является суженный. Дѣвушка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платье. Суженный садится за столъ, пачинаетъ говорить. Дѣвушка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «какъ звать?» Суженный сказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна говорить: «чуръ моего мѣста! чуръ моей загадки!» Суженный исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную. Если она сробѣетъ и не зачураетъ, то суженный производитъ разныя проказы.

Дѣвушки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка высыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ: «полю, полю бѣлъ снѣгъ среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженный!» Въ это время каждая дѣвушка прислушивается, какъ лаятъ собаки. Хриплый лай означаетъ суженаго старика, звонкій—молодого, толстый—вдовца.

Дѣлаютъ съ вечера изъ воску стадо лебедей по числу дѣвицъ. Лебедку окрашиваютъ румянами, а лебедь остается бѣлымъ. Гадальщицы выбираютъ для себя лебедя съ лебедкою, опускаютъ въ чашку съ водою и накрываютъ платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложиться спать, смотрятъ, какъ плаваетъ лебедь съ лебедкою? Если плаваетъ вмѣстѣ, то замужня жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самыя отчаянныя и пожилыя дѣвушки выходятъ въ лунную ночь на рѣку послушать въ прорубь. Нянюшки стелютъ воловью шкуру. Дѣвушки садятся слушать и смотрѣть въ воду. Которая выйдетъ въ этотъ годъ замужь, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придетъ на сговоръ; которой же си-

дѣтъ въ дѣвкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера въ рюмку воды, опускаютъ кольцо и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ нянюшки приносятъ рюмку и смотрятъ: сколько бугорковъ, столько родится сынковъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Нянюшки съ вечера обѣваютъ золой башмаки и прячутъ подъ кровати, будто скрытно отъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается объ этомъ. Дѣвушки встаютъ и смотрятъ: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, снѣгъ предрекается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели пряжу, начесываютъ на гребень и спускаютъ за окно. Предъ сномъ смотрятъ: какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старушекъ и, для большей дѣйствительности, людьми посторонними.

Собираютъ изъ прутьевъ мостикъ, кладутъ подъ подушку. Дѣвушка, ложась спать, говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ». Суженый является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженный! причеши мнѣ голову». Суженый является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, снѣшиваютъ и ѣдятъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ пить мнѣ подастъ». Суженый является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четырехъ королей и говорятъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ приснишь мнѣ во снѣ». Суженый снится во снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

14. Снотолкованія.

Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки въ нашихъ городахъ и селеніяхъ, которая бы не вѣрила снамъ. Въ старину бывало со всякимъ сномъ хаживали женщины къ ворожейкамъ. И тогда русскіе сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что ни увидятъ во снѣ, все сбывалось на яву. И какъ такимъ снамъ не вѣрять! Нынѣ уже совсѣмъ не то. Увидятъ ли что во снѣ, сейчасъ наводятъ справку съ московскимъ оракуломъ, чуднымъ оракуломъ. Въ немъ объяснены всѣ сновидѣнія. Не оттого-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени ихъ появленія. У нихъ сны бывали: вечерніе, полуночныя, утренніе. Вечерній сонъ не имѣлъ никакой важности; ему мало вѣрили, объ немъ даже не ворожили. Сонъ полуночный почитался важнымъ; объ немъ-то заботились болѣе всего; онъ-то и привлекалъ женщинъ къ ворожейкамъ. Сонъ утренній былъ особенною принадлежностью молодыхъ, мужа съ женою, на первомъ году ихъ бракосочетанія. Этимъ сномъ только забавлялись старики, когда молодая начнетъ, бывало, рассказывать своимъ роднымъ. Сонъ дѣвушки уважался только во время святочныхъ ночей.

Разгадываніемъ русскихъ сновъ промышляли кумушки, старыя няньки, сосѣдки-старухи, живущія въ одиночествѣ, и особенный классъ людей — лечейки, женщины бродящія съ узелками травъ по улицамъ въ селахъ и городахъ, а по субботамъ исправляющія званіе акушерокъ въ баняхъ. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркамъ. Богатымъ всегда снились сны хорошіе; а бѣдные, что ни увидятъ, все оканчивалось бѣдою. Мы приводимъ здѣсь

городскіе сны, записанные слово въ слово съ объясненіями ворожеекъ.

Сонъ молодой, богатой русской женщины. «Вотъ какъ теперь, вижу гору высокую. Гора та не то, что наши горы земляныя; не то что мой Парамонъ Филимонычъ дѣлалъ для Миши прошлою зимою; гора была вся хрустальная; на горѣ стоялъ теремъ. Да какой же теремъ-то? Весь золотой, весь горитъ, какъ солнышко, весь полонъ людей. Вотъ и думаю: идти ли мнѣ во теремъ? Пойду же, когда такъ придумалось. Иду по дорожкѣ, а гора растетъ выше, теремъ выше того. Вилась, билась, а все стою на одномъ мѣстѣ. Придумала снова, какъ дѣлу быть. Не пойду, когда такъ! Сказала и сдѣлала. Вдругъ вижу — и что же? Съ горы идетъ мой Парамонъ Филимонычъ. Я было его и не узнала. Да и какъ было узнать? Видишь, онъ былъ молодець-молодцомъ; кафтанъ на немъ золотой парчи, шапка чернаго бобра; кудри русыя развѣвались по плечамъ ключевой волной. А идетъ-то онъ не по сырой землѣ, а по ковру узорчату. Какъ подошелъ ко мнѣ, да и раскланялся, да и взялъ за руку. Я де тебя давно жду, молвилъ онъ. Какъ пошли мы, гора стала опускаться, теремъ сталъ растворяться, весь народъ поклоняться. Тутъ-то я проснулась».

Разгадываніе сна молодой, богатой женщины. «Ахъ, ты моя дорогая голубушка! Да какой же сонъ твой славный. Видно кому счастье на роду написано, тому и на яву и во снѣ сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богатство твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взгадаешь сосчитать его, то вырастетъ выше нашей поповой горы. Что теремъ-то золотой, то торгъ Парамона Филимоныча. А что народъ во теремѣ, то товаръ золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамонъ Филимонычъ-молодецъ молодцомъ, во кафтанѣ золотой парчи, то утѣха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золотъ-

теремъ растворяется, что народъ поклоняется, то богатство расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сонъ твой, любовь да согласіе съ Парамонъ Филимонычемъ.

Сонъ старой, богатой женщины. «Живу, будто я, какъ было прежде, съ своимъ Агафонъ Карпычемъ, на первомъ году, во любви, во согласіи. Домъ нашъ полнымъ-полонъ; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было! Были молодыя молодухи, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки. Ни одной-то не было красной дѣвушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпычъ не сидитъ, не ходитъ, а все гостей подчуетъ; ужъ и я ли молода за столомъ не сижу, а все гостей подчую. Вдругъ на дворѣ стемнуло, и во покояхъ тожъ. Не вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна одиначка. Топнымъ тошно стало мнѣ въ одиночествѣ. Вдругъ солнышко засвѣтило на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня, калина съ малиной, да розовый кустъ. Тутъ я и проснулась. Ко добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу».

Разгадываніе сна старой богатой женщинѣ. «Къ добру и къ радости твой дорогой сонъ, золотая моя голубушка. А видѣла-то ты все старое житье, когда здравствовалъ твой Агафонъ Карпычъ. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодыя молодухи, твои замужнія дочки; что пожилыя, въ твою пору, то родимыя сестрицы твои; что старыя старушки, то твои сватьяшки; что не было ни одной красной дѣвушки, то ты одна во дому. А что на дворѣ затемнилось и во покояхъ тожъ, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Ужъ какъ солнышко взошло, то на радость тебѣ, во твоемъ одиночествѣ. А зеленъ твой садъ, то красная семья, то радость твоя. Калина съ малиной, то твой сынъ со невѣсткой, то утѣха

твоя. Ужъ какъ розовый кустъ, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорошъ твой сонъ, и не всѣмъ на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будетъ ихъ. Береги свой кустъ, покой калину съ малиной. Счастье твое при тебѣ».

ДОПОЛНЕНІЯ.

І. Книги Сивилль.

Книги Сивилль, извѣстныя нашимъ предкамъ, доселѣ сохраняются въ спискахъ, различныхъ по содержанію и по составу. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на старыя списки.

1) Троицкій списокъ: о Сивиллахъ, koliko ихъ было. Исторіографъ, Н. М. Карамзинъ полагалъ, что этотъ списокъ написанъ Максимомъ Грекомъ (И. Г. Р. т. VIII прим. 241). Онъ находится въ библіотекѣ Московской Троицкой Лавры.

2) Румянцовскій списокъ, находящійся въ семьъ музеумѣ, отличается изяществомъ изображеній Сивилль и письмомъ. Заглавіе его: «Книга о Сивиллахъ, koliko быша, и кѣими имяны и о предреченіяхъ ихъ».

3) Толстовскіе списки, числомъ семь, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ нихъ:

1) Прорицаніе Сивилль. Списокъ помѣщенъ въ хронографѣ отдѣльною статью на 938 листѣ. См. Росп. Толст. отдѣл. I, № 129.

2) Сказаніе о двунадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статью въ рукописи на 306 листу. См. Росп. отдѣл. I, № 141.

3) Сказаніе о дванадцяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ въ полууставной рукописи отдѣльною статью на 177 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 65.

4) Изъ книги мудреца Маркуса о дванадцяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статью въ рукописи на 260 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 140.

5) Изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статью въ рукописи на 237 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 18.

6) Прорицанія древнихъ Сивиллъ, съ раскрашенными ихъ изображеніями. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статью въ рукописи на 413 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 217.

7) Мудреца Маркуса, изъ его книги о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статью въ рукописи на 48 листу. См. Росп. отдѣл. III, № 86.

Списокъ Румянцовскій писанъ на толстой Александрійской бумагѣ, въ поллистъ, крупнымъ полууставомъ. Заглавныя буквы въ отдѣльныхъ описаніяхъ нарисованы золотомъ, а въ срединѣ киноварью. При этомъ списокъ приложены изображенія двѣнадцати Сивиллъ, писанныя масляными красками на холстѣ, съ золотыми полями. Въ концѣ книги, на листу 92, находится слѣдующее послѣсловіе:

«Богу въ Троицѣ славимому, благопоспѣшествующему, совершися и издася сія новая книга повелѣніемъ великаго нашего монарха, царя и августа Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ лѣто 7161, мѣсяца Октовріа въ 1 день».

Судя по этому послѣсловію, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотѣли печатать. Эпиграфъ, писанный на оборотѣ заглавнаго листа, объясняетъ побудительныя причины къ изданію:

Сивилля Ерифреа предрече:

Горе, горе тебѣ, Гогъ, и всѣмъ вкупѣ родо Магогъ.
Марсонъ и Аггонъ, еликая зла вамъ жребій воздасть.

Толкованіе.

Горе тебѣ, Гогъ: сирѣчь скифе, татаре, варваре.
Горе тебѣ, Магогъ: сирѣчь невѣрный варваре, турче.
И тебѣ, Марсонъ и Аггонъ: сирѣчь сарацыне и арапе.
Жреби бо вамъ — многія зла всѣмъ невѣрнымъ уготовъ.
Сѣверный уже двоеглавый орелъ и благовѣрный [ляется.
Поразитъ васъ всѣхъ махметановъ, погановъ,
И оружіемъ креста царства и странъ вашихъ возодолѣтъ.

Содержаніе этого списка слѣдующее: Предисловіе, писанное на 14 поллистахъ, вмѣщаетъ въ себѣ мнѣнія разныхъ писателей о Сивилляхъ; съ 15 поллиста начинается: О Сивилляхъ предглаголаніе. Текстъ начинается:

«Презрѣдное видится быти древнее оное верховнаго Аристотеля реченіе, еже пишетъ во своихъ метафісикахъ: се есть вси человѣцы естественно вѣдати желають желаніе сіе о свѣдѣніи всѣхъ вещей, аще и многообразно бываетъ, обаче философи въ четыре опредѣленія вопросительная собирають, сирѣчь: аще есть? что есть? каково? и чего ради есть? Сицевымъ образомъ и намъ начинать предложеніе наше о Сивилляхъ подобаетъ, яко да чиновнѣ и не смѣшена будетъ повѣсть наша. Чинъ бо святъ есть по философу всѣхъ вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зѣло темно и неудобъ разумно является; что же чиновнѣ и во своихъ мѣстахъ положено, удобъ разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо опредѣленіе философское: аще есть? Сице отвѣщаемъ:

«Вопрѣшается во первыхъ: аще есть или бысть Сивилля? Понеже о ней, иже не суть во естество вопрошеніе, и отвѣтъ не дается.

«Во прошедшая времена убо Сивиллямъ быти и не единой, но различнымъ и различнымъ именамъ нарицаніе явѣсть. Быти же нынѣ женѣ сидевой Сивиллѣ, аще и не обрѣтается, понеже не требѣсть намъ ихъ.

«Второе опредѣленіе есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всѣхъ философовъ, о всѣхъ вещахъ вопросити: что есть? И то именуется у грековъ: оросъ, у латиневъ: дефиниціо, сирѣчь опредѣленіе, или оканчиваніе; понеже оканчиваетъ существо и естество вещей.

«Мы о Сивилляхъ сице отвѣщаемъ: Сивилля есть женскій полъ человѣкъ, дѣвственный, чрезъ мановеніе предречительный; человѣка бо именуемъ Сивиллу. Понеже и жена, яко Аристотель во метафісикѣ пишетъ: несовершенный мужескій полъ есть, зане жена студеншій имать и мокротійшій, нежели мужескій полъ сложеніе. Сего ради скорое ростеть, и скоро исчезаетъ, и разумъ имать мягчайшій и непостояншій. Дѣвственную именуемъ Сивиллу, понеже дѣвицамъ быти, вси историцы согласно пишутъ, и на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется, яко пишетъ Іеронимъ; предречительную же именуемъ, понеже вси Сивилли предрекоша и предреченія ихъ исполняхуса.

«Третіе опредѣленіе: каково есть Сивилля именуется: Феовули; у римлянскихъ языковъ: пророчица именуется, сего ради пророчицы Сивиллѣ нарицахуса. Сама Сивилля Ериереа о себѣ еще рече, глаголють нѣщцы: яко Сивилля ложная и юрода есть, егда же всякая исполнена будутъ, тогда паки воспомянуть о нѣ.

«Четвертое опредѣленіе: чего ради есть Сивилля? Отвѣщаемъ сице: яко да вѣще посрамлены будутъ, не токмо еврей, пророковъ своихъ нынѣ злѣ толкуютъ и превращенно разумѣютъ, но и язычнн, иже на боговъ своихъ и волхвовъ великую надежду имѣша. Сице Родигинъ во книзѣ 14 пишетъ: яко Дарунинъ царь изыде отъ острова Самоса, и дщери Пизкра царя въ жены поя, именовъ: Нису и Ва-

тію; отъ первыя родися ему дщи, именовъ Сивилля, отъ нея же ния тое въ всѣхъ умножися и дадеся. Въ древніа времена книги Сивилль и ихъ предреченія въ сокровищахъ римскихъ царей хранишася, яко пишетъ Іоаннъ Зонорасъ, историкъ Греческій истинный; яко и во сокровищахъ греческихъ царей хранени быша книги Сивилльскія, въ нихъ же бѣша написаны не токмо стихи, но и образы различныя человѣкомъ и звѣремъ.

«Понеже убо зѣло древле быша тыя Сивилли, того ради и смущеніе великое есть, не токмо между стиховъ и предреченіахъ, но и между именъ ихъ, яко мудріи вси древніи имена Сивилль воспоминаху, и въ нихъ же обрѣтается предреченіе. Славнѣйшая и благороднѣйшая Сивилля Ериореа, яко нѣщын глаголють: тогда нача пророчествовати, егда нача соиздаться славный градъ Троада. Многіа убо и различныя Сивилли обрѣтаются во исторіахъ, та же и стихи и предреченія ихъ не исчисленна суть. Сочисляются же между иныхъ Сивилль: Родійская, Сикелійская, Левканійская, Сардинская, та же Сивилля именуется Ѳеспротійская, и Касандра, и Евреенина, и Халдейская, и Елиса, и Ѳетталійская, и Тараксандра, и Самонеа, иже пророчествова, егда Византіа соиздашася. Многая-жъ тая имена имъ обрѣтаются, понеже кажда отъ нихъ многими и различными именьи именуется. Древніи убо вси число всѣхъ Сивилль и именьи ихъ на десятое число сочисляютъ; нынѣшніе же послѣдніи мудріи даже до дванадесятаго числа ихъ простирають; сего ради и мы послѣдуемъ той проходный путь, и даже до дванадесятаго числа ихъ простираемъ».

На 25 поллистѣ начинается: повѣсть о Сивилляхъ и о именовѣхъ и о пророченіи ихъ. Глава I, Сивилля I Персидская. Извлекаемъ описаніе этой Сивиллы:

«Аще убо и многія и различныя Сивилли быша во различныхъ временахъ и странахъ, обаче между всѣхъ древ-

нѣйшая и славнѣйшая Персидская бысть, яже и Халдейская нарицается. Свойственное же имя ей бѣ Самвион, яко Суида во своихъ лексиконахъ пишетъ, во реченіи Сивилля повѣствуетъ: Персидская же нарицается, понеже отъ страны Персидскія бысть; иніи же нарицають ее Халдейскою; отъ нѣкихъ же именуется и Евреенина. Отець же бысть тоя Сивилли именемъ: Вирососъ, иже халдейскую исторію написа, мати же ея бѣ: Ериманеа. Ходила во златыхъ ризахъ, зраку была младообразнаго, красотою зѣло добра. А было прореченіе ея до Р. Х. за 1248 лѣтъ. Книги-жъ отъ нея написаны суть числомъ 24, о всѣхъ языцѣхъ и странахъ объявляющія. Густинъ Философъ, въ словѣ своемъ къ языкомъ, пишетъ: сія Сивилля отъ Вавилона родословитися глаголетъ, сущая дщи Вироса Халдеянина; не вѣдаю убо, каково она во страну Италійскую во Камбанію прииде, прореченіе предглагола, въ нѣкій градъ именованъ Куза, идѣ-же есть бани, сирѣчь теплые источники. Мы-жъ сами пришли въ той градъ, и зряху нѣкое мѣсто, въ немъ же палата царская велика, изъ единого камени усѣчена видѣхомъ: вещь величайшая и всякаго чуда достойная, идѣ-же прореченія оная Сивилля содѣла, яко глаголаху намъ гражданае того града, яко они отъ праотець своихъ отъ преданія слышаху. Посредѣ же палаты тоя царскія показаша намъ три корыта, изъ того же камени рѣзанныхъ, иже исполнены водою, глаголаше: яко оная въ нихъ умывашеся, и одеждою одѣянная во внутреннѣйшій храмъ палаты тоя входяше. Посредѣ же храма того на высокой степени и престолъ сѣде, и прореченіе глагола. Показаша намъ мѣсто то, идѣ-же Сивилля прореченія дѣяша, и сосудъ нѣкій отъ мѣди сотворенъ, въ немъ же остатки тѣла ея хранятся, глаголаху. Во князѣ же нарицаемой Туркогреціи, о мѣстѣ обитанія тоя же Сивилли сице пишетъ: слѣдуетъ древній храмъ языческій и потомъ озеро, иже именуется Авернъ, близъ же его, на оную страну, гора предлежитъ,

во той же горѣ пещера сице пространна, яко мало что не въ милоу италянскую усѣчена есть; въ ней же множайшіе храмы суть малотепли, яко въ нѣкихъ и потствовать возможно. Тамо обитаніе Сивиллы быти глаголють».

На листахъ 31, 32 и 33 помѣщены стихи этой Сивиллы, а на 35 листѣ начинается описаніе второй Сивиллы: Ливика.

«Вторая Сивилла Ливіанина, или Ливика именуется, понеже отъ Ливіи бѣ, яже естъ третья часть вселенныя, Африка отъ латиновъ именуется, нынѣ же Барбарія отъ турковъ речется; была взору средняго и зѣло черна, нося же всегда въ руцѣ масляную вѣтвь. Сія Сивилла, сице чрезъ стихи глагола:

«Придетъ день свѣтлости,
И разгонитъ вся темности,
За вся грѣхи посланъ будетъ,
И на вселенную новый даръ да будетъ,
Придите и не ищите темности и мрака.
Солнце сладкозрачное, се свѣтъ изрядно сіяетъ».

Всѣ эти стихи, какъ сказано, выписаны изъ сочиненій Климента Александрійскаго.

На 37 листѣ слѣдуетъ описаніе: Сивиллы третія Делфика.

«Сивилла Делфика или Делфійская именуется, понеже во Делфіи, греческомъ градѣ родися, ндѣ-же великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемисъ наречена есть. Бысть же прежде Троадскія брани, и писа прореченія чрезъ стихи, отъ нея же большую часть стиховъ Омірѣ, славный стихотворецъ, во своихъ книгахъ сложи. Сія Сивилла носяше во своихъ рукахъ всегда вѣтвь Дафію, сирѣчь Бобковиное древо, игѣла главу связану власы своими, была младообразнаго лица. Бысть же отъ

страны Фригіи и во волхвища Делфійская прииде, и сице поя чрезъ стихи:

О Делфін служители, далекострѣльному Аполлону,
Придохъ азъ пророчествовати Зевсови умъ страшноцит-
Возъярихся бо на своего брата Аполлона. [ному.

«Климентъ Александрійскій, во книгахъ своихъ Строматахъ, пишетъ: есть же иная Сивилля Ернереа, именованная Ерофилли, ея-жь воспоминаетъ Ираклей Понтійскій, во книгѣ своей о прореченіяхъ. Во Делфисѣ же показуется камень, на немъ же глаголется перво сидѣти Сивиллѣ, яже отъ Геликона горы прииде, идѣже отъ Мусы воспитана бысть. Ини глаголють яко отъ градовъ малыхъ прииде, и бѣ дщи Ламіа Сидоніанина.

На листу 41 слѣдуетъ описаніе: Сивилля четвертая, Химерійская.

«Четвертая Сивилля Химерійская, или Химерія именуется, понеже въ Химеріи градъ италянскія страны родися. Климентъ Александрійскій во книгѣ первой Строматахъ своихъ пишетъ: яко обита въ римской горѣ, именуемъ Кармалъ, и сынъ ея бысть Евандръ, иже храмъ Пану созда, иже Илуперкаліонъ именуется. Сія Сивилля всегда въ рукахъ своихъ цвѣтъ рожу нося. Историцы повѣствуютъ, яко Никифоръ царь греческій посломъ Одона, кесаря нѣмецкаго, сицевое предложеніе между иныхъ предложилъ: обрѣтаются ли во ихъ странахъ Онагри, сирѣчь осли дивіи? Послы же отвѣщаху: яко у нихъ, во странахъ ихъ, Онагри не обрѣтаются, но токмо славное прореченіе сивиллское ѣсть, въ немъ же написано: яко Онагри суть ассиріяне и сараццини, сирѣчь турки, противъ же тыхъ римляно-греки не могутъ брани творити, яко Ипполитъ Сикеманинъ согласуется со сивилскою рѣчбою, иже рече: Левъ и Скипнъ, сирѣчь Львовы дѣти, вкупѣ изгоняють Онагру. Вы убо, греки, Льва мните быти вашего самодержца, а

Скинна краля французскаго, есть же не тако; понеже вси Онагра толкують князя сарацынскаго, его же мы, французы, во послѣднее время покорити будемъ. Сице послы глаголали.

На листу 43 начинается описаніе: Сивилля пятая Ерифреа.

«Пятая Сивилля Ерифреа, яже отъ иныхъ именуется Ерофиля; родители же ея быша Аполлонъ и Ламіа; иніи же глаголють быти отца ея Кринагора, иніи же, яко Ерминъ пишеть, Теодору мать ея имянують. Сія же Сивилля прорече грекомъ о троадской брани, яко Троида погибнетъ и Омиръ творецъ ложная писать будетъ. Ерифреа же именуется поуже родися во веси Ерифронъ, иже именовашеся быти, сирѣчь купина, недалеко отъ острова Хіо. Нынѣ же тая весь во градѣ устроена есть, именуется Ерифри. Иніи же глаголють яко она въ Вавилонѣ родися, и того ради Ериореа именуется, понеже въ томъ островѣ и веси стихи ея изобрѣтены суть. Многоименитая сія Сивилля есть: понеже ея Сикилійскою имянують, иніи же Сардіану, иніи же Гергифу, иніи же Родійскою, иніи Ливійскою, иніи же Левканійскою, иніи же Самію нарицаху. Бысть же она прежде падѣненія троадскаго града за 483 лѣта. Пишуть о ней яко житіемъ разумна и честна бысть, носила же въ рукахъ своихъ агнца; иніи же пишуть яко въ рукахъ носила всегда мечъ голый и яблоко кругло, яко звѣздами украшено; мечъ же подпирашеся, а яблоко всегда подъ ноги свои метала; сложила же книги различныя, и видъ гуслей треугольный во-первыхъ она изобрѣте, и многія стихи сложи, обаче между всѣхъ стиховъ ея 33 стихи Иростіи суть преславны, иже по своемъ имени, перва краеграніе собираетъ на греческій языкъ; на славенскій же языкъ тому быти не возможно, скудости ради стихомѣрія; сего ради и греческіе тыя древніе и истинные стихи противъ славянскихъ стиховъ предлагаемъ. Написаны суть стихи тыя изъ древ-

нія харатейныя книги еллинскія. Аще убо нѣмцы и глаголють тымъ стихамъ быти Кумейскія Сивиллы, мы большей части послѣдуемъ и Ерифрей воздаемъ».

Въ Румянцевскомъ спискѣ написаны греческія изреченія Сивиллы вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ, на четырехъ листахъ.

На 53 листу слѣдуетъ описаніе: Сивилля шестая, Самійская.

«Шестая Сивилля Самійская, или Самія нарицается, свойственное же имя ей бысть Фито и Самонота; Самійская же именуется, понеже отъ острова греческаго, иже Самось именуется, рождена бысть. Самось же есть и нынѣ греческій островъ славный во Бѣломъ морѣ.

«О сей Сивиллѣ писалъ Ератостенъ философъ, и зѣло ея похваляетъ. Ходила же во цвѣтномъ одѣяніи, и книгу и вѣнецъ терновый въ руцѣхъ нося. Была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Сія Сивилля 9 родовъ человѣческихъ предрече, иже Сивилля Ериореа и Кумеа иначе истолковаша; она сицевый толкъ сложи: яко 9 родовъ человѣческихъ на 9 рудъ отнесе, сирѣчь: 1 родъ златый, 2 родъ серебряный, 3 мѣдный, 4 родъ оловянный, 5 родъ желѣзный, и прочихъ по числомъ рудъ».

На 57 листу находится описаніе Сивилля Кумійская.

«Седьмая Сивилля Кумійская, яже Аманфіа и Ерофилля нарицается, Кумейская же именуется, понеже отъ града Кума, иже есть во Камбаніи, во странѣ Итальянской; написана же она многое прореченіе, сего ради и живописуется: носяше въ руцѣ книгу и знамя. О ней пишетъ Авлъ Геллій въ первой книгѣ повѣсти своея, сицевымъ образомъ: старица нѣкая, незнамая язь Сивилля Кумейская быша, ко Тарквинію древнему царю римскому три книги, или девять, яко иніи историцы пишутъ, принесе. Въ тыхъ же книгахъ написано бысть предреченіе о будущихъ вещѣхъ и о пра-

вилѣхъ римскихъ. Цѣну же за оныя книги 300 златыхъ проси; или яко иніи пишутъ: 300 пенязей филиппійскихъ златыхъ, иже сочисляютъ 10,000 златыхъ; иніи же пишутъ яко тысячу златыхъ проси. Царь же Тарквиній небреже о книгахъ тѣхъ, ради великія цѣны. Она же възъярися и при бытіи зрѣнія его сожже 3 книги. И за прочія книги ту же цѣну проси. Понеже убо она, видя отъ царя яко юрода поругается, паки иныя три книги сожже. И тую же цѣну за остатныя три книги просила есть. Иніи пишутъ яко четьрежды по двѣ книги сожже и остася токмо едина книга. И туюже цѣну царь даде единыя книги ради, яже она о первыхъ всѣхъ просила. Царь же, видя великодушіе жены, три остатнія книги за триста филиппійскихъ златыхъ покупи. И повелѣ тыя книги во Капитоліи сохрани. Капитолія же бѣ въ Римѣ славный храмъ бога Зевсова. И повелѣ царь, яко въ тыя книги во дѣлѣхъ нужныхъ и сумнительныхъ отъ 15 мужей первыхъ изъ Синклиту смотритися».

На 71 листу начинается описаніе: Сивилля осьмая, Еллиспондійская.

«Осьмая Сивилля Еллиспондійская, или Еллиспондика, именуется же Еллиспондійская, понеже отъ Еллиспондосъ греческія страны бысть; Еллиспондосъ же есть потокъ или гортань Вѣлаго моря, недалеко отъ Царьграда. Родися же отъ веси Мармисо, недалеко отъ града Трояды; бысть же во время Кира царя и Солона философа; была до воплощенія Божія за 530 лѣтъ; въ рукахъ своихъ носила класы житніи».

На 73 листу слѣдуетъ описаніе: Сивилля девятая, Фригіанина.

«Девятая Сивилля Фригіанина, или Фрига, яже и Колофонская, отъ града греческаго Колофона наречеса. Свойственное имя ей бысть: Ламбуса, отъ родословія Калхандо волхва, иже бысть во брани греческой, противъ града

Троады, и о семь предрече. Обита же и предрече воградѣ Ангирѣ, иже есть во Асіи; въ рукахъ же своихъ нося всегда голый мечъ. Видѣ же ея бысть старообразенъ, суть же и стихи ея нѣцки древни, иройсти, ихъ же она написала о девятиписменномъ имени».

На листу 78 находится описаніе: Сивилля десятая, Тивуртіа.

«Десятая Сивилля Тивуртіа, или Тивуртина, свойственное же имя ей бысть Альвуна, была же во время Августа Кесаря, до Р. Х. за 19 лѣтъ; родомъ отъ страны италіанскія, носила въ рукахъ своихъ вѣтвь финиковую».

На листу 82 слѣдуетъ описаніе: Сивилля первая-надесять, Египтіанина.

«Первая-надесять Сивилля Египтіанина, или Египтіа именуется же Египтіа, понеже во Египестѣй странѣ родися, свойственное же имя ей бѣ: Агриппа, или Тараксандра; носила же въ рукахъ своихъ книгу; возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ».

На листу 86 находится описаніе: Сивилля вторая-надесять, Европеа.

«Вторая-надесять Сивилля Европеа или Европеанина, свойственное же имя ей бысть Самонеа, была до Р. Х. за 133 лѣта, лицемъ красна, ходила во златомъ одѣяніи, власы имѣла распростерты, носила въ руцѣ своей книгу и скипетръ.

«Сія Сивилля о плѣненіи Царяграда отъ италіановъ и французовъ предрече чрезъ сіи стихи:

Сыновъ Еніи слава во Византію приидеть,
И елины будутъ во мягкой силѣ,
Даже до льва ногъ шестьдесятъ,
Даже до того времени, яко пищу его медвѣдь поестъ;
На сего же медвѣдя небрегаемый орелъ возрить,
И орла козель осѣнитъ и птица орла низвержетъ,

И нѣкое знаменіе великое будетъ:
 Собраніе во Адриадское море,
 И подь слѣпымъ вождемъ козу изгонитъ,
 Византію осквернитъ, и козель большое невозоміетъ,
 Ниже алекторъ возгласитъ,
 Даже егда шестьдесятъ и три ноги
 И девять перстовъ сочислятся.

«Сія стихи знаменуютъ пришествіе французовъ и венеціановъ, егда Царьградъ плѣниша. Толкуютъ ся же сице: яко римское царство преведено будетъ отъ великаго Константина во Византію и пребудетъ во мирѣ, даже до времени греческаго царя Мануила, иже поживе шестьдесятъ лѣтъ. Егда убо дѣти его̀ оскудѣють, и Андроникъ къ себѣ царство привлечетъ, и Исака внука Мануилова, иже ни въ чемъ сочисленъ бѣ. Прежде Андроникова сына убіетъ и Алексіа брата Исакова, великою брадою преукрашенна, навѣтуетъ, и ослѣпитъ и во темницу затворитъ, отъ связанія же разрѣшится связанный Алексій, и ко владѣтелю Адриадскому Бѣлаго моря пойдетъ, и венеціаны съ французы совокуплены будутъ, и корабленачальствующему Дандулу, его же лукавство Мануила царя ослѣпи, и во Грецію придутъ, и Византіемъ возвладѣють, и грековъ отъ царства отгонятъ, и тогда ниже царь будетъ. Но французъ, иже яко козель толкуется, и ино глаголательно наречется, и пребудутъ грецы внѣ отъ Царяграда 63 лѣта и 9 мѣсяцъ.

«Сія вся исполнися тогда, егда Царьградъ отъ французовъ плѣнися. Паки сія же Сивилля произвѣстуетъ, яко во время плѣненія Царяграда отъ турковъ кроволитіе неисчисленное будетъ, и о семъ чрезъ сія стихи прорече:

Не умолчу, но объявлю умъ отца
 Слова безсмертная тлѣннымъ вѣдати:
 Яракіа родитъ великій вредъ.

Родъ же ея нѣсть далекъ,
И возбудитъ чадо злое, и злая рана будетъ,
И зѣло возпукнетъ, и скоро раздерется,
И великая кровь возтечетъ.

«Сии стихи предзнаменоваша плѣненіе цареградское отъ Султана Мехмета турецкаго и кровопролитіе, яже тогда неисчисленное бысть».

Обращаемъ вниманіе на три Толстовскіе списка, замѣчательные уже только по переводу и но языку.

Въ третьемъ Толстовскомъ спискѣ, писанномъ полууставомъ, въ XVII вѣкѣ, помѣщено о Сивиллахъ:

«Сии пророчествоваша въ различныя времена до Р. X.; аще суть и невѣрніи, но чистаго ради житія ихъ открылося имъ земныхъ ради глаголати предбудущая.

«Первая Сивилла, именовъ Персика, яже отъ Перскія страны бысть, ходила во златыхъ ризахъ или одѣяніи, зрака была младообразнаго, красотою зѣло добра, а было пророчество ея до Р. X. за 248 лѣтъ.

«Вторая Сивилла, именовъ Любика, яже отъ страны Африкійскія, отъ града Любека. Взору была средняго, ходила въ зеленомъ вѣнцѣ, а была радостна, и смѣялася всегда.

«Третья Сивилла, именовъ Делфика, была младообразнаго лица, ходила во одѣяніи черномъ, имѣла главу обязану власы своими и въ рукахъ всегда носила воловій рогъ.

«Четвертая Сивилла, именовъ Хивика, или Химера, родомъ страны Волоцкія, ходила, распустивъ власы свои, въ синемъ одѣяніи.

«Пятая Сивилла, именовъ Самія, ходила во цвѣтномъ одѣяніи и мечъ голый подъ ноги метала, а была до воплощенья Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Шестая Сивилла, именовъ Демофила, была старообразна лицомъ, ходила въ простомъ одѣяніи.

«Седьмая Сивилла, именовъ Еллиспона, была въ Троадской странѣ, возраста средняго, ходила въ простомъ одѣяннѣ, а была до воплощенія слова Божія за 530 лѣтъ.

«Осьмая Сивилла, именовъ Өригіата, была отъ града Трои, до Р. Х. за 1005 лѣтъ; лицомъ была старообразна, и нравомъ гнѣвлива, а ходила просто, власы свои распустила.

«Девятая Сивилла, именовъ Европія, была до Р. Х. 133 лѣта, лицомъ красна, ходила во златомъ одѣяннѣ.

«Десятая Сивилла, именовъ Тыбуртыня, родомъ страны Волоцкія, ходила въ красномъ одѣяннѣ, а на главѣ своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ.

«Первая-надесять Сивилла, именовъ Агрифа, возраста была средняго, ходила во одѣяннѣ красномъ, и прижавъ держала къ груди руцѣ свои.

«Вторая-надесять Сивилла, именовъ Естрія, или Ерофилія. Пишутъ о ней, что житіемъ разумна была и честна, а ходила въ черномъ одѣяннѣ, а въ рукахъ всегда носила мечъ голый и яблоко кругло, аки звѣздами украшено, мечемъ ся подпирала, а яблоко всегда подъ ноги себѣ метала, а была въ лѣто Гедеона судьи, иже во Израилѣ».

Шестой Толстовскій списокъ, писанный въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, не имѣетъ ни заглавія, ни начальныхъ листовъ. Первый листъ представляетъ изображеніе Сивиллы, писанное, какъ и всѣ другія, самымъ грубымъ образомъ, водяными красками. Описаніе начинается съ 414 листа:

«А была всеродовичъ; ходила въ червчатой одеждѣ, руки пріимаючи къ сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, такъ се полюбило, чтобы ее слово тѣломъ стало, что человекъ уродился, а грѣшники вмѣстѣ были».

На оборотѣ этого же листа находится изображеніе второй Сивиллы, также безъ подписи, а на 415 листу описаніе:

«Изъ всѣхъ лучши была. Про тою сказывалъ Аполлодорусъ Ерытрейсь, что изъ его города посадскаго человекъка жинка была; писала та много о городѣ Троѣ, что было тому городу взяту быти, и выпустошену. Ходила въ хитонъ одѣяннѣ, была всеродовичъ и кручиновата; а подъ ногами яблоко круглое звѣздами, тѣмъ образомъ, что небо».

На оборотѣ 417 листа находится третье изображеніе Сивиллы, съ подписью вверху: Персика:

«Персика наречена бысть, родомъ изъ Перскія земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишетъ о ней философъ Мирайдиле, до Р. Х. за 1248 лѣтъ. О ней писалъ философъ Никаноръ Греческій, который великаго Александра дѣяннѣ писалъ: ходила въ золотомъ одѣяннѣ, свѣту умильнова и хороша лицомъ, была молода, красоту свою съ чистотою держала».

На оборотѣ 419 листа находится четвертое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 418 описаніе:

«Того для ее называютъ Либикою, что была изъ Либіи и изъ Африи, въ тѣ поры, какъ Персика, и о ней говоритъ книжникъ Еврипидеъ: была всеродовичъ, ходила въ вѣнцу цвѣту зеленаго, въ ризѣ бѣлой и въ честной сѣдинѣ, была весела».

На оборотѣ 421 листа находится изображеніе пятой Сивиллы, безъ подписи, а на 420 описаніе:

«А зовутъ ее потому, что и она въ костелѣ Аполлоновомъ уродилась, у Дельфу, то иная, а не та, которая людежъ чрезъ черту указывала, была она въ третьемъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежь объявила, и сказала, что королевство Троянское будетъ разорено. И о той Сивиллѣ писалъ Крзинъ въ своихъ книгахъ, что она, будучи молода, ходила въ черномъ платьѣ, обвязавъ волосы около главы, а въ рукахъ держала рогъ. А иные пишутъ такъ объ ней: что и сватался на ней король, имя ему Отреусъ, и посылалъ къ ней ку-

бокъ золотъ въ поминкахъ, и она за него не похотѣла, и не пошла».

На оборотѣ 423 листа находится шестое изображеніе Сивиллы, безъ надписи, а на 424 описаніе:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на троянской вотчинѣ, въ мѣстѣ Герціюмъ, въ тѣ поры жила, какъ былъ Цырюсъ король перскій. Была женщина стара, не хороша, въ простой одеждѣ, охульна. О той писалъ Хераклидъ Понтыкусъ».

На оборотѣ 425 листа находится седьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 426 листу описаніе:

«А была со Фрадѣи, гдѣ была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголивъ плеча, распустивъ волосы, голову наклоня, пальцемъ указывала».

На оборотѣ 427 листа находится осьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 428 описаніе:

«Пишуть о ней се, что родилась во второмъ вѣку свѣта до Р. Х. за 2,000 лѣтъ, при философѣ добръ ученомъ, невѣрномъ, имя ему Трезмисъ Гитана, ходила нарядно и хорошею наметкою голову покрывъ, а подъ ногами мечъ имѣла безъ ноженъ, для того знамени, что быти войнамъ на свѣтѣ. О томъ писалъ философъ Еростотарнесъ, что нашель въ ея книгахъ о Александрѣ Македонскомъ».

На оборотѣ 429 листа находится девятое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 430 описаніе:

«Умїа Сивилла, или Демофила, невѣдомо отколева была, а была она въ четвертомъ вѣку свѣта. Была стара, ходила въ платѣ простомъ, не хороша лицомъ была, а взглядъ былъ кручиноватой. Та одного часу пришла до короля Тарквиніуса и принесла ему девять книгъ писаны на харатьи, а говорила ему, чтобъ онъ купилъ книги. И спросилъ ее король: что за нихъ хочешь? И она ему молвила: триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся. И она сдѣлала огонь предъ его очами и сожгла ихъ трои книги.

И молвила опять королю: король, купи ты другія трои книги? И пыталъ ее. Молвила ему за триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся, и думалъ, что она шальна. И она другія трои книги сожгла. И молвить опять: король, купи ты трои книги; будетъ тебѣ послѣ того жалъ. И попыталъ ее, что дать. И молвила: триста золотыхъ великихъ. Король видѣлъ ея крѣпость и мудрость, что хотѣла остаточныя трои книги сжечь, и далъ ей триста золотыхъ, а книги взялъ. И какъ сталъ въ нихъ честь, и тужилъ о томъ король, что всѣхъ не купилъ, и скоронилъ тѣ книги».

На оборотѣ 432 листа находится десятое изображеніе Сивиллы, а на 433 описаніе:

«А се родилася во Уропѣи до Р. Х. лѣтъ за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицомъ чиста, ходила въ золотомъ бархатѣ».

На оборотѣ 433 листа находится одиннадцатое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 434 описаніе:

«Наипослѣднѣйшая та была родомъ изъ Италіанскія земли, только до Р. Х. была въ Римѣ за 19 лѣтъ, при Октовьянѣ Цысарѣ. О той-то Соликусъ пишетъ: коли римляне хотѣли хвалить Цысаря Октовьяна, что при немъ былъ покой во всемъ свѣтѣ, и хотѣли другой костель поставить ему. И позвалъ къ себѣ Сивиллу Тыбуртину, и сказалъ ей ту рѣчь. И она у него просила сроку до трехъ дней не сказывати ему. Пишутъ: ходила она въ красной одежи, а кожу козлову носила на плечахъ».

Пятый Толстовскій списокъ, писанный скорописью въ XVII вѣкѣ, содержитъ въ себѣ краткія выписки изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Выписываемъ:

«Первая именовъ Персика отъ страны Персидскія, ходила во златомъ одѣяннѣи до вѣку своего въ доброй красотѣ, за 1148 лѣтъ до Христова воплощенія.

«Вторая Сивилла изъ Аврипѣи, града Любска, имя ей

было Любика, а была вѣку средняго, ходила въ вѣнцѣ зеленомъ, а всегда была радостна, смѣялася.

«Третія Сивилла, имя ей Делфика, а была младообразна, ходила въ черномъ одѣяніи, обвязавъ свои власы около головы своей, а въ рукахъ своихъ носила рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хибика, или Химера, родомъ Словенской земли, ходила въ синемъ одѣяніи, и власы распустивъ.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила наряжаясь цвѣтно, а мечъ голый подъ ноги метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила въ простомъ одѣяніи. Принесла къ царю Тарквинію 9 книгъ, чтобы у нея тѣ книги царь купилъ. И царь спросилъ у нея: чего за книги хочеть? И она сказала цѣну 3 ста златыхъ великихъ. И царь тому посмѣялся. И она сожгла три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила царю, чтобы у нея царь и остаточныя 6 книгъ купилъ, а просила ту же цѣну. И царь ей опять посмѣялся. И она сожгла другія три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила царю, чтобы у нея купилъ послѣднія 3 книги, а далъ бы ту же цѣну, а не дастъ на нихъ тѣхъ златыхъ великихъ, и она и тѣ сожжетъ. Царь же удивился тому, и призва философовъ, и вопросы ихъ о книгахъ тѣхъ: который разумъ имѣють? Они же сказаша царю, что тѣ книги прореченія Сивиллъ, разумъ великъ имуть о ближнихъ дѣлахъ и нашему ученію. Царь же много оскорбился о сожженіи ради книгъ, и повелѣ ей дати цѣну, еже сперва просила.

«Седьмая Сивилла Еллиспонтійская была съ Троянской земли за 530 лѣтъ до Р. Х.; а была женщина простая, ходила въ платѣ простомъ.

«Осьмая Сивилла, именемъ Өригія. И та была отъ Тройска града, была стара, кручиновата, сердита, ходила власы распусти.

«Сивилла девятая была въ Европѣ за 133 года до Р. Х.; ростомъ была красна, а ходила въ золотѣ.

«Десятая Сивилла, именовъ Тибуртина, была изъ Вольгъ, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ, при Октовьянѣ царѣ, ходила въ красномъ одѣяніи, а носила на главѣ козловую кожу.

«Первая-надесять Сивилла была средняго вѣку, ходила въ красномъ одѣяніи, руки держала на грудѣхъ.

«Вторая-надесять Сивилла, именовъ Еритрія или Ерофила, была всѣхъ честнѣе, а была еще при израильстѣмъ судѣ Гедонѣ, средняго вѣку, а носила платье черное, кручина обычаемъ была, а въ рукахъ носила голый мечъ, и подпиралась имъ, держала яблоко круглое со звѣздами».

Вотъ, что думали о Сивиллахъ наши старики по западнымъ сказаніямъ. Съ чего переведенъ текстъ Румянцовскаго списка, доселѣ еще неизвѣстно; но текстъ одного Толстовскаго списка переведенъ изъ хроники Бѣльскаго.

II. Башъ и Башиха.

Уваженіе ко всему необыкновенному, огромному въ природѣ, начавшееся на Востокѣ, перешло и въ русскую землю. У насъ есть свои идеалы для поселянъ: Конь камень, Корочуновъ камень, Тучевъ камень — два камня Башъ и Башиха. Каждый изъ сихъ камней имѣетъ свой мнѣ семейный, указывающій прямо, что онъ не нашъ, доставшійся намъ по наслѣдству. У литовцевъ, финновъ, нѣмцевъ — язычниковъ, огромные камни замѣняли кумиры и служили требищами для боговъ. Если бы наши камни имѣли такое же назначеніе у славяно-русовъ, то мы вмѣсто мнѣа семейнаго объ нихъ знали бы мнѣа религіозный. Этого нѣтъ у насъ.

Камни Башъ и Башиха находятся въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ селѣ Башевѣ, въ 25 верстахъ отъ Одоева, близъ дороги, среди поля. Фигура камней почти квадратная, небольшого размѣра. Лежитъ одинъ отъ другого на 1¹/₂ аршина. Поселяне не запахиваютъ мѣсто кругомъ камней, опасаясь бѣды.

Семейный мифъ о камняхъ Башъ и Башиха состоитъ въ слѣдующемъ: Башъ былъ татаринъ, а Башиха жена его. Другіе же говорятъ, что они были кумъ и кума. Баши переселились на Русь, жили и померли. Добрые люди скоро нили ихъ на этомъ мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того приплыли два камня изъ Оки въ Упу, а изъ Упы пришли прямо на ихъ могилы и остановились тутъ. То были тѣни Башей, не желавшія разстаться съ ними и по смерти. Когда-то разсердился Башъ на Башиху и ударилъ ее сапогомъ. На камнѣ Башихи осталась ступня. Было время, когда любопытные хотѣли вырыть камни и посмотрѣть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Баши не желали этого; а когда начали обрывать ихъ, они уходили въ землю. Православные сколько ни трудились, бросили съ досады. Одинъ изъ нихъ, съ горя, началъ рубить камни топоромъ, и скорѣ показались пятна красныя. За такую дерзость Баши начали мстить: поля не плодородили, животныя умирали, люди бѣдняли. Съ тѣхъ поръ Баши начали людямъ являться во снѣ и помогать имъ уже добромъ, если думали объ нихъ хорошее.

Почтенный нашъ археологъ И. М. Снегиревъ говоритъ: «сія чета литоморфовъ двойственностью своей соотвѣтствуетъ дуализму въ славянской мифологіи, а по приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ, представляетъ какія-то божества... Названіе же Баши татарское или монгольское, ибо у монголовъ, бывшихъ ламайской вѣры, башъ и башка значили голову, начало. Итакъ Баши есть остатокъ отъ татарщины». (Выпускъ IV, стр. 74).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

Сказанія о русскихъ народныхъ играхъ.

1. Голуби.

Голуби, любимая игра дѣтей, представляетъ собою плѣнительную картину семейной жизни русскаго народа. Голубь, голубка, дѣти ихъ — вотъ существа, оживляющія эту игру. Наши предки въ олицетвореніи этой группы изобразили семейство: красное — дочерью, почетное — сыновьями. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая предусмотрительность отца увлекла въ старину дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ домашнимъ занятіямъ, не имѣя въ виду измѣненій своего быта. Чѣмъ же мы болѣе можемъ заохотить дѣтей къ такимъ занятіямъ? Дѣти любятъ играть. Дайте имъ такія игры, въ которыхъ бы отражались: или ихъ будущая жизнь, или занятія, ожидающія ихъ. Наши предки заботились о нравственномъ воспитаніи, и вотъ почему подарили дѣтей такою прелестною игрою.

Въ игрѣ Голуби — дѣти избирають: голубя, голубку, а всѣ прочія остаются подъ именемъ дѣтей ихъ. Голубь съ голубкою свиваютъ гнѣздо, живутъ любовно, на потѣшеніе всѣмъ. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Голубь отлетаетъ на промыселъ, а голубка остается съ дѣтьми. Съ добычею голубъ прилетаетъ въ семейство и раздѣляетъ

съ нимъ пицу. Дѣти-голуби оперились, выросли, летаютъ уже по бѣлому свѣту. Люди добрые — по народному при словью — имѣютъ враговъ. То же самое создала фантазія и въ этой игрѣ. Здѣсь является врагомъ ястребъ. Какъ онъ страшитъ голубиное семейство! Какъ онъ живо изображаетъ собою нарушителя семейнаго благополучія, врага благоденствія добрыхъ людей! Ястребъ въ этой игрѣ бываетъ: вѣчный, несмѣняемый до конца игры, или съ хвостикомъ, смѣняемый при каждой добычѣ. Онъ долженъ: переловить всѣхъ дѣтей-голубковъ, извести мать-голубку, разбить на-лету отца-голубя. Какъ жалобно тоскуетъ голубка о потерѣ своихъ дѣтей! Какъ уныло воркуетъ голубъ о расхищеніи своего семейства! Русское семейное горе выражается здѣсь въ яркихъ краскахъ. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда. Нерѣдко случается, что отважный ястребъ, залетѣвшій въ голубиное гнѣздо, дѣлается добычею голубя. Какъ ужасно побѣдитель-ястребъ развѣваетъ голубиныя перья—доказываютъ остатки изорваннаго платья и побои вѣчнаго ястреба.

2. Кума.

Кума — игра пожилыхъ женщинъ и дѣвицъ—живо обрисовываетъ собою сельскій обычай — кумиться. Въ русской жизни кумовство столь бываетъ почтительно, что безъ кума и кумы не существуетъ семейнаго веселія. Для кума всегда есть брага, для кума есть медъ со-товый, а для кумы водятся въ кутѣ паренныя груши, для кумы есть квасъ сыченой, макъ поджареный и черныя прянички. Насталъ прощенный день. Кумъ является къ кумѣ съ мыломъ, а кума идетъ къ нему съ пряниками. Кумъ можетъ цѣловать куму при всей деревнѣ, и все это сочтется почтеніемъ, дружбою, привѣтомъ. Что знаетъ кумъ, то знаетъ кумова жена, то же самое

знаеть и вся деревня. Безъ кумы не ладится свадьба, безъ кума не совершаютъ похоронъ. Вотъ быть русскаго кумовства! Вѣроятно, игра Кума избобрѣтена въ честь этого важнаго обычая, которому никто и никогда не измѣнялъ въ семейной жизни нашихъ предковъ.

Поселяне говорятъ, что городскія кумы спѣсивы, а водить кумовство въ городахъ стало не въ обычай; но игра Кума тѣшитъ горожанъ не менѣ всякой. Старая Русь не умерла; ея бытъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ въ современной нашей жизни. Лѣтописцы записали жизнь политическую нашихъ предковъ, а преданія и обычаи сохранились въ жизни семейной безъ записей, пережили вѣка и существуютъ доселѣ. Напрасно говорятъ, что русская исторія многого лишилась: этой нѣмецкой пѣснѣ доселѣ еще многіе вѣрятъ. Мы не только не успѣли осмотрѣть свои матеріалы—письменные и словесные—но не знаемъ еще всего, чтѣ и какъ писали чужеземцы объ нашихъ предкахъ. Чужеземныя описанія требуютъ строгой повѣрки. Они, какъ люди мимоѣзжіе, незнакомые съ русскимъ языкомъ, не могли вѣрно передать всего, видѣннаго ими. За ними строго смотрѣли, держали взаперти, чуждались съ ними словъ и дѣлъ. Не мы, люди XIX вѣка, виноваты въ отчужденіи отъ предковъ, родины и обычаевъ. Были задолго люди до насъ, успѣвшіе заглянуть въ чужія земли; съ ними пришли къ намъ чужіе обычаи и мало-по-малу, вытѣснили старую нашу семейную жизнь изъ городовъ въ села.

Игра Кума совершается двумя отдѣльными пированіями. Одно бываетъ въ опредѣленное время и съ особеннымъ торжествомъ, другое же можетъ происходить во всякое время, и притомъ во многочисленности.

Поселяне Тульской губерніи, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, въ день женъ мирносицъ, выходятъ въ лѣсъ, какъ они говорятъ—кукушку кстить. Двѣ подруги, обре-

ченныя въ кумовство, нагибаютъ молодыя березки, связываютъ ихъ вѣтвями, платками, полотенцами. Сдѣлавши изъ вѣтвей вѣнокъ, привязываютъ къ нему два креста, сдѣланные изъ вѣтвей. Въ то самое время, какъ кумы ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и цѣлуются сквозь вѣнокъ крестообразно, по три раза, прочія женщины поютъ:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумися, кумушка,
Покумися, голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши пѣснь, кумы мѣняются крестами, величаются подругами, живутъ въ мирѣ и согласіи. Въ этой игрѣ не участвуютъ мужчины; однѣ только женщины присутствуютъ. Кумовство заключается завтракомъ и хороводными пѣснями.

Въ селеніяхъ Московской, Рязанской и частію Тульской губерній совершается игра Кума въ семикъ. Тамъ, въ это время, поселяне собираются въ рощи, нагибаютъ молодыя березы — плаучія — свиваютъ изъ нихъ вѣнки, обвѣшивая ихъ разноцвѣтными лоскутами и лентами. Потомъ, подходя къ попарно, цѣлуются сквозь вѣнки, приговаривая:

Покумися, кума,
Покумися.
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружитья.

Въ это время дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ Костромской губерніи, вмѣсто этихъ словъ, говорятъ: «здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замѣчательно,

что здѣсь, въ этой игрѣ, участвуютъ и молодые люди, неженатые, вмѣстѣ съ дѣвицами. Веселыя пѣсни и вѣчно одинакія пляски—сопровождаютъ и здѣсь игру Кума. Послѣ того собираются: развивать вѣнки тѣ, которые покумилась семицкою березкою, и сходятся въ лѣсъ раскумиться. Тогда кумовья, разбивая вѣнки съ поцѣлуями, поютъ:

Раскумимся, кума,
 Раскумимся.
 Не сварясь,
 Не бранясь,
 Ладно живучи,
 Припѣваючи.

Кромѣ этого рода игры Кума, поселяне отправляютъ еще другой видъ, совершенно не похожій на вышеписанный. Сбираясь играть, поселяне выбираютъ куму, садятся по два въ рядъ, кругами. Кума охаживаетъ кругъ, выглядывая пригожихъ и миловидныхъ. Едва она своимъ сердцемъ вывѣдала Доброхотную, и уже заводитъ съ нею рѣчи:

Кума. Что это за дитя!

Въ это время Доброхотная встаетъ и, указывая на сидящую съ ней особу, говоритъ:

Доброхотная. Твое и мое.
 Кума. Кому его кстить?
 Доброхотная. Тебѣ и мнѣ.
 Кума. Что ты мнѣ за это дашь?
 Доброхотная. Шильцо, мыльцо.
 Бѣлое бѣлильцо,
 Да зеркальцо;
 Рубль, да денежку,
 Да красную дѣвушку.

Съ окончаніемъ этихъ словъ — Кума и Доброхотная разбѣгаются въ противоположныя стороны и, обѣжавъ три раза кругомъ сидящихъ, останавливаются. Та, которая успѣетъ изъ нихъ занять прежде мѣсто, остается въ выигрышѣ — сидѣть спокойно, а другая опять идетъ заводить рѣчи. Въ этой игрѣ кума должна быть смѣтлива: здѣсь есть обманъ. Въ то время, какъ кума съ кумою кумятся, другіе сосѣди успѣваютъ пересѣсть на порожнее мѣсто. Если одна изъ нихъ, незамѣтившая сосѣдняго обмана, сядетъ на чужое мѣсто, тогда со всѣхъ сторонъ начинается чуранье: «Чуръ съ мѣста! Чуръ съ мѣста!» Отъ этого часто случается, что въ большомъ кругу ходятъ по двѣ и по четыре кумы.

Для кумы въ селахъ поется особенная пѣсня:

Какъ кума-то въ кумѣ въ рѣшетѣ приплыла,
 А я такъ ухомъ не веду, я такъ глазами не гляжу.
 Еще чѣмъ-то мнѣ кумушку подчивати?
 Да какъ есть про куму воробей во саду,
 Воробей во саду, и тотъ безъ заду;
 Разложу я воробья на двѣнадцать блюдъ:
 Душку, головку въ пирогъ загну,
 Я зашейную часть напередъ пошлю,
 Самого воробья жаркимъ наряжу.
 Еще кушайка, кума, не засаливай уса;
 Не верти, кума, въ рукахъ, не носи, кума, домой.

3. Горѣлки.

Рѣзвое, милое созданіе — дѣвушка въ 16 лѣтъ — получила завидную долю въ русской семейной жизни. Краса семьи, утѣха отца и матери, дѣвица красная жила на устахъ молодыхъ и старыхъ. Цѣлый лѣтній день сидѣнья въ свѣтелкахъ, гдѣ только одна необозримая даль веселить ея сердце, прискучить всякому, прискучить даже са-

мой старушкѣ. Не за то ли самое наши старушки-бабушки предоставили своимъ дѣтямъ самую рѣзвую, милую игру — Горѣлки — порхать по лугу съ подругами и молодцами? Любовь, столь безщадно отгоняемая бабушками, вкралася здѣсь. Для ней не существуетъ рокового: нѣтъ! Во всей Великороссіи отдають преимущество этой игрѣ. Наши сородичи — отъ поселянина до боярина — равно забавляются Горѣлками. Съ тѣхъ поръ, какъ чужеземщина заполонила нашихъ дѣтей, отбила у насъ воспитаніе русское, родное, благочестивое, всѣ наши народныя игры опостылѣли людямъ, чуждающимся родного языка. Въ современной жизни мы часто слышимъ, какъ русскія игры называютъ мужицкими, тѣ самыя игры, которыя въ старой жизни забавляли русскихъ, нашихъ предковъ, отцовъ и матерей. Во многомъ потомство будетъ обвинять нашихъ сородичей. Напрасно мы будемъ воображать, что старая русская жизнь существовала безъ отрады: тогда увеселеній еще было болѣе, и при томъ увеселеній общественныхъ. Правда, тогда не было театровъ; но за то цѣлая площадь, усѣянная народомъ, была свободною для увеселеній, для забавъ, для восторговъ; за то цѣлые дворы наполнялись веселыми игроками, которыхъ радушно сзывалъ отецъ къ своей семьѣ, которыхъ привѣтливо встрѣчала мать, которыхъ ласково принимали дѣти. На площадяхъ веселились люди всѣхъ сословій; здѣсь были игры затѣйливыя, обширныя; на дворахъ забавлялись бояре, люди торговые, болѣе всѣхъ дѣвушки богатыхъ отцовъ. Всѣмъ было весело, всѣ жили раздольно по-русски.

Горѣлки, называемыя въ другихъ мѣстахъ: Разлуками, Разгарами, отправляются лѣтомъ. Играть въ Горѣлки собираются болѣе вечернею порою, на широкій дворъ, или на лугъ, или на улицу передъ домою. Люди молодые, болѣе дѣвицы и холостые мужчины, берутъ первенство въ этой игрѣ. Игроки обрекаютъ одного изъ

среди себя, по жребію, горѣтъ — въ должность тяжкую. Всѣ прочіе спариваются, т. е. становятся парами, одна за другою. Горѣльщикъ становится впереди паръ, неподвижно, не обращаясь ни взадъ, ни впередъ, ни на бокъ. Въ это время игроки разбѣгаются въ разныя стороны. Горѣльщикъ преслѣдуетъ ихъ. Если онъ успѣетъ различить ихъ, схватить оплошного, то его должность болѣе не продолжается, или, за свою неудачу, онъ долженъ вновь горѣтъ, хотя бы игра повторилась до 100 разъ. Въ игрѣ не безъ обману — говорятъ старушки — и точно такъ! Сколько хитростей придумано для несчастнаго горѣльщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя въ этой игрѣ людей разнаго возраста, сблизила завѣтныя тайны любви. Здѣсь люди молодые, слюбяясь, смѣло рассказываютъ всѣ сердечныя тайны, не смотря на то, что старики, со всѣхъ сторонъ, сторожатъ ихъ забавы.

4. Мышка.

Мышка составляетъ домашнюю вечернюю игру дѣтей и взрослыхъ, увеселеніе, повсюду употребляемое въ Велико-руссіи. Съ давнихъ временъ, говорятъ старушки, установленъ въ этой игрѣ нечетъ, по которому приходится считать игроковъ — троихъ, пятерыхъ. Если нечетъ состоитъ изъ троихъ игроковъ, то двое становятся по угламъ, представляя каждый изъ себя Мышку. Третій, признанный по жребію — водыремъ, обязанъ ходить по угламъ и говорить: «Мышка, мышка! продай уголокъ»? Въ волѣ всякой мышки находится продавать ли свой уголокъ, или удерживать за собою? Если водырь услышитъ: «не продаженъ» — звукъ довольно для него тягостный, то онъ долженъ переходить къ другому углу. Когда же здѣсь отвѣтятъ на его вопросъ: «обернись

задомъ» — онъ тотчасъ обертывается къ этимъ угламъ задомъ и, едва касаясь ногами пола, готовъ, при первомъ шорохѣ, летѣть въ чужой уголокъ. Мышка, рѣшившаяся продать свой уголокъ, должна имѣть проворство самое от-важное, должна быть увѣрена въ готовности своей сосѣдки, также готовой переѣзжиться съ нею углами. Внимательный водырь всегда успѣваетъ захватить уголь. Мышка, прогулявшая свое мѣсто, принимаетъ на себя должность водыря, а съ этимъ мѣстѣмъ начинается опять та же игра — Мышка.

5. Безъ соли соль.

Безъ соли соль есть любимая игра городскихъ дѣвушекъ, управляемыхъ въ своихъ забавахъ пожилыми нянюшками. Эта игра выказываетъ какую-то игривость предковъ, теперь намъ непонятную.

Дѣвушки, собравшіяся въ досужій часъ порѣзвиться, мечутъ жеребьи: кому сидѣть. Среди широкаго двора, или обширной поляны, садятся двѣ дѣвушки, одна противъ другой, съ протянутыми ногами. Всѣ прочія столпляются на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдаетъ, чтобы сидѣли дѣвушки съ руками сложенными за спиною, и съ зажмуренными глазами. Дѣвушки, переходя одна за другою черезъ ноги сидящихъ, приговариваютъ: «Безъ соли соль». Сдѣлавши три перехода, останавливаются. Въ это время передняя дѣвушка, съ быстротою молніи, перескакиваетъ черезъ ноги сидящихъ, а за нею и всѣ другія. Часто случается, что сидящія ловятъ дѣвушекъ на всемъ ихъ лету. Отъ этой проворности заводятся споры, споры кончаются ссорами, ссоры переходятъ въ брань и слезы. «Она поймала меня оттого — говоритъ огорченная — что смотрѣла глазами, и прямо мѣтила въ меня». Добросовѣстная побѣдительница всегда бываетъ уступчива; одни только вздорныя спорятъ. Пой-

манная дѣвушка садится на мѣсто побѣдительницы — и игра начинается снова.

6. Жмурки.

Жмурки, или Слѣпой козелъ, есть игра домашняя, игра дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, въ большіе зимніе вечера. Дѣвушки, съ завязанными глазами, какъ бы лишенные зрѣнія, стараются болѣе поддаваться въ руки любезныхъ молодыхъ мужчинъ, а о мужчинахъ и говорить нечего. Влюбленные, подъ видомъ оплошности, только одни и играютъ во весь вечеръ эту игру, тогда какъ другіе только посмѣиваются ихъ незнавію прятаться отъ поисковъ Козла. Нѣтъ сомнѣнія, что эту игру изобрѣла любовь: вѣдь наши предки любили не хуже насъ.

Игроки Слѣпозго козла, обреченнаго въ это званіе по жеребью, подводятъ, съ завязанными, глазами, къ запертой двери, гдѣ онъ начинаетъ стучать. Игроки спрашиваютъ: «Кто здѣсь?» Его отвѣтъ: «Слѣпой козелъ». Тогда одинъ изъ отважныхъ игроковъ подходитъ къ козлу и говоритъ:

Слѣпой козелъ!
 Не ходи къ намъ ногой.
 Поди въ куть,
 Гдѣ холсты ткуть,
 Тамъ тебѣ холстикъ дадутъ.

Козелъ, недовольный симъ отвѣтомъ, начинаетъ бить въ дверь ногами. Игроки снова спрашиваютъ: «Кто здѣсь?» Слышенъ отвѣтъ: «Аванасъ!» Тогда всѣ игроки говорятъ:

Аванасъ!
 Не бей насъ.
 Аванасъ!
 Ходи по насъ!

Съ послѣднимъ словомъ отважный игрокъ ударяетъ ладонью козла по спинѣ и бѣжитъ прочь. Обиженный начинаетъ искать виноватаго по угламъ, по столамъ, стульямъ. Всякій, пойманный козломъ, считается виноватымъ, и за свою оплошность долженъ играть слѣпного козла.

7. Кулючки.

Игра Кулючки также принадлежитъ къ числу тѣхъ домашнихъ увеселеній, въ коихъ любовь нашихъ предковъ успѣла скрыть себя отъ укоризненныхъ очей. Какъ игра домашняя, болѣе зимняя, она всегда считается возможною; въ ней участвуютъ и мужчины и дѣвицы, говорятъ тайно, что хотять, идутъ прятаться также вмѣстѣ, и никто никого не думаетъ подозрѣвать. Всѣ говорятъ одно: «этого требуетъ игра», и всякое сомнѣніе уничтожается.

Одинъ изъ игроковъ садится въ уголъ — кулюкать; другіе закрываютъ ему лицо, глаза, всего самого — платками, разными платьями, а онъ скороговоркою причитываетъ:

Кулю, кулю—баба!
 Но выколи глаза,
 Сынъ подъ окошкомъ,
 Свинья подъ лукошкомъ.
 Пора, что-ли?

Въ это время, всѣ другіе игроки скрываютъ себя во всевозможныхъ, незамѣтныхъ мѣста. Когда же услышатъ: «Пора, что-ли?» отвѣчаютъ ему только: «Нѣтъ!» Снова начинается кулюканіе, снова вопросъ: «Пора, что-ли?» снова отвѣтъ: «Нѣтъ!» Это продолжается до трехъ разъ, а иногда и болѣе, пока всѣ игроки успѣютъ скрыться. Не получая отвѣта на свое: «Пора, что-ли?» онъ отправляется въ поискъ. Первый, отысканный имъ, долженъ смѣнять его.

Часто случается, что играющіе, по ненависти къ куклѣ, заставляютъ его отыскивать всѣхъ до одного.

8. Сорока.

Сорока, какъ игра дѣтская, увеселяетъ только дѣтей и матерей, и свято соблюдается въ семейной жизни. Эта игра вводится тогда, когда колыбельныя пѣсни смѣняются играми.

Мать или няня беретъ руку дитяти, водить своимъ указательнымъ пальцемъ по его ладони. Нетерпѣливое дитя, приученное къ этой игрѣ, стоитъ въ радостномъ томленіи, а нѣжная мать говоритъ:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала:
Не ѣдутъ ли гости?
Не везутъ ли гостинцы?
Приѣхали гости,
Привезли гостинцы.

Послѣ того дѣйствіе игры переносится съ ладони на пальцы. Указывая на каждый изъ нихъ, мать говоритъ:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца,
А этому не достало.
Поди, тамъ
Есть колодець,
Напейся водицы.

Потомъ, указывая на ладонь, говоритъ:

Тутъ пень,
Показывая на мѣсто кисти:
Тутъ колода,
Подвигаясь къ локотному сгибу:
Тутъ мохъ,
Приближаясь къ подмышкѣ:
Тутъ болото,
Щекоча подъ мышкою:
Тутъ студеная водица.

Смѣхъ дитяти, ласковые поцѣлуи нянюшки, нѣжность маменьки оканчиваютъ игру.

9. Веребочка.

Веребочка, старинная свадебная игра, увеселяетъ на говорахъ людей женатыхъ и семейныхъ, на посидѣлкахъ и молодечникѣ дѣвушекъ, одиѣхъ, безъ мужчинъ. Но это бывало прежде; нынѣ забавляются веревочкою безъ разбора всѣ свадебные говорщики.

Сваха вноситъ въ горницу веревочку, концы которой свать или дружка завязываетъ однимъ узломъ. Игроки хватаются за эту веревку обѣими руками, составляя изъ себя кругъ около ея. Въ средину круга становится свать или сваха для зачину. Обходя кругомъ всѣхъ, сваха — кому говорить красное слово, кому поетъ присказку, или заводитъ сказку, стараясь высказать въ ней характеры говорщиковъ. Ея слова, хотя иногда довольно обиднымъ, отвѣчаютъ похвалою, улыбкою и добрымъ молодечествомъ. Круговой — такъ называютъ свата, стоящаго въ срединѣ игроковъ — среди розказней, замѣчаетъ: кто смотритъ по сторонамъ, и, подкарауливъ, тотчасъ бьетъ его по рукѣ. Оплотный становится въ кругъ,

при всеобщемъ смѣхѣ, и заводитъ свои розказни. Иногда, вмѣсто побасенокъ, игроки поютъ свадебныя пѣсни. Игра оканчивается по желанію игроковъ.

10. Сѣрый волкъ.

Сѣрый волкъ, игра олицетворенная, носить на себѣ отпечатокъ древности. Волкъ, выражая собою нарушителя увеселеній, есть лицо семейное изъ старой русской жизни. Не выразалось ли этимъ олицетвореніемъ въ семействѣ строгое взысканіе старѣйшинъ? Время все скрыло. Предъ нами осталось одно: игра Сѣрый Волкъ.

Въ игрѣ Сѣрый Волкъ участвуютъ только дѣти. Ктонибудь изъ нихъ, по жеребью, играетъ волка, а всѣ прочіе дѣтокъ. Волкъ, поджавъ руками лицо, сидитъ согорбившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣтки щиплютъ передъ нимъ траву, и всѣ вмѣстѣ, соговоркою причитываютъ:

Щипу, щипу по ягодку,
По черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикъ,
Матушкѣ въ рукавчикъ,
Сѣрому волку,
Травки на лопату.
Дай Богъ умыться,
Дай Богъ убраться,
Дай Богъ бѣжать!

Съ послѣднимъ словомъ дѣтки встаютъ, бросаютъ въ волка траву и бѣгутъ. Волкъ, обиженный долею, бросается за дѣтками. Дѣтки разными увертками обманываютъ волка, а онъ своею хитростью ловитъ ихъ. Пойманный играетъ сѣраго волка.

11. Первенчики.

Первенчики, игра дѣвушекъ-невѣстъ, есть, въ полной мѣрѣ, игра отъ нечего дѣлать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сиживали съ своими внуками въ свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда въ праздничные дни все покоилось, затворицамъ надобно было дать какое нибудь занятіе—и вотъ наши бабушки обучили своихъ внучекъ Первенчикамъ. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.

Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полу, въ кружокъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою поговаривать:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы,
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень.

Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ и на который достается слово выкень, тотъ палецъ и выкидывается. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ прежде, нежели будетъ произнесено роковое: выкень. Отклоняя такимъ образомъ приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающія эту игру въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чей останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

Старушки рассказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали невѣстъ съ своими бабушками. Вѣрно имъ бѣднымъ было усладительно!

12. Камушки.

Камушки есть игра лѣтняя, занимающая собою всегда дѣвицъ по полднямъ, рѣдко вечерами. Вѣроятно, что и эта игра изобрѣтена бабушками; она такъ скучна, что утомляетъ собою самую бодрюю дѣвицу. Въ Тулѣ, на Оружейной сторонѣ, цѣлыя семейства сидятъ по улицамъ кружками, занимаясь усердно Камушками. Тамъ, въ Гончарской слободѣ, поставляется въ достоинство играть удачно въ эту игру, а знаніе ея ставилось наравнѣ съ женскими искусствами. Замѣчательно одно: въ позоръ и въ поношеніе ставили мужчинѣ, когда онъ игралъ въ Камушки. Укоризненные слова, произносимыя дѣвушками, выражаютъ какую-то зависть.

Сбираясь играть въ Камушки, дѣвушки приносятъ съ собою по пяти глиняныхъ камушковъ, гладкихъ, округленныхъ, росписанныхъ разными красками. Эти камушки продаются въ числѣ другихъ товаровъ на городскихъ ярмаркахъ. Голышевыя камушки считаются роскошью: ихъ приносятъ въ подарки богомольщики изъ Кіева и Ростова. Готовы играть по двое и болѣе сутокъ, дѣвицы садятся у воротъ кружками и причитываютъ: «Уговорецъ, родной братъ всѣмъ дѣламъ». Чудесное дѣло: это родъ какой-то клятвы, свято хранимой дѣвушками. Вотъ онъ:

Чуръ!
Играть,
Не воровать,
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Раздѣляясь на нѣсколько приемовъ, она имѣетъ особенныя дѣйствія. Первый приемъ называютъ: пять просфоровъ, второй: четыре просфора, третій: три просфора, четвертый: два

просфора, пятый одинъ просфоръ, и послѣдній отбиваться.

Дѣвшушки, играющія въ пять просфоровъ, берутъ въ правую руку всѣ пять камней, изъ коихъ одинъ бросаютъ вверхъ, а другіе четыре кладутъ на землю, и въ тотъ же мигъ ловятъ на-лету брошенный вверхъ камень, потомъ опять бросаютъ этотъ же камень схватываютъ съ земли прежніе четыре и съ ними подхватываютъ на-лету брошенный вверхъ камень. Это дѣйствіе дѣвшушки называютъ просфоръ. Добродушные греки — кто васъ здѣсь не узнаетъ! Вы, изгнанные изъ Царьграда, несли на западъ Европы всю ученость эллинскую, избѣгая побоевъ мусульманъ, а къ намъ являлись съ камушками, хотя наши дѣды выкупали ваши подарки дорогою цѣною! Второе дѣйствіе этого же приѣма называютъ: Тройки. Здѣсь одинъ камушекъ бросаютъ вверхъ, а другіе раскидываютъ такъ, чтобы одинъ ложился въ сторону, а прочіе три вмѣстѣ. Игральщицы бросаютъ вверхъ одинъ камень, потомъ схватываютъ съ земли одинъ и ловятъ брошенный; далѣе снова бросаютъ вверхъ, схватываютъ съ земли три камня и ловятъ брошенный. Третье дѣйствіе этого приѣма называютъ: Двойки. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, другіе же раскидываются попарно, и схватываются точно такъ же, какъ въ первомъ дѣйствіи. Четвертое дѣйствіе называется: Одиночки. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, всѣ прочіе разбрасываются порознь, и точно такимъ же образомъ схватываются, какъ въ прежнихъ дѣйствіяхъ.

Приѣмъ въ четыре просфора отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, вмѣсто того, чтобы бросать пять разъ боевой камень вверхъ, бросаютъ только четыре. Прочее все остается то же.

Приѣмъ въ три просфора отличается отъ втораго тѣмъ, что здѣсь боевой камень бросается вверхъ только три раза. Прочее все то же.

Приемъ въ два просфора состоитъ въ двукратномъ бросаніи камня вверхъ. Все прочее сходно съ другими приемами.

Приемъ въ одинъ просфоръ заключается только въ одновременномъ бросаніи камня вверхъ.

Отбиваться составляетъ особенный, окончательный приемъ игры. Здѣсь дѣвушка, за одинъ присѣсть, должна бросить двадцать разъ камень вверхъ и двадцать разъ схватить его на-лету, не считая уже просфоровъ.

Если въ игрѣ этихъ приемовъ дѣвушка сдѣлаетъ промахъ или неосторожно зацѣпитъ за другой камень, то лишается права играть далѣе. Сосѣдка вмѣсто ея начинаетъ по новую свою игру.

Въ игрѣ счастливой, удачной, завистливья дѣвушки стараются развлечь вниманіе своей подруги; онѣ разными приговорами подкрикиваютъ подъ руку. Игральщица негодуетъ, руки трясутся, камни падаютъ. Проигрышъ производитъ невыносимую досаду, ссоры, упреки. Ссоры всегда оканчиваются прекращеніемъ игры и становятся предметами раздора многихъ семействъ. Для любопытныхъ выписываемъ приговоры, приводящіе игроковъ въ неистовство, а семейства въ многолѣтніе раздоры:

Кума тарарà,
Не съѣзжай со двора,
Съѣдешь, потужишь,
Домой не пріѣдешь.

Гуси-лебеди летѣли,
Черезъ камушки глядѣли.
Либо ворохъ, либо промахъ,
Либо отщелкъ.

Бара, барабашки,
На сивой вудряшки,

И туды и сюды,
И взадъ и впередь,
Идутъ, скачуть,
Съ печи не слѣзуть.
Стой! Стой! Стой!

Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не ѣдать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.

У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вотъ не такъ,
Вотъ ни сякъ,
Ни направо, ни налево;
Бухъ, бухъ,
Камень вдругъ!
Полетѣли въ куть:
Э! что взяли?
Э! что взяли?

13. Захарка.

Захарка—игра дѣтская, веселить дѣтей и изъ ума выжившихъ старушекъ. Не имѣя ни одной самобытной идеи, она за то и не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Оттого мы въ ней теперь видимъ какую-то без-

отчетливость, указывающую прямо на дѣтскія шалости и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая потѣшить дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
 Приѣхалъ Захарка,
 Самъ на телѣжкѣ,
 Жена на кобылкѣ,
 Дѣтки на санкахъ,
 Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и собираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу позабавиться Захаркою.

14. Дергачи.

Дергачи есть игра зимняя, увеселяющая молодежь въ скучные осенніе вечера, въ кругу всѣхъ возрастовъ. Въ этой игрѣ есть много сходнаго съ жмурками и много отличнаго. Посмѣяться отъ бездѣлья—любимая поговорка нашихъ предковъ — кажется, изобрѣла эту игру.

Собираясь играть въ Дергачи, игроки садятся по мѣстамъ около стѣнъ, а водырь, обреченный по жеребью, съ завязанными глазами, ходитъ по комнатѣ. Отъ игроковъ требуется: не сходить съ мѣста. Нарушитель этого постановленія занимаетъ мѣсто водыря. Какъ скоро всѣ усѣлись, а это дѣло очень трудное и, при множествѣ споровъ, едва выносимое для постороннихъ зрителей, начинается игра. Въ одной сторонѣ игроки говорятъ: «Дергъ!

Дергъ!» а въ другой шевелятъ ногами по полу, и если можно, дергають водрыя за полы платья. Онъ, ходя по комнатѣ, долженъ отгадывать — кто говоритъ: «Дергъ!» назвать по имени того, кто дернулъ за полы. Счастливое открытіе избавляетъ его отъ долгихъ поисковъ. Тогда онъ передаетъ игру дергальщику.

15. Жгуты.

Какая-то непостижимая затѣйливость изобрѣла русскую игру Жгуты, игру битую, отъ которой часто игроки дня по три и по четыре лежатъ битыми и разбитыми на печакъ. Надобно имѣть отчаянное терпѣніе, чтобы выдержать эту игру. Пускай бы одни мужчины веселились, а то и женскій полъ садится за эту игру съ восторгомъ. Русская жизнь есть еще загадка.

Въ зимніе долгіе вечера, когда собираются въ деревняхъ на посидѣлки въ одну избу, затѣваютъ въ это время жгуты. Всѣ садятся въ кружокъ на полу. Въ срединѣ лежитъ шапка, которую должно доставать игрокамъ съ огорода. За спинами игроковъ ходитъ жгутовка съ жгутомъ и караулитъ на дорогѣ воровъ. Какъ добрый сторожь, она весело кричить:

Кому разъ,
Кому два,
Кому ничего.

Едва лишь кто протянетъ руку за шапкою, жгутовка того бьетъ жгутомъ по спинѣ. Кто задремлетъ сидя, она кладетъ за его спиною жгутъ, а бодрый сосѣдъ учитъ его хорошими ударами бодрствовать. Когда пойдетъ кутерьма во время бросанія жгута, жгутовка беретъ шапку и надѣваетъ на кого нибудь. Кого окликнутъ въ шапкѣ, тотъ дѣлается жгутовкою. Если же игроки похитятъ съ огоро-

да шапку, тогда каждый изъ нихъ, смотря по сдѣланному условію, дѣлаеть расправу съ жгутовкою нѣсколькими ударами.

16. Чижикъ.

Чижикъ—игра дѣтская, веселитъ дѣтей удачно и печалитъ нечаянными побоями. Основная мысль этой игры проста — утѣшить; но она далеко не достигаетъ своей цѣли. Вообще, всѣ дѣтскія игры сопряжены на Руси съ опасностями, и кажется, что только однѣ колыбельныя пѣсни показываютъ превосходство семейныхъ увеселеній.

Старшій изъ дѣтей очерчиваетъ на полу мѣлкою четвероугольникъ—клетку, въ средину кладетъ камень, на который по отвѣсу полагается палочка—чижикъ длиною въ одну четверть. Кто нибудь изъ дѣтей подходитъ съ другою длинною палочкою къ клеткѣ, бьетъ по чижикю, который отъ удара летитъ вверхъ. Тогда другія дѣти стараются бить чижика на лету, и тотъ остается въ сторонѣ, кто успѣетъ загнать его въ клетку. Игра продолжается дотолѣ, пока явится кто нибудь изъ игроковъ съ разбитымъ лицомъ и съ крикомъ начинаетъ доискиваться виноватаго. Но какъ добои скоро забываются дѣтьми, то игра Чижикъ скоро возобновляется.

17. Ужище.

Игра Ужище составляетъ самое веселое раздолье поселянъ и поселянокъ Костромской и Тульской губерній. Нигдѣ нельзя видѣть такой русской оборотливости, какъ въ этой игрѣ. Здѣсь желаніе выказать свое удалство подчиняетъ себѣ всѣ движенія, и скачки столь бывають удачны, что превосходятъ всякое вѣроятіе. Глядя на игру Ужище, невольно скажешь, что русская неустрашимость свыкается со всѣмъ; ей все бываетъ свое, все близкое; она

ко всему влечетъ русскаго мужичка, готоваго спорить своимъ терпѣніемъ со всею природою.

Сбираясь играть Ужище, костромитяне берутъ веревку — ужище, и толпами отправляются на пустошь. Тамъ, двое держатъ веревку за концы и вертятъ ею вокругъ по воздуху. Въ срединѣ ихъ становится третій и, не сходя съ мѣста, прыгаетъ вверхъ тогда, когда другіе изъ веревки дѣлаютъ круги. Это занятіе издали показываетъ, что человѣкъ стоитъ какъ бы въ кругѣ. Чтобы сыграть Ужище надобно имѣть ловкость своего рода: умѣть вовремя прыгнуть, умѣть кстати согнуть голову, умѣть присядать. Неопытные возвращаются съ разбитою головою и разшибенными ногами. Болѣе всего страдаютъ костромскія уши.

Въ Тульской губерніи эту же самую игру совершаетъ одинъ мальчикъ, безъ всякаго вреда. Беретъ въ руки коротенькую веревочку, голову сгибаетъ къ колѣнямъ, дѣлаетъ вверхъ прыжки, и въ то же самое время вертитъ веревку кругомъ себя. Издали эта игра представляетъ видъ обращающагося колеса.

18. Коршунъ.

Какой-то добрый геній внушилъ нашимъ предкамъ Коршуна, игру, любимую всѣми сословіями. Можетъ быть олицетвореніе, переданное въ этой игрѣ, веселитъ русское сердце. Коршунъ — строгій, взыскательный семьянинъ, Насѣдка — сердолюбивая мать, скрывающая всѣ недостатки своихъ дѣтей, Цыплята — шаловливыя, милостивыя дѣти — вполне выражаютъ старую русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность русской народности.

Въ хорошій лѣтній вечеръ, когда семейства столпляются у воротъ, молодежь начинаетъ игру Коршунъ. Безъ затѣй въ русскихъ играхъ ничего не бываетъ. Выбира-

ють Коршуна съ большими затѣями и спорами—всякому хочется поважничать; менѣе всѣхъ кричатъ о выборѣ Насѣдки—это должность тягостная. Всѣ прочіе поневолѣ играютъ изъ себя Цыплятъ. Коршунъ сидитъ одинъ-одинехонекъ, въ отдаленномъ мѣстѣ, въ положеніи довольно любопытномъ. Онъ долженъ со злобою смотрѣть на насѣдку съ дѣтьми, скрежетать зубами, кусать себѣ пальцы и покрикивать, довольно неудачно, по-птичьи, какъ коршунъ. Матка подходит къ Коршуну, за нею вытягивается длинный рядъ дѣтей. Картина русская, неподдѣльная! Это народъ всѣхъ возрастовъ, это сцѣпленіе существъ, забывшихъ все земное, существъ — игривыхъ, добрыхъ, людей семейныхъ, русскихъ. Коршунъ роетъ землю; насѣдка заводитъ съ ницъ рѣчи:

Н. Коршунъ, Коршунъ! Что ты дѣлаешь?

К. Что? Рою землю, да ямку.

Н. На что роешь ямку?

К. Чтобы денежку найти.

Н. На что тебѣ денежку?

К. Иголку купить.

Н. На что тебѣ иголку?

К. Мѣшочекъ сшить.

Н. На что тебѣ мѣшочекъ?

К. Соли купить.

Н. На что тебѣ соли купить?

К. Щи посолить.

Н. На что тебѣ щи солить?

К. Одну половину съѣсть, а другою твоимъ дѣтямъ глаза залить.

Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?

К. Они мою городьбу разломали.

Н. А какъ высока была твоя городьба?

- К. Вотъ смотри; Коршунъ бросаетъ вверхъ камень такъ высоко, сколько позволяютъ силы.
- Н. Мою городьбу козель бородой достанетъ, да и той они не могутъ разломать.
- К. Они буяны. Я ихъ истреблю.
- Н. Они мои. Не дамъ. Ши! Ши! Злой Коршунъ! Долой, злой Коршунъ! Ши! Ши! Ши!

Раздосадованный Коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насѣдка защищаетъ ихъ, дѣти укрываются за матерью. Шумъ, крикъ, визгъ, бѣганье; всѣ мѣры малосильной Насѣдки противъ похитителя остаются ничтожными. Коршунъ утаскиваетъ дѣтей въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, онъ съ ними кидается на Насѣдку щипать—за ея строптивый нравъ. Этимъ оканчивается игра.

19. Лапта.

Игра Лапта составляетъ особенное увеселеніе мужчинъ преимущественно лѣтомъ. Женскій полъ здѣсь отчужденъ всеобщій смѣхъ огласилъ бы дѣвушку въ глазахъ подругъ, если бы разнесли объ этомъ вѣсти въ окологдѣ. Игру Лапту мы должны отличать отъ всѣхъ другихъ: это особенный родъ какой-то войны, гдѣ проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признаетъ эту игру за старинную, давность которой незапамятна дѣдамъ и прадѣдамъ. Археографія, при всѣхъ открытіяхъ, ничего не говоритъ о письменахъ, сохранившихъ слѣды игръ. Русская народность сосредоточивалась въ жизни семейной и измѣнялась только тогда, когда измѣнялась самая жизнь. Въ комъ течетъ русская кровь, въ комъ бьется русское сердце, тотъ съ гордостью укажетъ чужеземцу на старую русскую жизнь; существующую въ быту семейномъ. Конечно, многія семей-

ства удалили отъ себя много русскаго, стараго; но оно переселилось въ селенія и города, гдѣ еще современныя обновленія не касались семейной жизни, гдѣ измѣненія почитаются святотатствомъ, гдѣ блюдутъ старину, какъ святыню. Вся лестная надежда чужеземцевъ разобрать исторически русскую народность — доселѣ остается безъ исполненія. Это происходило единственно оттого, что думали отыскать народность въ письменныхъ намятникахъ. Простимъ чужеземцамъ ихъ незнаніе нашей русской жизни. Мы знаемъ, что наши предки записывали только историческія событія; все прочее хранилось въ семейной жизни по обычаю и преданіямъ, изъ рода въ родъ. Пока мы не изучимъ семейной жизни, мы не узнаемъ русской народности. Самое же изученіе должно совершиться наиподробнѣйшимъ описаніемъ обычаевъ и повѣрій. Безъ этого все будетъ ничтожно; безъ этого всегда исторіи русскаго народа будутъ безъ общественной русской жизни.

Игра Лапта, кажется, получила свое названіе отъ деревянной маленькой лопаточки, употребляемой игроками, а лапта и мячъ, какъ принадлежности игры, составляютъ главныя орудія. Чтобы разыграть Лапту, игроки раздѣляются, подъ управленіемъ матокъ, на двѣ половины, изъ коихъ одна служить, а другая водить.

Прежде всего выбираютъ матокъ, послѣ всѣхъ возможныхъ споровъ. Берутъ лапту, плюютъ на одну ея сторону, бросаютъ вверхъ, говоря: «сухого или мокраго тебѣ надобно?» Если лапта упадетъ на землю стороною сообразно требованію, тогда этого игрока величаютъ маткою. Матки набираютъ свою половину. Игроки рассыпаются въ стороны для сговариванія. Подходя попарно къ маткамъ, они заставляють ее выбирать изъ себя только по условнымъ словамъ, не выражая именно, кому они принадлежать. Это дѣлается для того, чтобы матка не могла подобрать свою половину изъ лучшихъ игроковъ. На-

бравши половины, матки начинают метать жребій: кому служить? кому водить? гдѣ быть чертамъ для игры?

Половина, обреченная жеребьемъ служить, разсыпается по разнымъ мѣстамъ. Одинъ становится у игральной черты—онъ долженъ подавать мячъ; другой идетъ на сердовину—ловить мячъ; третій становится по ловлямъ—бокамъ—также ловить мячъ; четвертый караулить послѣднюю коновую черту. Первый, стоящій на игральной чертѣ, бросаетъ только мячъ вверхъ игрокамъ; всѣ прочіе, поймавши мячъ, должны бить игроковъ, бѣгущихъ къ новой чертѣ.

Половина, обреченная по жеребью водить, становится въ кружокъ на игральной чертѣ. Одинъ беретъ лапту и бьетъ ею на лету мячъ. Пробивши, идетъ назадъ. На его мѣсто становится другой, и то же дѣлаетъ. Въ то самое время, когда мячъ отъ удара второго бойца летаетъ по полянѣ, первый боецъ бѣжитъ къ коновой чертѣ, избѣгая всячески, чтобы ловильщики не поймали его ударомъ этого мяча. Если это случится, игра кончается.

Каждая половина обязана въ строгости исполнять свои условія.

Половинѣ служить вѣняется: подавать мячъ бойцу только до трехъ разъ, если онъ не успѣваетъ его подбивать лаптою; стараться мячъ ловить на-лету: въ этомъ заключается польза всей половины—передача служить. Если успѣваютъ поймать мячъ на-лету, то стараются схватить его какъ можно скорѣе и бить имъ бѣгущихъ игроковъ.

Половинѣ водить вѣняется: бить по мячу лаптою нѣсколько вкось и какъ можно сильнѣе: отъ этого зависеть неудача ловильщиковъ. Бѣжать отъ черты до черты скорѣе; не поддаваться мячу; въ неудачахъ обращаться назадъ, пока ловцы передадутъ подавальщику мячъ. Если боецъ получитъ мячемъ ударъ на чертѣ, то это считать

не въ почетъ; ударъ на дорогѣ заставляетъ принимать передачу.

20. Пыжь.

Пыжь—игра опасная, служитъ лѣтнимъ увеселеніемъ для мальчиковъ. Эта игра, отпечатокъ какого-то боя, вѣроятно, занесена къ намъ сосѣдями. Не татары ли принесли этотъ гостинецъ нашимъ дѣтямъ?

Выходя на лугъ или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною въ 12 вершковъ, довольно толстыми. Для кона очерчивается четверугольное мѣсто, въ срединѣ котораго становится Пыжь, палочка отрубленная, въ 3 вершка длиною. Въ этой игрѣ участвуютъ игроки и вожатый. Выборъ въ вожатые производится по особенному жеребью: каждый игрокъ долженъ взять въ правую руку свою палку, а въ лѣвую пыжь; потомъ, бросивъ на палку пыжь, начинаетъ чаковать, и тотъ, кто сдѣлаетъ больше ударовъ палкою о пыжь, остается игрокомъ, а кто меньше всѣхъ, тотъ вожатымъ.

Игроки становятся на одну сторону—на черту, условленную отъ кона. Вожатый отходитъ въ сторону. Игрокъ бросаетъ палку въ пыжь, а вожатый бѣжитъ за пыжемъ, чтобы не допустить игрока взять палку и скорѣе воротиться къ кону. Въ этой игрѣ соблюдаются свои условія:

Игрокъ долженъ такъ сбивать пыжь, чтобы онъ, не оставаясь въ четверугольникѣ, легълъ въ сторону. Нарушитель сего условія—дѣлается вожатымъ.

Сбивши пыжь, игрокъ долженъ бѣжать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться къ кону до прихода вожатаго; если онъ не надѣется сдѣлать этого, то долженъ отбрасывать палку на дальнее разстояніе и выжидать счастья.

Вожатый не долженъ допускать къ кону игрока съ палкою; онъ долженъ скорѣе бросить на конъ пыжь.

Вожатый долженъ замѣчать: кто изъ игроковъ, послѣ пробитія, возвращается на черту отъ кона, не обмочивши палку въ четверугольникъ?

Выжидающій счастья игрокъ не долженъ брать палку прежде пробитія другого, а иначе онъ сдѣлается вожатымъ.

Если всѣ игроки не успѣютъ сбить съ кона пыжъ, тогда вожатый беретъ его изъ четверугольника, отшѣряетъ шаги по условію, и бросаетъ его въ палки. На чью палку упадетъ пыжъ, тотъ дѣлается вожатымъ.

Если бы кто изъ игроковъ задумалъ спорить, то изъ него выжимаютъ масло. Это дѣлается такъ: одинъ изъ игроковъ прижимаетъ спорщика къ себѣ, а другой къ себѣ—палками. Спорщикъ сквозь слезы соглашается продолжать игру.

При чакованіи пыжемъ, игрокъ долженъ говорить:

Чаки, чаковочки, .
 Маковы головочки.
 Малечина, Калечина,
 Сколько часовъ
 До вечера, до зимняго.
 Разъ, два, три (и далѣе).

21. Свайка.

Игра Свайка, кажется, одолжена своимъ бытіемъ Тульской Оружейной Слободѣ, живущей отдѣльною сферою отъ всѣхъ другихъ сословіи, имѣющей своей особенной выговоръ словъ, свои привычки, незамѣтныя въ другихъ мѣстахъ, свои увеселительныя занятія, недоступныя другимъ людямъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ другихъ губерній можно слышать объ этой игрѣ.

Игроки запасаются для этой игры: Свайкою, орудіемъ сдѣланнымъ изъ желѣза въ видѣ остраго гвоздя, съ тол-

стою головкою, вѣсомъ отъ 1 до 20 фунтовъ, и кольцомъ желѣзнымъ. Въ Тулѣ игроки собираются у воротъ и, избравши мягкое мѣсто, начинаютъ игру. Вся игра заключается въ условленныхъ приемахъ.

Бросать свайку такъ, чтобы она прямо упала въ центръ кольца, или, воткнувшись въ землю, оттолкнула бы его на дальнее разстояніе.

Свайка, воткнутая въ землю съ ударомъ о кольцо — считается за одинъ разъ, въ самое кольцо за два раза, а если она отброситъ его далеко, тогда пространство отъ свайки до кольца измѣряется нирогами — пяденю.

Если свайка попадаетъ въ кольцо и съ нимъ упадетъ, не воткнувшись въ землю, тогда игрокъ лишается всѣхъ выигрышей. Эту неудачу игроки называютъ: захлебнулся, хомутъ на отца надѣлъ.

Выигрышъ считается до десяти и болѣе разъ, смотря по сдѣланному условію, и кто ихъ болѣе сдѣлаетъ — говорятъ: вышелъ. Но кто не сдѣлаетъ десятка, тогда какъ другіе вышли, долженъ подавать свайку.

Подавать свайку — значитъ, каждому игроку онъ долженъ, какъ виноватый, подавать это орудіе до десяти разъ, а тотъ, какъ ему только лучше, беретъ за свайку и глубоко вбиваетъ въ землю. Если игрокъ послѣ подачи попадаетъ въ кольцо, тогда проигравшійся снова долженъ подавать свайку до тѣхъ поръ, пока всѣ игроки пробьютъ уроченные разы, пока никто изъ нихъ не попадетъ въ кольцо.

Проигравшійся подвергается большимъ насмѣшкамъ. Ему говорятъ: «масло потекло» — когда онъ отъ большихъ усилій запотѣетъ; шильцо къ бильцу подползло — когда онъ не можетъ вытащить свайку, глубоко забитую въ землю; потѣй Фатѣй, до звѣзды говѣй, а леща подавай — когда онъ выбьется изъ силъ и отказывается отъ игры; не тюрюкай тюрю, проползай

въ нору—когда онъ беретъ щепку или что нибудь другое для раскапыванія земли вокругъ свайки; сбѣль бѣду, какъ сосѣдову жену — когда окончить свои труды. Глубоко вонзившаяся въ землю свайка называется рѣдкой.

23. Агарушикъ.

Всматриваясь въ игру Агарушикъ (Огарышекъ?) мы невольно робѣемъ за дѣвиць старой русской жизни. Зависть, злая утѣха пожилыхъ и некрасивыхъ дѣвиць, кажется, изобрѣла эту игру. Дѣвицы, собираясь играть въ Агарушикъ, напередъ обрекаютъ для себя посмѣшище — тихихъ, скромныхъ, сиротливыхъ подругъ. Видно, что интриги и въ старину волновали сердца нашихъ бабушекъ.

Молодые дѣвицы и женщины сходятся играть на пустошь передъ вечеромъ. Садясь въ кружокъ, одна подлѣ другой, выбираютъ изъ среды себя рассказчицу, по большей части изъ богатыхъ, которая, обхаживая ихъ, приговариваетъ:

За черемя,
За беремя,
За стараго,
Петръ,
Петровичъ,
Егорычъ,
Труса,
Пеня,
Князь.

На которую достается слово: «Князь», та выходитъ изъ сѣдалокъ. Рассказчица снова обходитъ ихъ съ при сказкою, пока останется одна, съ которою она должна говорить по очереди. И та, которая изъ нихъ послѣдняя

произнесетъ: «Князь», бѣжить. Подруги оставшюся величаютъ:

Агарушикъ!
Черный камушикъ,
Ненаѣдушикъ,
А послѣдушикъ!
Агарушикъ!

Дѣвица—Агарушикъ, осмѣиваемая игроками, бѣгаетъ за ними и ловить ихъ. Пойманная дѣвица дѣлается помощницею ловли. Въ волѣ игроковъ бываетъ: переловить ли всѣхъ, или только двухъ?

23. Ветчинка.

Игра Ветчинка олицетворяетъ собою какое-то народное поученіе. Не хотѣли ли эту игру наши предки отучить молодежь отъ похищенія? Если она введена была въ старую русскую жизнь съ этою нравственною цѣлью, то мы должны имѣть высокое понятіе о семейной жизни нашихъ предковъ.

Въ этой игрѣ молодежь прежде всего вбиваетъ въ землю колышекъ и къ нему привязываетъ веревочку, длиною до 2 и болѣе аршинъ. Около колышка кладутъ разныя старыя вещи. Въ деревняхъ употребляютъ для этого всегда старыя лапти. Водырь, обреченный по жеребью водить, беретъ въ одну руку веревку, а въ другую — пруть. Игроки, подходя къ водырю, спрашиваютъ:

Игроки. Поспѣла ли Ветчинка?
Водырь. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Ветчинка?
В. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Ветчинка?
В. Клипитъ.

Игроки. Поспѣла ли Ветчинка?

Водырь. Кипить.

Шевелить,
Продаваться
Велить.

Съ послѣднимъ словомъ начинается расхищеніе Ветчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается изловить похитителей прутомъ. Если кто получитъ ударъ, тотъ заступаетъ мѣсто водыря. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока игроки растаскаютъ всю Ветчинку. Когда же не будетъ открыто до пряма похитителей, а Ветчинка невѣдомо кѣмъ растаскана, тогда послѣдуетъ порушаніе водырю — наказаніе. Всѣ игроки берутъ по пруту, становятся въ два ряда. Водырь бѣжитъ по ширинкѣ, преслѣдуемый игроками. Пошады въ этой игрѣ никогда не бываетъ.

24. Сучка.

Играть въ сучку, вѣроятно, ввели наши предки съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы приучить дѣтей своихъ къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь все говорить о войнѣ. Яма изображаетъ собою городъ, лунка — жилище, игроки — жителей, защищающихъ свою собственность, палки — оружіе вообще, вожатый — непріятеля, сучка — какое-то орудіе непріятельское. Немного русскихъ игръ, которыя бы выражали такъ отчетливо защиту собственности отъ пришельца, какъ эта.

Игроки выкапываютъ на пустоши яму, глубиною въ пол-аршина и столько же въ поперчикѣ. По краямъ ямы каждый игрокъ выкапываетъ для себя маленькую ямку — лунку. Игроки всѣ должны быть вооружены палками, длиною въ 1¹/₂ аршина. Выкапываніе ямы и ямокъ совершается безъ домашнихъ орудій. Двое изъ игроковъ

скрещаютъ въ землѣ палки и кружатся до тѣхъ поръ, пока концами палокъ выроютъ яму. Для игры приготовляютъ еще маленькій чурбачекъ — Сучку. Вся эта игра, заключааясь въ нападеніи и защитѣ, состоитъ въ строгомъ соблюденіи правилъ своего рода.

Для избранія вожатаго, игроки ставятъ палку на ногу, и потомъ бросаютъ ее съ ноги въ даль, какъ казаки пику. Чья палка ляжетъ дальше, тотъ игрокъ, а чья ближе, тотъ вожатый.

Игроки обязаны стоять у своихъ лунокъ, съ опущенными въ нихъ палками.

Вожатый стоитъ на условной чертѣ, бросаетъ въ яму сучку, говоря: «овсы!»

Игроки отбиваютъ сучку на условленной чертѣ палками. Этотъ отбой они называютъ: чакровка!

Если вожатый такъ будетъ счастливъ, что съ перваго раза попадетъ въ яму, то онъ смѣняется другимъ.

Если игроки не дадутъ вожатому на-лету чакровки, и въ это время кто нибудь изъ нихъ побѣдитъ отъ лунки отбивать сучку, тогда вожатый въ правѣ занять чужую, пустую лунку и быть игрокомъ.

Игроки, изъ состраданія, смѣняютъ вожатаго, если онъ, по неловкости своей, бываетъ причиною долгой игры. Это называется выпущалкою.

25. Яша.

Свободные люди въ селеніяхъ съ большимъ удовольствіемъ посвящаютъ время игрѣ Яша. Молодчики, красныя молодушки, сѣнныя дѣвушки только допускаются въ эту игру; старики, старушки, дѣти стоятъ и радуются на потѣху дѣвушекъ. Люди опытные замѣчаютъ, что изъ этой игры невидимо какъ-то стряпаются свадьбы къ Великоденскому мясоѣду.

Яшу разыгрываютъ почти всегда осенью, иногда и весною, на лугу. Яша, избираемый всегда изъ молодчиковъ, садится на землю; кругомъ его игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и приговариваютъ:

Сиди, сиди, Яша,
 Въ ракивовомъ кустѣ;
 Грызи, грызи, Яша,
 Орѣховы зерны.
 Лови себѣ, Яша,
 Кого тебѣ надо;
 Лови дѣвку
 За русую косу,
 Лови красну
 За алую ленту.

Игроки, проговоривъ, разбѣгаются. Яша встаетъ и выбираетъ себѣ дѣвицу съ русою косою, съ алою лентою. Игроки, окруживъ Яшу, начинаютъ смѣяться надъ его выборомъ, приговаривая:

Выбралъ себѣ Яша
 Рябую кукушку;
 Выбралъ себѣ Яша
 Черную кошку.
 Уфъ! черную кошку!

26. Бабки.

По милости грековъ русскіе обучились играть въ бабки. Древняя игра ихъ Астрагалось приняла у русскихъ свое значеніе и переначена въ разные приемы. Въ русской семейной жизни эта игра занимаетъ самое почетное мѣсто, и нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы она не существовала. Разнородность игры, своеобразныя названія выказываютъ вполне изобрѣтательность нашихъ предковъ усвоивать себѣ чужое.

Въ игрѣ въ бабки русскіе употребляютъ надкопытную говяжью кость, которая по городамъ и селамъ составляетъ особенный родъ промышленности мальчиковъ. При продажѣ они считаютъ бабки: гнѣздами — по двѣ кости, шестерами — по шести костей, битками — самую большую бабку, свинчатками — бабки, налитыя свинцомъ для тяжести и ловкости, чугунками — вылитыя изъ чугуна на подобіе бабокъ, кудачками — обтесанныя костяныя бабки для особенной игры. Самыя игры бабки раздѣляются на безчисленные виды. Исчисляемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Конъ за конъ. Игроки ставятъ на ровномъ мѣстѣ по гнѣзду на битку. Потомъ опредѣляютъ условное разстояніе — коны. Кому прежде начинать игру — бить и кому послѣ, о томъ мечутъ жеребьи. Для этого игроки бросаютъ вверхъ бабки, съ особенными уловками — выстилкою. Если бабка, упавшая на землю, ляжетъ на правый бокъ, то это будетъ плоцка — старшая по игрѣ; если ляжетъ на спину, то будетъ жогъ — вторая по игрѣ; если ляжетъ бабка на лѣвый бокъ, то это будетъ ничка, моложе всѣхъ. Игроки, становясь на черту, бьютъ битками по старшинству. Если спибуть бабки, на кону стоящія, то ихъ считаютъ своимъ выигрышемъ. Когда они всѣ пробыютъ, тогда каждый переходитъ за конъ къ своимъ биткамъ и бьетъ съ того мѣста, гдѣ лежитъ его битокъ; чья далѣе лежитъ, тотъ прежде начинаетъ и бить, а остальные доканчиваютъ игру по разстоянію своихъ битковъ.

Плоцки. Игроки ставятъ на конъ по гнѣзду на битку и потомъ мечутъ битками, у кого ляжетъ — плоцка, жогъ, ничка. Игроки здѣсь плоцку называютъ правикомъ, ничку лѣвикомъ. Если битка ляжетъ ничкою, то игрокъ долженъ бить ею въ конъ съ лѣвой руки. Дальняя плоцка даетъ право игроку на первенство бить прежде

всѣхъ другихъ. Въ этой игрѣ игроки не переходятъ на конь бить во второй разъ.

Кудачекъ. Игроки собираютъ вѣстѣ битки, потомъ мечутъ ихъ вверхъ, и чья ляжетъ жогомъ, то хозяинъ этой начинаетъ отбивать чужія битки. При отбивкѣ онъ говоритъ: «разъ на кудакъ, два на кудакъ, три на кудакъ». Если онъ ударить, по неосторожности, другія битки, тогда переменяютъ снова бабки, а если сбѣлаетъ промахъ, то считаютъ проигрышъ.

Объ стѣнку. Игроки приходятъ къ забору и ударяютъ по очереди бабками объ стѣнку. Если второй игрокъ положить бабку такъ близко къ чужой, что пространство будетъ на одну пядь, тогда онъ выигралъ.

У кону. Игроки ставятъ на конь на каждую битку по шестеру бабокъ, потомъ мечутъ битки, и чья больше ляжетъ жогомъ, тотъ первый подходитъ къ кону и бьетъ по гнѣздамъ. Всѣ имъ сбитыя бабки считаются его выигрышемъ. Успѣхъ въ этой игрѣ зависитъ отъ подтесанной битки.

Городокъ. Игроки ставятъ по гнѣзду изъ бабокъ — городокъ, въ видѣ шестиугольника, а въ серединѣ его помѣщаютъ три гнѣзда — сердцевину. Послѣ сего идутъ къ чертѣ и мечутъ битки. Плоцка, жогъ даютъ право играть, а ничка оставляетъ игрока въ домосѣдахъ, т. е. безъ ничего. Здѣсь употребляютъ свинчатки и чугулки. Игрокъ долженъ сбить прежде отъ черты городню, а если онъ дотронетъ сердцевину, тогда платить пеню по-шестеру. Сердцевина, если останется по разбитіи городка непочатою, предоставляется въ пользу домосѣдовъ.

27. Кулачный бой.

Кулачный бой въ русской семейной жизни считался удалствомъ, приводившимъ нѣкогда въ гордость и раз-

дору цѣлыя селенія и города. Подвергать себя изъ доброй воли побояжь, бить другихъ безъ пощады — было роскошнымъ веселіемъ для нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Давность этой жестокой потѣхи остается на Руси незапамятною, такъ что старшинство ея усвоилось прежде многимъ городамъ. Было время, когда русскіе бояре, собравшись повеселиться, свозили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для потѣшенія. Войцы казанскіе, калужскіе, тульскіе славидись предъ прочими, выдерживали сильный бой предъ татарами, пріѣзжавшими въ Москву съ икрою и рыбами, выигрывали большіе залогы, платили нерѣдко за свою отважность жизнью. Кулачные бои начинались съ зимняго Николаы и продолжались до Сборнаго Воскресенія; но самый веселый разгулъ бывалъ на масляницѣ. Лѣтомъ рѣдко бывали бои, и то по приглашенію бояръ. Городскіе бойцы всегда брали преимущество предъ сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Болѣе всѣхъ почитался: бой одинъ на одинъ, за нимъ — стѣна на стѣну, а менѣе всѣхъ сцѣплялка-свалка.

Лучшими бойцами одинъ на одинъ считались тульскіе. Тамъ: Алеша Родимый, Никита Долговязъ, братья Походкины, семейство Зубовыхъ, Тереша Куикинъ почитались чудо-богатырями и съ почестью развозились по городамъ. Они иѣряли свои силы съ татарами, калужанами, москвичами. Замѣчательная черта этихъ бойцовъ состояла въ томъ: пить вино, за безчестье почитать подарки, предлагаемые боярами, и не ходить стѣна на стѣну.

Лучшими бойцами стѣна на стѣну доселѣ прославляются казанскіе суконщики. Всегдашніе ихъ враги были татары. Въ Тулѣ бои стѣна на стѣну бывали только у оружейниковъ съ посадскими. Бои формально назначались по днямъ. Охотники задолго поили бойцовъ, однихъ сманивали

подарками на свою сторону, другихъ стращивали угрозами. Охота къ такому бою походила на отъявленную страсть. Старики подзадоривали молодыхъ рассказами и общаніемъ биться, молодые, въ ожиданіи испить винца, переходили съ вѣстями изъ двора во дворъ, дѣти выходили на затравку и составляли предвѣстниковъ сцѣпляки изъ старыхъ и молодыхъ бойцовъ. Когда бились стѣна на стѣну, тогда записные бойцы выдерживались въ сторонѣ съ толпою людей, уговаривавшихъ стоять за ихъ стѣну, и выпускались только тогда, когда непріатели пробивали стѣну. Надежа боець летѣлъ съ шапкою въ зубахъ, билъ груди на обѣ стороны, лежащаго не трогалъ; а, пробивши стѣну, возвращался, съ толпою льстецовъ, прямо къ кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали въ рукавицы бабкичугунки для пораженія противниковъ.

28. Рѣдка.

Рѣдка считается любимою игрою женщинъ, дѣвиць и молодчиковъ, послѣ Фоминой недѣли, до Петрова дня. Любовь втерлась и здѣсь. Посидѣть на колѣняхъ у милой женщины—здѣсь не считается въ позоръ, и мужъ равнодушно смотритъ, когда его жена сидитъ у молодого парня на колѣняхъ, когда онъ крѣпко сжимаетъ его жену. Этого требуетъ игра.

Любители игры выходятъ на лугъ, садятся одинъ къ другому на колѣни, сцѣпляясь одинъ съ другимъ въ видѣ длинной гряды. Передній получаетъ названіе бабушки, а всѣ прочіе считаются за рѣдку. Является купецъ покупать рѣдку.

Купецъ. Бабушка! Продай рѣдички!

Бабушка. Купи, батюшка.

Купецъ осматриваетъ рѣдку, пробуетъ на всѣ манеры, ощупываетъ и старается выдернуть.

Купецъ. Бабушка! Нѣтъ ли щуплавой рѣдьки?

Бабушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая, одна къ одной; выдерни себѣ любую на пробу.

Купецъ начинаетъ выдергивать — сколько есть силы.

Купецъ. Бабушка! Твою рѣдьку не выдернуть по доброй волѣ: уросла. Дай-ко косарикъ выкопать съ корнемъ.

Бабушка. Что ты, свѣтъ мой, позоришь мою гряду. Потряси: выплыветъ, словно какъ изъ воды.

Купецъ начинаетъ трясти игроковъ, кого за голову, кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого либо изъ игроковъ, начинаетъ стряхивать объ землю, вытрясая будто изъ него соръ. Въ это время встаютъ всѣ игроки и прогоняютъ побоями купца.

29. Крыночки.

Крыночки — игра сельская, затѣйливая и чудная, изображаетъ собою дѣтскія проказы. Здѣсь олицетвореніе высказало полную сельскую жизнь и сохранило занятія отжившаго поколѣнія.

Дѣйствующія лица въ этой игрѣ: котъ, котова бабушка, дѣтки; предметы: крыночки съ молокомъ, изба, баня. Котова бабушка, старая дожилка, сидитъ съ котомъ и караулитъ молоко. Голодные дѣтки, ея внучата, увиваются вокругъ крыночекъ; но надежда тщетная. Дѣтки прибѣгаютъ къ обману. Одни подходятъ къ бабушкѣ, а другія садятся на полатахъ.

Дѣтки. Бабушка! Гдѣ твой котъ?

Бабушка. Пошелъ глодать кости на поповъ дворъ.

Дѣтки. Чья это нога?

Бабушка. Натальина жениха, вора-плута.

Дѣтки. Бабушка! Не хочешь ли ты въ баньку?

Бабушка. Какая у васъ банька?

Дѣтки. Наша баня золотая, каменка кафлинная, топили ребята по семи дней, а пару въ ней для семи деревень.

Бабушка. Какой вѣникъ?

Дѣтки. Вѣникъ шелковый, шелку шамаханскаго, отбить у татарина въ ордѣ, заброшенъ на боярскій дворъ, съ боярскаго принесть земчій.

Дѣтки снимаютъ котову бабушку съ печки и относятъ въ баню. Бабушка парится; дѣтки выпиваютъ молоко и бьютъ крыночки. Приходитъ котъ и мяучитъ. Бабушка почувяла бѣду и бѣжитъ изъ бани. Дѣтки разбѣгаются. Бабушка ловить ихъ съ котомъ. Кого прежде поймаютъ, тотъ дѣлается бабушкой; а потомъ ловятъ другого, и этотъ превращается въ кота.

29. Ласы.

Игра ласы занимаетъ дѣтей зимою, когда кончаются всѣ лѣтнія увеселенія. Эта игра выражаетъ родъ какой-то странной промышленности.

Когда выпадетъ первый снѣгъ, дѣти выдѣлываютъ изъ снѣгу шары и обливаютъ ихъ водою. Эти шары называются ласами. Соскучившись сидѣть дома, дѣти выходятъ на улицу и похваляются ласами. Замысловатые парни продаютъ свои ласы дурнямъ за бабки, по два и по три шестера за каждую. Потомъ начинаютъ играть. Избравши мѣсто, торгуются: «продай коровку?» — Продажа, отвѣчаетъ игрокъ. Потомъ бросаетъ каждый изъ нихъ ногою свою ласу. Послѣ этого съ дальнею ласою начинаютъ по договору за ударъ бить въ

чужія ласы. Если онъ попадетъ, то беретъ за выигрышъ условленную плату бабками; если же сдѣлаетъ промахъ, то самъ платитъ вдвое. Игра продолжается по желанію, всегда болѣе до чистаго проигрыша.

30. Сижу-посижу.

Стелется на полу коверъ, сестрицы съ братцами садятся въ кружокъ. Дѣвушка, съ завязанными глазами, ходитъ въ срединѣ и приговариваетъ:

Братцы, сестрицы!
Примите меня.
Братцы, сестрицы!
Возьмите меня.

Дѣвушки отвѣчаютъ ей: «Иди по насъ». — Дѣвушка подходит и садится къ кому нибудь на колѣни, приговаривая: «Сижу-посижу». У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать. Посторонніе спрашиваютъ: «У кого?» — Если дѣвушка отгадаетъ это лицо, то ему передаетъ свою обязанность. Часто случается, что дѣвушка сидитъ да посиживаетъ на чужихъ колѣняхъ, особенно на братцовыхъ, притворяясь недогадливою.

31. Четъ-нечетъ.

Гостинцы, приносимые отъ матушекъ, накаплиются въ такомъ количествѣ, что дѣвушки рѣшаются проигрывать ихъ будто на тѣ, какихъ у одной нѣтъ, а у другой много. Дѣвушки садятся за столъ, раскладываютъ гостинцы кучками и накрываютъ ихъ платкомъ. Начинается розыгрышъ. Одна спрашиваетъ: Четъ или нечетъ? Если другая отгадаетъ то или другое, тогда беретъ гостинцы себѣ, какъ выигрышъ, если не отгадаетъ, то сама отвѣчаетъ платежомъ въ такомъ же количествѣ. Затѣйливыя иногда

закрываютъ пустое мѣсто, и та, которая не замѣтитъ обмана, расплачивается всѣми гостинцами.

32. Четки.

Нянюшки приносятъ пукъ тростниковыхъ палочекъ, по числу дѣвиць, и раздають дѣвушкамъ для замѣтокъ. Опытная въ этой игрѣ обираетъ палочки у подругъ и складываетъ ихъ вмѣстѣ съ шутомъ — палочкою длиннѣе прочихъ; дѣвицы садятся на полъ въ кружокъ. Въ срединѣ ставятъ пукъ палочекъ вертикально, придерживая его за средину правою рукою, а лѣвою за верхушку шута, потомъ принимаютъ вдругъ правую руку, и палочки разсыпаются въ разныя стороны. Игра требуетъ, чтобы дѣвица поднимала по одиночкѣ всѣ палочки, не трогая другихъ. Удача собирать осторожно палочки почитается дѣвичьимъ проворствомъ. Завистливыя находятъ время говорить разныя разности, съ намѣреніемъ отвлечь ловкую дѣвушку. Проигравшихъ въ этой игрѣ наказываютъ чѣмъ нибудь, смотря потому, какое напередъ было сдѣлано условіе.

33. Колечко.

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдаетъ нянюшкѣ, которая въ кольцо продѣваетъ длинную ленту и связываетъ концы. Дѣвушки становятся въ кружокъ и держатся своими руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью кружиться, ходитъ въ срединѣ отыскивать: «у кого кольцо?» Дѣвушки потихоньку передають кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлеченія отыскивающей кольцо, производятъ непрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо, тотъ смѣняетъ кружившуюся дѣвушку.

34. Коза.

Дѣвушки выбираютъ изъ среды себя одну подругу козу, которая, отдѣлясь отъ толпы, приближается къ стѣнѣ въ задумчивости. Игроки, подходя къ ней, заводятъ рѣчи:

Дѣвушки. Коза, коза бя,
Гдѣ ты была?
Коза. Коней стерегла.
Дѣвушки. И гдѣ кони?
Коза. Они въ лѣсъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тотъ лѣсъ?
Коза. Черви выточили.
Дѣвушки. И гдѣ черви?
Коза. Они въ гору ушли.
Дѣвушки. И гдѣ гора?
Коза. Быки выкопали.
Дѣвушки. И гдѣ быки?
Коза. Въ воду ушли?
Дѣвушки. И гдѣ вода.
Коза. Гуси выпили.
Дѣвушки. И гдѣ гуси?
Коза. Въ тростникъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тростникъ?
Коза. Дѣвки выломали.
Дѣвушки. И гдѣ дѣвки?
Коза. Замужъ вышли.
Дѣвушки. И гдѣ мужья?
Коза. Они померли.
Дѣвушки. И гдѣ гроба?
Коза. Они погнили.

Дѣвушки разбѣгаются въ разные стороны; коза преслѣдуетъ ихъ. Если она которуюнибудь изъ нихъ пой-

масть за ленту косы, тогда пойманная получаетъ названіе козы, и игра начинается снова.

35. Гусекъ.

Гусекъ составляетъ отрадное утѣшеніе пожилыхъ людей лѣтомъ и зимою. Охотники до этой игры предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ, даже шахматной, наслаждаются гуськомъ лучше всѣхъ утѣшеній. Для игры Гусекъ охотники покупаютъ въ щепныхъ рядахъ готовую доску, на которой красками изображена, двойною линією, извилистая дорога, въ видѣ улитки. Между линією, на условныхъ мѣстахъ, означены въ кружкахъ предметы: числа, гуси, постоянный дворъ, темница, кружало. Предъ началомъ игры, игроки мечутъ костями: кому сколько достанется очковъ.

Большинство очковъ даетъ право игроку ходить прежде, и ежели онъ успѣетъ поставить шашку на гуська, тогда можетъ ходить взадъ и впередъ, сколько есть знаковъ. Меньшее число очковъ заставляетъ часто заходить игрока или на постоянный дворъ, или въ темницу. Если онъ зайдетъ на постоянный дворъ, то обязанъ платить пеню за постой по условію; если же очутится въ темницѣ, то лишается уже очереди метать костями и обязанъ оставаться безъ игры до тѣхъ поръ, когда то же сдѣлается съ другимъ. Выигрышъ всегда остается за тѣмъ, кто по определенному числу очковъ, имѣя право ходить взадъ и впередъ, дойдетъ до послѣдняго знака.

Безъ всякаго сомнѣнія, гусекъ занесенъ къ намъ съ чужой стороны и, какъ кажется, подаренъ намъ нѣмцами. Здѣсь только и есть русскаго: постоянный дворъ и кружало, въ которыхъ замѣтно русское удалство.

РУССКІЯ ПАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.

Русскія народныя загадки.

1) СМЕРТЬ.

На морѣ на Окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала.
Видала царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитя въ колыбели;
И того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало.

2) РОЗА-ШИПОВНИКЪ.

Древо древоданское,
Листья лихотанскіе,
Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе.

3) БУМАГА И ПИСЕЦЪ.

Ни небо, ни земля,
Видомъ свѣтла,
Садятся на ней
Темнообразныя птицы.
Два созираютъ,
Два сожидаютъ,
Одинъ повелѣваетъ.

4) БУЙНЫЙ ВѢТЕРЬ, ТУЧА ГРОЗНАЯ, СОЛНЦЕ ЯСНОЕ, СЕРДЦЕ СТРАСТНОЕ.

Безъ крыль летитъ,
Безъ ногъ бѣжитъ,
Безъ огня горитъ,
Безъ ранъ болитъ.

5) УЛЕЙ, ПЧЕЛЫ, ЖАЛО, ВОСКЪ, МЕДЪ.

Стоитъ градъ на востокъ
Широкими дверьми,

Около его много воинства,
У каждого война по копью.
Идетъ родъ Адамля,
Отнялъ у нихъ все имѣніе.
Вышнему слава, земному
также!

6) ГРУДНОЙ МЛАДЕНЕЦЪ.

Живая живулечка,
Сидитъ на живомъ стулечкѣ,
Живое мясо теребить.

7) ГРУДИ.

Бѣлый лебедь,
На блюдѣ не былъ,
Ножемъ не рушень,
А всякъ его кушалъ.

8) МАКЪ.

Маленькій крошка
Сквозь землю прошелъ,
Красну шапочку нашель.

9) ПЕРО.

Летѣлъ панъ,
На воду палъ,
Воды не взмутилъ.

10) НЕБО, ЗВѢЗДЫ, МѢСЯЦЪ.

Взгляну я въ окошко,
Раскину рогожку,
Посѣю горошку,

Положу хлѣба краюшку.
Всякій видитъ,
Да не всякій чувствуетъ.
Кому свѣтло,
Кому темно,
А мнѣ голубо.

11) ПОХОРОНЫ.

Бѣгутъ бѣгунчики,
Ревутъ ревунички,
Не дышать,
Не пышать,
По сухому берегу бѣжать.

12) КАЧАНЪ КАПУСТЫ.

Подъ дубкомъ, дубкомъ,
Подъ карандышкомъ,
Свилось клубкомъ,
Да не камышкомъ.

13) ВЪЛОКЪ СЪ ЖЕЛТКОМЪ.

Во бѣломъ городѣ,
Во темномъ подвалѣ,
Стоять въ одной бочкѣ:
Царево вино,
Царицынъ медъ,
Розно, не смѣшано.

14) НАПЕРСТОКЪ.

Шла свинья изъ болота,
Вся исколота.

15) СЕРЬГИ.

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
Колесы висятъ.
Дѣвицъ красятъ,
Молодцовъ плѣнятъ.

16) МЫШЬ.

Подъ поломъ, поломъ
Ходить барыня съ коломъ.

17) ВѢНИКЪ.

Скрученъ, связанъ
По избѣ пляшетъ.

18) ПЧЕЛА И ВОСКОВАЯ
СВѢЧА.

Летитъ звѣрекъ
Черезъ Божій домокъ,
Самъ съ собой говорить:
Вотъ моя силка горить.

19) ОГУРЕЦЪ.

Безъ оконъ, безъ дверей
Полна хранина людей.

20) ОРѢХИ.

Махотка маленька,
Кашка сладенька.

И. САХАРОВЪ. I.

21) СИТО.

Сивая кобыла
По торгу ходила,
Къ намъ пришла,
По рукамъ пошла.

22) ПОНЕВА.

Отъ поясницы до ногъ
Семьдесятъ пять дорогъ.

23) КОЛЕСЫ.

Четыре брата на свѣтѣ:
Два меньшіе впереди,
Два большіе позади,
Спѣшатъ, бѣгутъ,
Другъ друга не догонятъ.

24) ЛОДКА.

Ѣду, Ѣду,
Слѣда нѣту;
Рѣжу, рѣжу,
Крови нѣту.

25) ЗВОНЪ КОЛОКОЛЬНЫЙ.

Звонко звякнетъ,
Утка крякнетъ,
Сбирайтесь, дѣтки,
Къ одной маткѣ.

26) ПРИТОЛОКИ.

Двѣ сестры страдаютъ,
Въ каморку зазираютьъ,
Взойдти не смѣютьъ.

27) ПЕЧЬ, ОГОНЬ, ДЫМЪ.

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ,
Подъ небеса ушелъ.

28) КРЕСТИНЫ.

Идѣть городомъ подъ Брян-
скимъ,
Подъ дубомъ подъ царскимъ,
Два орла орлуютъ,
Одно яичко балуютъ.

29) ЗУВЫ.

Около прорубки
Стоять бѣлыя голубки.

30) ОРЪХИ, СКОРЛУПА, ЗУВЫ.

Стоить крѣпко,
Висить слабо,
Около ихъ гладко,
У всѣхъ есть снасть,
Имъ же ѣсть сласть.

31) ЧАСЫ.

Стучить, гремитъ, вертится,
Никого не боится,

Считаетъ свой вѣкъ,
Самъ не человѣкъ.

32) ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Стоить мостъ
На семь верстъ,
На мосту столбъ,
На столбу цвѣтъ
Во весь свѣтъ.

33) ДВЕРЬ СЪ ПРИТОЛОКАМИ.

Двое стоять,
Двое лежать,
Пятый ходить,
Шестой водить.

34) ЗВОНЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Выду на вывой,
Ударю во билиберды,
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Разбужу короля въ Литвѣ,
Мертвеца въ землѣ,
Игуменью въ кельѣ,
Малу дитю въ колыбели.

35) НОЖНИЦЫ.

Два конца,
Два кольца,
По срединѣ гвоздь.

36) ИГЛА СЪ НИТКОЙ.

Бѣжить свинка,
Золотая спинка,
Льняной хвостокъ.

37) ХЛѢВЪ.

Загаю я загадку,
Брошу за грядку,
Въ годъ пушу,
Годовикъ рошу.

38) ТОКЪ.

Дѣдушка лысъ
На небо глядитъ,
Внучекъ чернобрысъ
По лысинѣ хлысть.

39) ВИЛЫ.

Шла свинья изъ овину,
Размыкавши сѣно по рылу.

40) ВАРЬГИ.

Размыхъ, размыхъ
Малу махнушку,
Пушу бѣлу голышку.

41) КАЧАНЪ.

Стоитъ попокъ,
Самъ низокъ,
Сто на немъ ризокъ.

42) СТОЛЬ.

На широкомъ дворѣ,
На гладкомъ полѣ,
Стоять четыре попа
Подъ одною шляпою.

43) КОРОВА.

Четыре четверки,
Двѣ растопырки,
Седьмой вертунъ,
Два стеклышка въ немъ.

44) СВѢЧА.

Самъ нагъ,
Рубашка въ пазушкѣ;
Самъ бѣлъ,
Дѣтки красны.

45) ЖУКЪ.

Черенъ да не воронъ,
Рогатъ да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ—земли не деретъ.

46) КРАСНЫ.

Раскинуты тенетки,
Прилетѣли лебедки,
Трутъ, мнутъ,
Раздвинуть, воткнуть.

47) ПАРЫ ВОДЯНЫЕ.

Безъ рукъ, безъ ногъ
Не малъ клочекъ
Къ верху ползеть.

48) ВѢНИКЪ.

Стоитъ Ерофейка,
Подпоясанъ коротенька.

49) РУКОМОЙНИКЪ.

Надъ кислой рѣжкой
Колокольчики звонки.

50) СОЛНЦЕ.

Изъ окна въ окно
Золото бревно.

51) ПАУТИНА.

Старикъ мететь по горницѣ,
Метлы летять по околицѣ.

52) ЛОШАДЬ, КОРОВА, ЛОДКА.

Прилетѣли на хоромы
Три вороны;
Одна говоритъ:
Мнѣ въ зимѣ добро,
Другая — мнѣ въ лѣтѣ добро,
А третья — мнѣ всегда добро.

53) КОТЕЛЪ СЪ ВОДОЮ.

Подъ клѣтомъ, подъ наметомъ,
Стоитъ бочка съ вороньимъ
саломъ.

54) ГОДЪ.

Одинъ до двѣнадцати родилъ,
А двѣнадцать семь породило,
Изъ семерыхъ четыре выросло.

55) МУТОВИНА.

Стоитъ ивина
Вся въ сучьяхъ.

56) КНИГА.

Идетъ ни мужикъ, ни баба,
Несетъ ни сгибень, ни пирогъ.

57) ЗАМОКЪ.

Маленькій да гнutenькій
Весь домъ стережетъ.

58) ЗЕЛЕНЫЙ ЛУКЪ.

Сидитъ баба на грядкахъ,
Вся одежда въ заплаткахъ,
Кто ни взглянетъ,
Тотъ всплачетъ.

59) КОСА.

Маленькій да гнutenькій
Весь лугъ обошеть.

60) ПЕРО НИСЧЕЕ.

Сорву косматому голову,
Выну сердце,
Дамъ пить,
Станетъ говорить.

61) ВОЧКА СЪ КРАНОМЪ.

Стоитъ старикъ надъ рѣкой,
Самъ не пьетъ, другихъ поить;
Воду льетъ ни ртомъ,
Ни ковшомъ, а долотомъ.

62) ОВИНЪ.

Стоитъ миронъ,
Полна голова воронъ.

63) ГРЕЧИХА.

Черно расколано,
Береть оскомина.

64) СОНЪ.

Мила, перемила,
Свои очи надсадила,
Хоть грѣхъ, хоть два,
А смерть хочется.

65) ЧЕРЕМУХА.

Черненька, маленька,
Всему свѣту миленька.

66) ВИНО И ПОХМѢЛЬЕ.

Стоитъ море
На пяти столбахъ,
Царь говорить:
Потѣха моя;
Царица говорить:
Погибель моя.

67) СОРОКА.

Бѣла — какъ снѣгъ,
Зелена — какъ лугъ,
Черна — какъ жукъ,
Поетъ — какъ быкъ,
Повертка въ лѣсъ.

68) ГОРШОКЪ.

Жилъ нероня,
Умеръ нероня.
Никто его не хороня,
Ни попы, ни дѣяки,
Ни мы дураки.

69) СОЛЬ.

На водѣ родится,
На огнѣ выростеть,
Съ матерью увидится,
Опять умреть.

70) ЛЕНЪ ПРЯДУТЬ.

Пять овечекъ стогъ подѣ-
даютъ,
Пять овечекъ прочь отбѣга-
ютъ.

71) ТАВАКЪ.

Не пекутъ, не жуютъ,
Не глотають, а всѣ вкусно
ѣдятъ.

72) КОЛОКОЛЪ.

Кричитъ безъ языка,
Поетъ безъ горла,
Радуетъ и бѣдуетъ,
А сердце не чувствуетъ.

73) РАКЪ.

Идетъ въ баню черенъ,
Выходитъ красенъ.

74) ТѢНЬ.

Ходитъ безъ ногъ,
Рукава безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.

75) ДЕНЬГИ.

Кругло, мало,
Всякому мило.

76) КОМАРЪ.

Остро, нековано,
Коснусь — поколано.

77) ВИШНЯ.

Сижу на теремѣ,
Мала какъ мышь,
Красна, какъ кровь,
Вкусна, какъ медъ.

78) ЭХО.

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякій слышитъ.

79) ШИПОВНИКЪ.

Сидитъ колюка на вилахъ,
Одѣта во багрянецъ,
Кто поидетъ
Того кольнетъ.

80) УМЪ.

Ни тѣло, ни духъ,
А съ крыльями вокругъ,
Къ кому подлечу,
Какъ разъ научу.

81) МУХА.

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ;
Кто взглянетъ,
Всякій угадаетъ.

82) ОРЪХИ.

Росло, повыросло,
Изъ куста повылѣзло,
По рукамъ покатилося,
На зубахъ очутилося.

83) СОЛНЕЧНЫЙ СВѢТЪ ИЗЪ
ОКНА.

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

84) РЫДВАНЪ СЪ ДЫШЛОМЪ.

Ѣдетъ орда,
Оглобля одна,
А дуги ни одной.

85) КОСА, ТРАВА, КОПНА
СѢНА.

Щука двинетъ,
Лѣсъ вянетъ,
На томъ мѣстѣ городъ станетъ.

86) КОРОВА, НОГИ, РОГА,
ХВОСТЪ.

Четыре ходоста,
Два бодоста,
Седьмой хлебестунъ.

87) ВЕЗМЕНЪ.

Самъ худъ,
А голова съ пудъ.

88) ЩИ.

Дорогой капиталъ
Всѣ души капиталъ.

89) РЪПА.

Кругла, да не дѣвка,
Съ хвостомъ да не мышъ.

90) ЛЮЛКА.

Безъ рукъ, безъ ногъ,
На всѣ стороны клонится.

91) ПТИЦА ВЪ КЛѢТКѢ.

Не грѣшна,
А повѣшена.

92) ЦЕРКОВЬ.

Клѣтъ плетена,
Она вверху сведена,
Сто рублей дана.

93) окошко.

Дерну, подерну
По бѣлому полотну.

94) мѣсяцъ.

Сивый жеребецъ
Подъ ворота глядитъ.

95) корзина.

Виситъ баба на грядяхъ
Вся въ заплатяхъ.

96) въ огородъ розь.

Косо, не прямо,
Куда ты идешь?
Тебя стережи,
Зелено, кудряво,
Тебя стережи.

97) игла.

Маленькій, сухонькій
Всѣхъ одѣваетъ.

98) задвижка.

У насъ, у васъ
Поросенокъ увязъ.

99) имя.

На водѣ не тонеть.
На огнѣ не горитъ,
Въ землѣ не гниеть.

100) вилы.

Бѣгуньки бѣгутъ,
Скрыпульки скрипятъ,
Роговатйки везутъ,
Маховатйки колотятъ.

101) рѣшето.

Дыръ много,
Вылѣзтъ некуда.

102) сопли.

Бѣдный на земь кидаетъ,
Богатый съ собой собираетъ.

103) почта.

Въ городахъ рубятъ,
Въ деревню щепки летятъ.

104) глаза.

Братъ съ братомъ
Черезъ дорожку живутъ,
Одинъ другого не видятъ.

105) ложки къ чашкѣ щей.

Бѣгутъ голубочки
Къ одной пролубочкѣ.

106) качанъ капусты.

Лапикъ на лапику,
А игла не была.

107) ПИСЬМО.

Бѣлое поле,
Черное сѣмя,
Кто его сѣетъ,
Тотъ разумѣетъ.

108) СЕРДЦЕВИНА ДРЕВЕС-
НАЯ.

Равенъ съ свѣтомъ,
А свѣту не видитъ.

109) ПЕРО.

Чего чрезъ избу не переки-
нешь?

110) ДОРОГА.

Чего къ избѣ не приставишь?

111) ВОДА ВЪ РѢШЕТЬ.

Чего кругомъ избы не обне-
сешь?

112) ВЕРЕЗА: 1. ЛУЧИНА,
2. СОКЪ, 3. ВѢНИКЪ, 4. ВЕРЕ-
СТА ДЛЯ ОПЛЕТЕНІЯ ГОРШКА.

Съ одного дерева
Да четыре уголья: [свѣтъ,
Первое — отъ темной ночи
Второе — некопанный коло-
дезь,

Третіе — старому здоровье,
Четвертое разбитому связъ.

113) СЕРПЪ.

Маленькій, горбатенькій
Все поле проскакалъ.

114) НОЧВЫ, ЛОТОКЪ.

Лежитъ свинья
О двухъ рылахъ.

115) ВѢНИКЪ.

Подъ лавкой гудокъ,
На полу гудокъ,
Наиграется гудокъ,
Сядетъ въ уголокъ.

116) ЛАПТИ.

Въ лѣсъ иду клѣтки,
Изъ лѣсу иду клѣтки.

117) ВИНО.

Стоитъ голенище,
Въ голенищѣ суслое масло.
Смѣлость, бодрость,
И смерть не далеко.

118) ВЛОХА.

Милый мой,
Спать со мной,
Въ траурѣ ходить,
Не знаетъ по комъ.

119) ЧУЖОЙ КЛЮЧЬ.

Стоить Сидора,
 Просить стоя,
 Мой куликъ великъ,
 А дыра-то мала.

120) БѢДНОСТЬ.

Ни дровъ, ни свѣчей,
 Чѣмъ истопить печей,
 Въ правомъ сочельникъ,
 Въ лѣвомъ чистый понедѣль-
 никъ.

121) ВЛИНЫ.

По плѣшивому хлопну,
 На плѣшиваго капну,
 Выну сто холстовъ,
 На сто концовъ.

122) ЖЕРНОВА.

Два барашка грызутся,
 Промежь ихъ пѣна валить.

123) МАСЛО КОРОВЬЕ.

Желтенькая собачка
 Въ промежуточкѣ лежить.

124) МОЛОКО.

Чиста да не вода,
 Клейна да не смола,
 Съ трудомъ его достаютъ,
 У кого нѣтъ раздають.

125) ЛУКЪ.

Возьму я зелье,
 Брошу въ землю,
 Какъ вверхъ побѣжить,
 Тутъ его буду косить.

126) ДЕРЕВО.

И лѣтомъ весело,
 И осенью сытно,
 И зимой тепло.

127) ПѢТУХЪ.

Не княженецкой породы,
 А ходить съ короной,
 Не ратный ѣздокъ,
 А съ ремнемъ на ногѣ,
 Не сторожемъ стоять,
 А всѣхъ рано будить.

128) КАША.

Черна, мала крошка,
 А угодя много въ ней,
 Въ водѣ поварятъ,
 Ребята съѣдятъ.

129) РУЖЬЕ.

Летить орель,
 Дышетъ огнемъ,
 По конецъ хвоста
 Человѣчья смерть.

130) ХРЯЩЪ.

Собою не органъ,
А въ зубахъ играетъ.

131) СОБАКА.

На дворѣ калачомъ,
А въ избѣ пирогомъ.

132) ПРОЗВАНІЕ.

Какъ ни брошу,
Ко всему льнетъ.

133) СНѢГЪ.

Зимою грѣетъ,
Весною тлѣетъ,
Лѣтомъ умираетъ,
Осенью оживаетъ.

134) ВЛОХА.

Мала, а проворна,
Гдѣ бываетъ
Тамъ повелѣваетъ;
Въ шатеръ взойдетъ,
Богатыря перевернетъ.

135) ПИРОГЪ.

Возьму пыльно,
Сдѣлаю жидко,
Врешу въ пламень,
Будетъ какъ камень.

136) СОЛНЦЕ.

Чего со стѣны не вырубишь?

137) ЗВѢЗДЫ.

Взгляну въ окошко,
Стоитъ рѣпы лукошко.

138) ЯИЦО.

Кругла соловейка,
Кто тебя гладилъ?
Я сама гладка.

139) МАТИЦА.

Лютая свекровь,
Семейство стережетъ,
Свекровь разсердится,
Все семейство разбѣжится.

140) ОГОНЬ ОТЪ СВѢЧИ.

Днемъ спитъ,
Ночью глядитъ,
Утромъ умираетъ.
Другой его смѣняетъ.

141) ХЛѢВЪ.

Временемъ разсѣваю,
Временемъ собираю,
Самъ сытъ бываю
И людей кормлю.

142) МИСА СЪ ЛОЖКАМИ.
 Полно корыто
 Людей набито.

143) БОЧЕНОКЪ.
 Безъ души родился,
 Народу пригодился.
 Дамъ пить — пьетъ,
 Попрошу — отдастъ.

144) СОБАКА.
 Собою не птица,
 Пѣть не поеть,
 Кто къ хозяину идетъ,
 Она знать даетъ.

145) ПОДАРКИ КУМЪ НА ПРО-
 ЩЕННЫЙ ДЕНЬ.
 Семъ пересемъ,
 Семушку носилъ,
 Травушку купилъ,
 Кумушку дарилъ.

146) КВАСНАЯ КАДКА ВЪ
 ПОДВАЛѢ.
 Подъ поломъ поломъ
 Стоитъ бабушка съ котломъ.

147) ЗАСЛОНКА ПЕЧНАЯ.
 Двое парятся,
 Третій толкается;

Когда открывается,
 Вся сласть подымается.

148) ГЛАЗА.

Сидитъ птица Салоса,
 Безъ крыльевъ, безъ хвоста,
 И космата и горбата,
 Куда ни взглянетъ,
 Правду скажетъ.

149) ЯЙЦО.

Что въ стѣну не воткнешь?

150) УХВАТЬ.

Рогать да не быкъ,
 Хватаетъ да не сытъ,
 Людямъ отдастъ,
 А самъ на отдыхъ идетъ.

151) САДИТЬСЯ ВЕРХОМЪ НА
 ЛОШАДЬ.

Лѣзу
 По желѣзу,
 На мягкую гору.

152) ВЕЗМЕНЬ.

У дѣда подъ крыльцомъ,
 Виситъ дубина съ кольцомъ,
 Налита свинцомъ.

153) ЛЕНЬ.

Били меня,
Колотили меня,
Во всѣ чины производили
И на столъ посадили.

154) ЧЕЛО У ПЕЧКИ.

По сторону бѣлецъ,
По другую бѣлецъ,
По середки чернецъ.

155) РУКОМОЙНИКЪ НАДЪ
ЛОХАНКОЮ.

На морѣ новѣстка колыблется,
На небѣ деревья дивуются:
Какъ она, чортъ, не обор-
вется?

156) ТОПОРЪ.

Въ лѣсѣ идетъ, свѣтитъ,
Изъ лѣсу идетъ, свѣтитъ.

157) ДВЕРЬ.

Елка смахнется,
Всѣ люди оглянутся.

158) КОРЕЦЪ.

Щука на морѣ,
Хвостъ на горѣ.

159) УГОЛЯ ВЪ ЖАРОВНѢ.

Полный засѣчекъ
Красныхъ яичекъ.

160) ЧЕЛОВѢКЪ.

Стоять вилы,
На вилахъ бочка,
На бочкѣ кивало,
На кивалѣ зѣвало,
На зѣвалѣ мигало,
На мигалѣ островъ,
На островѣ козы ходять.

161) МОРОЗЪ.

Самъ Самсонъ,
Самъ мостъ мостилъ,
Безъ топора, безъ клинья,
Безъ подклинья.

162) ОЗИМЬ.

Подъ мостомъ,
Подъ ярустомъ,
Лежить сукно однорядошно.

163) КОМАРЪ.

Летитъ птица,
Не крылата,
Не горбата,
Носикъ долгій,
Голосъ тонкій,
Кто ее убьетъ,
Человѣчью кровъ прольетъ.

164) ДОРОГА.

А се!
 Я разлеглася.
 Кабы я встала,
 Такъ небо достала,
 Кабы руки да ноги,
 Я бы вора связала,
 Кабы ротъ да глаза,
 Я бы все рассказала.

165) РОСА.

Заря заряница,
 Красная дѣвица,
 Къ церкви ходила,
 Ключи обронила, —
 Мѣсяцъ увидѣлъ,
 Солнце скрало.

166) РУКОМОЙНИКЪ.

Курица съ хохломъ
 Всякому поклонъ.

167) ГОДЪ.

Стоить дубъ,
 На немъ двѣнадцать гнѣздъ,
 Въ каждомъ гнѣздѣ
 По четыре яйца,
 Въ каждомъ яйцѣ
 По семи цыпленковъ.

168) ЛАСТОЧКА И ГНѢЗДО.

Шило,
 Мотрошило,
 Безъ угловъ избу сошшило.

169) РѢКА.

Между горъ,
 Бѣжитъ конь вороной.

170) ЗВѢЗДЫ НА НЕБѢ.

Разсыпался корабль
 По мхамъ, по морямъ,
 По всѣмъ городамъ;
 Не собрать того корабля
 Ни князьямъ, ни попамъ,
 Ни думнымъ дьякамъ.

171) ЗУБЫ.

Полно подполье,
 Бѣлыхъ лебедей.

172) ДОМЪ, БРЕВНА, МОХЪ.

На полѣ на Романовѣ
 Стоять кони отобраны,
 Пьютъ воду ключевую,
 Бдятъ траву болотную.

173) ГЛАЗА.

Кругло, горбато,
 Около мохпато;

Придетъ бѣда,
Потечеть вода.

174) сапогъ на ногъ.

Кожана квашонка,
Мутовка мясна.

175) мутовка.

Ходить баранъ по подполью,
Тычетъ рогомъ по уголью.

176) груди и дитя.

Два комка,
Третья лакомка.

177) прорувь.

Шуба нова,
На подолѣ дыра.

178) шитье сапогъ.

Сквозь коня и коровъ
Свиньи ленъ волочатъ.

179) городьба.

Три брата,
За панибрата, [саны.
Однимъ кушакомъ подпоя-

180) воровка для размотки
пряжи.

Четыре сестры
Бѣгать шустры,

Одна за другой,
Не догонять одной.

181) скоба въ дверяхъ.

Стару бабу,
За пубъ да за пупъ.

182) горшокъ.

Вился, родился,
Мучился, кстился,
Пошелъ, запялся,
Весь миръ засмѣялся.

183) дуга.

Стану—такъ выше коня,
А лягу—такъ ниже кота.

184) мельница.

Залаяла собачка
На Мурманскомъ,
Заревѣлъ медвѣдь
На Романскомъ,
Затопали кони
На Кириловомъ полѣ.

185) хлѣвы въ печи.

Въ печурки
Двѣ чурки,
Два гуся, двѣ утки,
Два тетерева.

186) ВЬЮТЬ ВЕРЕВКИ.

У нашего Дениса,
Сломилась ось,
И таратайка врозь.

187) ПРЯЖА СЪ КУДЕЛЮ.

По локоть горбато,
По локоть мохнато,
По локоть въ кулакъ ушло.

188) ГРОМЪ.

Мотовило,
Котовило,
По поднебесью
Ходило,
Всѣхъ устрѣшило.

189) ПТИЧЬЕ ГНѢЗДО.

Безъ рукъ, безъ топоренка,
Состроена избенка.

190) ОКОННИЦА.

Полосы оловянны,
А межи деревянны.

191) РУЖЬЕ.

Дудка, дуда;
На дудкѣ дыра;
Дуда затрещить,
Свинья убѣжить.

192) ХЛѢВЪ.

Комовато, поздревато,
И губато, и горбато,
И тяскло, и кисло,
И прѣсно, и вкусно,
И красно, и кругло,
И легко, и мягко,
И твердо, и ломко,
И черно, и бѣло,
И всѣмъ людямъ мило.

193) СНѢГЪ, ЗЕМЛЯ, ВѢТЕРЪ.

Отцова сундука не поднять,
Сестрина точива не сорвать,
Братнина коня не поймать.

194) ГЛАЗА.

Возжечки не долги,
Не коротки
Кругъ поля стали,
А кругъ головы не достали.

195) ОВОДЪ.

Летить по птичью,
Реветь по бычью.

196) НОЧЬ.

Не стукнетъ,
Не брякнетъ,
Ко всякому подойдетъ.

197) СВЯНОКОСЪ И СТОГА.

Щука конура
По лѣса губила,
Лѣса пали,
Горы встали.

198) МѢСЯЦЪ.

Шелъ я мимо,
Видѣлъ диво:
Виситъ котель
О девяносто ведеръ.

199) ВЪВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

Стоитъ столбъ,
На столбѣ цвѣты,
Подъ цвѣтомъ котель,
Надъ цвѣтомъ орель,
Цвѣты срываетъ,
Въ котель бросаетъ,
Цвѣтокъ не убываетъ
И въ котлѣ не прибываетъ.

200) ВЕДРО СЪ КОРОМЫС-
ЛОМЪ.

Двое купаются,
Третій дивуется.

201) РУКОМОЙНИКЪ.

Сѣла уточка на вязъ,
Кто попроситъ, тому дастъ.

И. САХАРОВЪ. I.

202) ВЕРЕГА И ЛЕДЪ.

Оглобли остались,
А дровни помчались.

203) ВЪНИКЪ.

Днемъ курица ребрится,
А къ ночи въ уголь садится.

204) ИГЛА.

Маленька боярынька
Весь миръ покручаетъ.

205) ЗМѢЙ И РУЖЬЕ.

Ползло зло;
Зло схватилось,
У зла жизнь прекратилась.

206) ГОДЪ, МѢСЯЦЪ, НЕДѢ-
ЛЯ, ДЕНЬ, НОЧЬ.

Выросъ кустъ изъ четырехъ
мѣсть,
На томъ кусту двѣнадцать
гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по че-
тыре синицы,
У каждой синицы по четыр-
надцать яицъ:
Семь бѣленькихъ, да семь
черненькихъ.

207) НЕВО И ЗЕМЛЯ, СОЛНЦЕ
И МЪСЯЦЪ, ДЕНЬ И НОЧЬ,
ОГОНЬ И ВОДА.

Двое стоячихъ,
Да двое лежачихъ,
Да два здорника,
Да два разбойника,
Разорителя.

208) ВЪНИКЪ.

Маленькій, горбатенькій,
Весь полъ обѣгаль.

209) КИСЕЛЬ ГОРОХОВЫЙ.

Въ печь несутъ жидко-го-
рячо,
Изъ печи несутъ густо-хо-
лодно.

210) ПЛОТИНА, ВОДА, РАБОТА.

Замокъ водяной,
Ключъ деревяной,
Заяць ушелъ,
Ловець утонулъ.

211) ПОСТЪ, МЯСОУДЪ,
ПАСХА.

Поддуба сухова,
Поддуба сырова,
Да макушка золотая.

212) КВАШНЯ И ЗАТОРЪ.

Ступица рубленая,
Пестъ неокованный;
Толчетъ и пикаетъ,
А баба вздыхаетъ.

213) ЗУВЬЯ ВЪ ВЕРДЪ.

Въ нашешъ припасѣ
Сто полѣнъ на прекрасѣ,
А на истопѣль нѣтъ.

214) ПОМЕЛО.

Въ углу, за полицей
Сидитъ старъ съ бородой.

215) ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

У насъ намолоду
Скатерть бѣла
Весь мѣръ застлала.

216) ХМЪЛЬ.

На задворичкѣ
У Захарушки
Кудерочки трясуть.

217) КРЫША.

У сорока семи полѣ
Одинъ подолѣ.

218) СТРѢЛА.

Летить птица перната,
Безъ глазъ, безъ крыль,
Сама свиститъ, сама бьетъ.

219) УШАТЬ.

У нашей туши
Выросли уши,
А головы нѣтъ.

220) ЛОДКА.

Ни рукъ, ни ногъ,
Ни очей, ни ушей,
Добра молодца везетъ
По кругу бережку.

221) МЫШЬ.

Сивую буренушку
И дома не любятъ,
И на торгу не купятъ.

222) ГРУЗДИ.

А что таково:
Ни сѣяно, ни кошено,
Ни вѣяно, ни молочено,
Водой смочено,
Камнемъ придавлено,
На зиму припрятано?

223) РОСА.

Вечеромъ водой,
Ночью водой,
А днемъ въ небеса.

224) УЛЕЙ СЪ ПЧЕЛАМИ.

Во темной темницѣ
Красна дѣвица
Камку тчетъ
И узоромъ шьетъ
Безъ иглы, безъ шелка.

225) УЛЕЙ.

Въ пустомъ дуплу
По сту домовъ,
По сту котловъ,
Въ середи дупла ярмарка.

226) ИГЛА СЪ НИТКОЙ.

Нашъ звѣрокъ съ вершокъ,
А хвостъ съ локотокъ.

227) ХМѢЛЬ.

Вокругъ тына
Повисла золота грива.

228) ВЕРЕЯ.

У нашего сосѣда

Конь саврасъ
По колѣно увязъ.

229) ПОДЪ ПЕЧНОЙ.

У насъ во дому
Съро поле
Распахано, разглажено
Не сохой, не бороной,
А козлиной бородой.

230) ВЕДРА И КОРОМЫСЛА.

Два моря, два горя,

На крутыхъ горахъ
На дугѣ висять.

231) ПИЛА.

И ѣсть и жуеть,
Самъ не глотаетъ,
Другихъ надѣляетъ.

232) ГОРОДЬБА.

Наряжень нарядъ
Изъ ста ребятъ,
Всѣ связаны стоятъ.

Варианты русскихъ народныхъ загадокъ.

для 14.

Шла коза изъ Питера,
Вся спина истыкана.

для 30.

Кругомъ гладко,
Въ середкѣ сладко,
На ту сласть
У всѣхъ есть снасть.

для 34.

Взойду я, взойду на гой, гой,
гой,
Ударю я, ударю во бирюль,
рюль, рюль,

Утѣшу я, утѣшу царя въ Мо-
сквѣ,
Царя въ Москвѣ, короля въ
Литвѣ.

Выду я, на гой, гой, гой,
И ударю я гой, гой, гой,
Разбужу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ келья,
Дитю въ колыбели,
Попа въ терему.

для 36.

Штучка одноручка,
Носичекъ стальной,
А хвостикъ льняной.

для 37.

Загану загадку,
Кину чрезъ грядку,
Годъ я жду,
Годовикъ возьму.

для 58.

Стоитъ чудо
Въ семи углахъ,
Кто не взглянетъ,
Тотъ заплачетъ.

для 98.

Клѣтъ плетена,

Вверхъ ведена
На сто угловъ,
На полтретьяста рублевъ.

для 108.

Съ лѣсомъ равенъ,
А не видно его.

для 129.

Летитъ птица орелъ,
Несетъ въ зубахъ огонь,
Поперегъ хвоста
Человѣчья смерть.

Для сравненія русскихъ народныхъ загадокъ съ другими славянскихъ поколѣній, прилагаю загадки червоно-русскія и сербскія.

Загадки червоно-русскія.

Загадки червоно-русскія взяты изъ собранія Григорія Илькевича: Галицкіи приповѣдки и загадки. У Вѣд-ни. Напечатано Черенками О. О. Мехитаристовъ. 1841.

1) ТОВАРИНА.

Штыри тыки, два пазыки, семьй замахайло.

2) ТЕРЛІЦЯ.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ суха дзява (собака) бреше.

3) КУЛЬБАКА.

Больше водъ коня, меньше водъ свинѣ.

4) ЛАНЦЮХЪ.

Бери — квичить, клади — квичить, лиши — молвить.

5) КОЛЕСА.

Чотыре брата все бѣжутъ, а нѣкды негодни здогонитися.

6) ЯБЛОКО, ПОРОСЯ.

Виса висить, хода ходить; виса впала, хода взяла.

7) ВЛОХА.

Чорненьке, маленьке, що найбільшу колоду рушить.
Менше водъ пчоли, а найбільшу колоду переверне.

8) ГОРНЕЦЪ.

На подѣ ночовавъ, якъ упавъ, нѣхто костей не збиравъ
(лизавъ).

9) СЕРПЪ.

Кривенькое, маленькое, все поле счепурляе.

10) МЪСЯЦЪ.

Лѣсомъ иде, не трѣсне — водою иди, не плюсне.

11) СОНЦЕ.

За лѣсами, за горами золота дѣжа кисне.

12) ЗУБЫ.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ бѣліи хуста высать.

13) ВОКНА — ДВЕРЬ — ПЪЧЬ.

Одно просить: свитай Боже, друге просить: смеркай Боже, трете мовить: менѣ все одно якъ въ день, такъ въ ноци.

14) РЫБА.

Шуварова сестра, шуваромъ ишла, семь сотъ сорочокъ на собѣ несла.

15) ДЫМЪ.

Нѣмъ ся отецъ уродить, вже сынъ по свѣтѣ ходить.

16) РЪПА.

Бѣле якъ мука — не мука, хвостъ мае якъ мышь — не мышь.

17) КАНЯ.

Шило-вило, мотовило, по подѣ небо ходило, по нѣмецки говорило, по турецки заводило.

18) СОКИРА.

Иде чоловѣкъ у лѣсъ — дивится въ село; иде чоловѣкъ до села — дивится въ лѣсъ.

19) ЛА СТОВКА.

Шило-вило мотовило, по подѣ небеса ся вило; въ лѣтѣ спѣвае, на зиму насъ покидае.

20) ЧОВЕНЬ.

Возъ безъ колѣсъ, дорога безъ песку, батоги безъ тряску.

21) МОРОЗЪ.

Сивый волъ выпивъ воды полный долъ.

22) ВОРОНА — СВИНЯ.

Скунда скаче, рында рые.

23) ЯГОДА.

Червоный корѣнь, винный смакъ — земля го зродила,
чому такъ?

24) ПЕРСИ ЖЕНСКІЯ.

Маленьке, кругленьке, на столѣ не бувало, а весь міръ
згодовало.

25) ДОРОГА.

Довга Гася (лася) простяглася, кобы встала, то бы не-
ба достала.

26) КИРНИЦЯ.

На середь села зарѣзано вола; въ кождій хатцѣ по бо-
катцѣ.

27) ВОРЩЪ КВАШЕННЫЙ.

За лѣсомъ, за пралѣсомъ (бочка крови мокне; въ най-
бѣднѣйшій хатѣ мусать ю мати.

28) РЫВОЛОВЛЯ.

Иду — не берегомъ, кину — не деревомъ, иму — не
курье, скубу — не пѣрье.

29) КОТЬ — САЛО.

Виса висить, хода ходить, Бога просить, щобы виса
впала.

30) ДЫМЪ.

Безъ рукъ, безъ нозъ (ногъ), на подъ выльзъ.

31) СИТО.

По подъ конѣ лягае, до сусѣды бѣгае. Встанни ся кохало, на рукахъ сѣвало — хто буде знати, буде добре казати.

32) МАКОВКА.

Стоить при дорозѣ на одной нозѣ; головка мала, а въ ней тьма.

33) СОНЦЕ.

Стоить дерево середь села, а въ кождей хатцѣ по гилячцѣ.

34) СТОЛЬ НАКРЫТІЙ — ВЪ МЫСЦѢ КАПУСТА.

Стоить дубъ — на дубѣ липина, на липѣ конопля, на коноплѣ глина, на глинѣ капуста, а въ капустѣ свиня.

35) ВОРОНА.

Плахта-тарахта всьо поле збѣгае. Дѣраве рядомъ все поле врыло, Бога просило, щобъ ся зазеленѣло.

36) РОКЪ.

Стоить дубъ, а въ дубѣ двѣнадцать гилякъ, въ кождей гилѣ по штыри гнѣздѣ, въ кождимъ гнѣздѣ по сѣмь птахъ.

37) ПИСЬМО.

Бѣлое поле, гусь на немъ оре, чорне насѣнье, мудрый го сѣе.

38) ВОЗЪ.

Чотыре идуть, дванадцять несутъ, де платити треба;
едень ся каже.

39) КАМЕНЬ.

Що росте безъ корѣня.

40) ПАПОРОТЬ.

Що цвите безъ цвѣту?

41) ВОДА.

Що бѣжить безъ повода.

42) МЫШЬ — КОТЬ.

Питалася швидка свѣрка; чи е ханко дома.

43) КОВВИЦЯ.

Е у насъ такій баранъ, що у него сорокъ ранъ.

44) ЖОРНА.

Е у насъ такій конь, що подъ себѣ мече гной.

45) ДИМЪ.

Отець лежить въ повитью, а сынъ шовъ по свѣту.

46) РѢКА.

Конецъ села забито вола, до каждой хижки тягнутя
кишки.

47) КОСА.

Корова сива горы позбивала, пришла домовъ, тай за-
рычала.

48) ВЕЛИКДЕНЬ.

Сѣмь миль мосту, а за тышь мостомъ цвѣтъ, радуе му ся
весь свѣтъ.

49) МѢТЛА.

По земли бѣгае, подѣ лавовѣ лѣгае.

50) СИТО.

Вѣ лѣсѣ росло, на полю ся пасло, на градцѣ схло, на
столѣ ся трясло.

51) СОРОКА.

Чорне якъ крукъ, бѣле якъ снѣгъ, прости якъ стрѣла,
криве якъ коса.

52) ЗВОНЫ.

Меже двома горами, бьются бараны золотыми рогами.

53) ИЛИНЪ.

Мой братъ Кундрать, на горахъ, на водахъ, на желѣзѣ,
на телѣзѣ, на рачачій нозѣ.

54) ДВЕРЬ.

Иде — дѣдъ бабу за руку веде.

55) КОЛЫСКА.

Вѣ лѣсѣ росло, листокъ имѣло, теперъ носить душу и
тѣло.

56) КОРОВЯЧИ ЦЫЦКИ.

Чотыре брата стрѣляютъ до одного пня, а не могутъ
выстрѣлити.

57) СТОЛЪ НАКРЫТЫЙ ЗО СТРАВОЮ.

Е у насъ бучокъ, а на бучку яворецъ, на яворци конопка, на конопцѣ глинка, а на глинцѣ млачка, а въ нѣй хвостачка.

58) ЛѢТА ЧОЛОВѢЧИ.

Двадцать красныхъ, тридцать сильныхъ, пятьдесятъ мудрыхъ, а сто дурныхъ.

59) ТѢЛО ЧОЛОВѢЧЕ.

Суть то росохи, на росохахъ кадобецъ, на кадовбци драбинка, на драбинцѣ горка, а на горцѣ жердье; по тимъ жердю дикі пташки лѣтають, але крылець не мають.

60) ПЛУГЪ.

Стоить при дорогѣ, розложивъ обѣ нозѣ — прійшовъ хлопъ, меже ноги льопъ: Щасте дай Воже.

Загадки сербскія.

Загадки сербскія взяты изъ книги: Народне Српске приповиѣтке, написао В. В. У Бечу 1821. Въ этомъ собраніи загадки имѣють особенное надписаніе: народне Српске загонетке.

1) ПРЕКО ЛЕДА.

Безъ ивера наводи туприя.

2) ЛЕВЪ У ПЕЧЬ.

Безъ коже уде, съ кожомъ изиде.
Пунь брегъ дубрега.

3) зУВИ.

Биела кока исподъ стрее вири.

4) ПИСЬМО.

Биела нива, црно семе, мудра глава, коя сие.

5) ОВЦА И ЯГНЬЕ.

Бела белу тера преко бела поля: даі ми, бело! бела леба исподъ бела скута.

6) РОТКВА.

Бело іе, сиръ ниіе; репато е, мишъ ние; со лиже, во ние.

7) МОСТЪ ПРЕКО ВОДЕ.

Божіе созданье, луцко створенье, змия оседлана.

8) ЖИТО.

Виное пон, на коплу стоїи, да ние виполя, не би било никога.

9) БРАШНО КАДЪ ПАДА ИСПОДЪ КАМЕНА.

Витокъ виси, витка зія, витакъ вию! те у витку.

10) ЗВОНО ЦРКВЕННО.

Во буче, па пуну кошару набуче.

11) ПИЕВАЦЪ И РЕПЪ МУ.

Воїводъ воду ние, надъ ние се барякъ вие.

12) КАЗАНЪ.

Гвозденъ седи у лугу у гвоздену влобуку, сузе, му каплу узъ елову кацу.

13) ИГЛА.

Губицѡмъ рие а г..цѡмъ жиле вади.

14) ПАУНЪ.

Гушна глава, господско руо, арапске ноге.

15) КОСА.

Гурова кобила све поле побила.

16) СЕРПЪ.

Гураво прасе све поле опасе.

17) ТЕРАМЪ.

Дану клана, а ноту звезде броін.

18) УШИ ОКО ГЛАВЕ.

Два локвана око пана.

19) ПСЕТО.

Два свиѣтле, четири стѣру, а единъ мисли да легне.

20) ВАТРА МЕДУ ПРИЕКЛАДИМА.

Два дола суподола, меду нима змиа лежи, де змиі лежи, та трава не расте.

21) ГРЕВЕНИ.

Два се брата преко плота заброде вуку.

22) ОЧИ.

Два ступца у небо ударяю.
Двие чавчице напоредо стое, а една друге не виде.

23) КОНОПЛЕ.

Двие горе упоредо расту; една цвати, а не роди; друга
роди, а не цвати.

24) УШТИПЦИ.

Деветъ баба по леду се плаза.

25) ЛЕПИНА.

Докъ се отацъ роди, синъ покути оди.

26) ПРАТЛАЧА.

Дрвена кучка у потоку лае.

27) ТЕСТЕРЕ.

Дрвено тело, гвоздени зуби каменъ прегризе.

28) ГУСЛЕ.

Дрвенъ трбу, кожна леда, длакама говори.

29) ВАТРА.

Те нашъ црвенко лежи, онде никадъ трава не ниче.

30) СВРАКА.

Дужи иверъ одъ кладе.

31) КАНДИЛО.

Жуто маче предъ Богомъ плаче.

32) ОВЦЕ И ЯГАНЦИ.

Загрмле велики громъ, а према нему мали громъ, де се састаше, ту се слапташе.

33) ГЛАВИЦА БИЕЛОГА ЛУКА.

Закла вола бивола, изуди гана удите сваки удъ вола даде.

34) КОКОШЪ, КАДЪ СНЕСЕ ЯЕ.

Закла вола бика све село свика, а кадъ о оте да слави, нема шта да стави.

35) ГРМЛАВА.

Залолота лота са висока плота, далеко се чуе у незнају земљу.

36) ЛУБЕНИЦА.

Зелена кошара, црна говеда, гвозденъ клучъ, који отклучава.

37) САОНИЦЕ.

Зими служи, а лете зубе кеси.

38) УЗДА.

Зоба гроздъ одъ мора до Дунава, нитъ та мою позобати, ни га мою прегорети.

39) ПЕРО.

Изъ меса изишло, а месо ние; млогу штету и асно починало, а томъ криво ние.

40) ЧОВАНИ КАДЪ ЗОВУ ЖЕНЕ, ДА ПОНЕСУ МУЗЛИЦЕ, ДА
МУЗУ ОВЦЕ.

Я подо по сопоту, а стадо на гриіоту позва мрделаче;
донесъ те ми тулеоде, е су дошле вазли траве.

41) ОГНЬИЛО И КРЕМЕНЬ И ВАРНИЦА И ТРУДЪ.

Я удари гвозденимъ малемъ у камень градъ, изъ него
скочи девендука краљ и прими се узъ Мекишь градъ.

42) КАЛУГЕРЪ ТРАЖИ СОЛИ.

Яше родъ на нероду и тражи веникли.

43) СВРАКА НА КРМАЧИ.

Яше тута на баури.

44) КАИШЪ НА НОЗИ.

Еданъ пруть све поле огради.

45) СУНЦЕ.

Една грудa воска целомъ свиету доста.

Една чаша масла свему свиету доста.

46) КРЕВЕТЪ, ВРАТА И ДИРЕКЪ ВИШЕ ВРАТА.

Едно вели: свани, Боже; друго вели: сиркни, Боже;
трете вели: како ми е, тако ми е.

47) ПЛУГЪ.

Кадъ у поле иде, куди окренуло рогове, а какъ куди
иде, у поле окренуло рогово.

48) пиле.

Кобила ождриеби кость, а кость ждриебе, на ждриебе
воли бабу кобило, него кость маяку.

49) девоика и виенацъ.

Коя вотка само едноѣмъ цвати, а у виекъ рада.

50) попови.

Ко шѣва, кадъ други луди плачу.

51) лула и чивукъ.

Крава риче одъ Босне, теле сиса одъ гараве.

52) пушка.

Куди иде, а у гору гледа.
О клину виси, о злу мисли.

53) кадъ човекъ иде у воденицу.

Куди идешъ, а Богу се молишь, да никога у куди не
надешъ.

54) глива.

Кутица у горици на едномъ пожици.

55) огледало.

Лиеска троллеска, у лиесци огонь гори, и у огню чо-
векъ стои.

56) змиа.

Мастаѣ каша крозь землю проиде.

57) СИТО.

Медъ конѣма расло, медъ женами играло.

58) ПРСТЕНЪ НА ПРСТУ.

Месанъ ражанъ, Гвоздено пециво.

59) ТЕТАО И ЦРВ; ТИЧЕ ГНИЕЗДО И ЗМІЯ.

Млинъ меле наврѣ еле, шарено се вижле пене, да и оно меле.

60) ЧЕЛЕ.

Матовило вило, по гори се вило, кути долазило, соли не лизало.

Пилипилъ цара копа подъ липовъ панъ на Турдевъ данъ.

61) ЧЕТАЛЪ И УШИ.

Мртво живо изъ шуме вуче.

62) ІАІЕ.

На царевичу безъ узла кошула.

63) КОСА НА ГЛАВИ.

Наврѣ пласта шака шаша.

64) БРАДИ, УСТА, НОСЪ, ОЧИ, КОСА, ЧЕТАЛЪ.

Надо тите брадите, вишь брадита устотите, вишь устотита носочите, вишь носочита гледочите, вишь гледочита челочите, вишь челотича Гоіко крмке врата.

65) КРЕБЪСТЪ.

Надо стеоно, а дану ялово.

66) ПИВЕЦЪ.

Одъ бѣла камена постало, алину има рукомъ негра-
дену, одъ гласа него мртви луди устаю, а послѣ смрти
крсте га.

67) КОНЬ.

Оздоль гвоздено, озгоръ дрвено, а у сриеди месано.

68) ЛУКЪ.

Озго трава, оздо брада, а у сриеди кметска часть.

69) ВО.

Наприедъ виле, у среди буре острагъ слинацъ.

70) СВРДАО.

Нашъ мрконъа у кошару уде, а рогови му не могоше.

71) САТЬ У КОШНИЦИ.

Ни бравомъ бравито, ни сврдломъ сврдлито, а све
рупа до рупе.

72) КОЗИ РЕПЪ.

Ни одъ педоа, ни одъ чеперакъ, а два дутано покрило.

73) НИТИ.

Нити мысли, ни говори, само ти се кожа.

74) МРАКЪ.

Нить шушну, нить бушну, а у куту доде.

75) клупко.

Одъ земле се диже, а не може се дигнути.

76) чокоть и вино.

Отаць у колиевци, а синъ у сватовима.

77) прсти у преле.

Петъ брата путемъ иду, а петъ подъ пластомъ стоје; коі путемъ иду, внесу покисли, а они подъ пластомъ покисли.

78) кадъ прсти скидаю муе са скорупа.

Подигже се петелева войска, те ми отера по леду говеда, кадъ ми беже у киту вшеница.

79) овце и курякъ и пасъ.

Подигле се роголъаче, сусрете и рендесило, оташе и рендесати, неда бендешъ ни гледати.

80) човекъ съ гувна поручуе жепи за врату, кадъ се наоблачи.

Поручуе домаръ домадарици: пошли мене тисли мисли пале су ми мрке челе на плешиваць.

81) човекъ поручуе жени изъ воденице, да му пошле کالا, да носи брашно.

Поручуе цицибанъ цицибаници: пошли мене шетлу петлу на магарици, покисе ми бела пена на загалици.

82) воденица.

Приспи чаре на мачаре, на панъе деканъе, на сене допоре.

83) ЖДРАЛОВИ.

Проде банъ ербанъ с мора на Дунаво коньскомъ врискомъ, юначкомъ викомъ; мало га ко виде, сватко га чу.

84) ВИДЪ ОЧИНИ.

Пружи платно одъ мора до Дунава, па га сави у ораву луску.

85) СВИЕЧА.

Пуна соба за крашару.

86) ЗВИЕЗДЕ.

Пуна тепсия златни кошчица.

87) СЕМЕ У ЛУБЕНИЦИ.

Пана црква дока, ни одъ куда врата.

88) СИРЪ У КАЦИ.

Пуно до иверя.

89) ПИСМО.

Пуче пушка на леду, оде пара чакъ до цара.

90) ТИКВЕПО СЕМЕ, И ВРИЕЖА, И ЦВИЕТЪ И ТИКВЕ.

Пушта штицу у море, а штица тракове, а тракови цветове, а цветови тумбеке, то се чуло у Млетке.

91) КОСА, ЧЕЛО, ОЧИ, УСТА, ЕЗИКЪ.

Расла честа шумица, подъ шумицомъ поланъа, подъ поланомъ гледура, подъ гледуромъ Гостуръ градъ, и у граду господарь.

92) ВИНО У БУРЕТУ.

Растовъ трупъ, лесковъ пруть, а у нему огненъ юнакъ лежи.

93) ПИЕВАЦЪ.

Рогомъ пие, рогомъ еде, рогомъ Богу славу дае.

94) ВРАТА НА КУТИ.

Савъ мркона лежи, а нледи му оди-

95) ВРАТА КАДЪ СЕ ЗАПРЕТЕ.

Сави злато, разви злато, а то злато ко и злато.

96) ЛОНАЦЪ.

Создаде ме Богъ одъ шта и Адама, свакога напои и нарани; а кадъ умрїе, нити ми Богъ прими душе, ни земля тела.

97) МРАВИНАКЪ.

Самъ лончитъ у полу ври.

98) СИСЕ У КРАВЕ.

Све гора покисе, а четири прута не могоше.

99) ЛУЛА.

Све по кути изгоре, а кута оста.

100) МЕСЕЦЪ.

Сивацъ море прескочи, ни копита нескваси.

101) ОВИА У ТОРУ И КУРЯКЪ И ПАСЪ.

Седа седи у Седину граду, царь е проси, окованъ е
неда.

102) ЛАДА.

Седе на врага, оде безъ трага.

103) КОКОШЪ НА ГНИЕЗДУ.

Седи вила наврѣ вила, чека синова изъ биели градова.

104) РЕПА.

Седи госпа у двору, косе іоі на двору.

105) ВАТРА И ДИМЪ.

Седи мара на дно града, пустила косе доврѣ града.

106) ЗУБИ И ЕЗИКЪ.

Секутикъ секу, вукотики вуку, сама бата преврата.

107) ВАРНИЦА.

Скочи срна иза трна, де се свила, ту и умрла.

108) МЛАДА ПОДЪ ВИЕНЦИМА.

Сламна кута, гвоздени притисци.

109) ЖЕЛУДАЦЪ КОКОШИНИ.

Спола тело, а у нутра кошула.

110) ЛАСТАВИЦА.

Сприедъ шело, стрига вило, оздолъ артия, озгаръ
мантія.

111) ГРОЗДЪ НА ЧОКОТУ.

Старацъ седи подъ воткомъ, покрито се обоікомъ, заложно брабонкомъ.

112) ГРУДА СИРА.

Сто орлова едно яе снесе.

113) ЧЕЛА У КОШНИЦИ.

Тавно нева у тавноі клети веръ везе танку гоіту плете

114) ТРАГЪ КОНСКИ.

Таниръ до танира, чакъ до Варадина.

115) САНДУКЪ.

Тело му е дрвено, зуби су му гвоздено, срце му е пртено.

116) СУНЦЕ, КАДЪ ТОПИ СНИЕГЪ.

Тица безъ зуба, а свиегъ изеде.

117) ИГЛА.

Тица шаргизда све село нагизда, а себе не може.

118) СВИНЧА И ЖИРКА.

Трчи, трчи трчулакъ, виси, виси висулакъ; Бога моли трчулакъ, да отпадне висулакъ.

119) КАДЪ СЕ НОКТИМА УТУЧЕ ВУЕ, ИЛИ УШЪ.

Уби вола бивола, окрвави два дола.

120) МЕСЕЦЫ.

У едному брлогу дванаестъ назимаца лежи, а ни единъ
съ крае ние.

Русскія народныя притчи.

---

1) ГОРШОКЪ.

Взять отъ земли, яко Адамъ,
Вверженъ въ печь, яко три отрока,
Посажень на колесницу, яко Фараонъ,
Повезень на торжище, яко рабъ,
Проданъ за двѣ лепты, яко хворость,
Пострадалъ отъ братій, яко Іосифъ,
Вывезень на дорогу, яко зеліе страдное,
И поверженъ въ ровъ на посмѣяніе, яко Даніилъ.
Шла нѣкая вдовица, зѣло убогая,
Подняла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и сталъ жить.

2) ПРИТЧА ДАРІЯ, ЦАРЯ ПЕРСИДСКАГО.

И повѣда царь перскій притчу во всѣ страны:
«Стоить щить, на щитѣ сидитъ заяцъ; прилетѣлъ со-
коль и взялъ зайца; прилетѣла сова на щить и сѣла вмѣ-
сто зайца».

«Аще вгадаете, людіе, мою притчу, дамъ вамъ три кади злата и серебра». — И не вгада сію притчу ни единъ отъ чelовѣкъ. Прииде бѣсъ о единомъ окѣ, повѣдая всѣмъ сущимъ на землѣ: «повѣдаю притчу вамъ, людіе, за кадь серебра и злата». И приступиша людіе къ бѣсу. И глагола имъ бѣсъ о единомъ окѣ:

«Щитъ бо—есть земля; на щитѣ сидитъ заяць, то есть правда на землѣ; прилетѣлъ соколъ и взялъ зайца — то взята правда съ земли на небо; прилетѣла сова вмѣсто зайца на щитъ — то сѣла на землѣ кривда».

Послалаша людіе къ Дарію, глагола: «Се отвѣтъ нашъ!» И присла Дарій людемъ три кади злата и серебра.

И почаша людіе дѣлити злато и серебро по кадемъ, а бѣсу здѣ предстоящу. Насыпаша людіе едину кадь злата, и рекоша бѣсу: «Се паша кадь есть». — Добро есть ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Насыпаша людіе другую кадь злата и рекоша бѣсу: «Се наша кадь есть». — Добро есть ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Насыпаша людіе едину кадь серебра и рекоша бѣсу: «Се наша кадь есть». — Добро есть ваше, людіе — отвѣщава имъ бѣсъ. — Подѣлиша людіе добро: овъ злато взя, овъ серебро. И ничто же оцася бѣсу. И обратиша людіе кадь, сущу пусту, вверхъ дномъ, и насыпаша златомъ дно, и рекоша: «Се твое есть добро». — Видя бѣсъ толику хитрость, отвѣщава: «Кривду дѣете, людіе». И рекоша людіе: «Кривой бѣсъ! самъ рекъ еси ты, что взята бысть правда на небо, а здѣ кривда оцася».

3) ТРОЕ.

Батька съ сыномъ, да батька съ сыномъ, да дѣдушка со внукомъ. Много ли стало?

4) ЧЕТВЕРО.

Мать съ дочкой, мужъ съ женой, бабушка со внукомъ, отецъ съ сыномъ. Много ли стало?

5) кумъ.

Здравствуйте, братцы, моей жены дѣтки. Кланяйтесь своему отцу и моему отцу; скажите, что его жены мужъ пришелъ.

6) сынъ.

Шуриновъ племянникъ, какая зятю родня?

7) замыслы.

Звалъ Ячмень Пшеничку: «пойдемъ туда, гдѣ золото родится; мы тамъ будемъ съ тобою водиться». Пшеничка сказала: «У тебя, Ячмень, длиненъ усь, да умъ коротокъ; зачѣмъ намъ съ золотошъ водиться? оно къ намъ само привалится.

8) благоразуміе.

Шелъ мужикъ. На встрѣчу ему идутъ мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. Мужикъ мужикашъ поклонился, посередъ дороги становился. Послѣ того, мужикъ снялъ шапку доловъ, да и Вѣтру поклонъ. Солнце сказало: «постой, мужикъ, вотъ я-те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя не допущу». Морозъ промолвилъ: «постой, мужикъ, я те заморожу». А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя отдую».

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

Русскія народныя присловья.

Арзамасцы.

Гусятники.
Лукофды.

Архангельцы.

Моржефды.—Ивановичъ, Ивановичъ! Слѣзь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала.

Жена какого-то архангельскаго поселянина, соскучась по мужѣ, рѣшилась искать его въ Петербургѣ. Зная, что ея мужъ промышляетъ кровлею крышекъ, она не спрашивала его въ дворахъ и домахъ, а высматривала все по крышамъ. Вдругъ ей показалось, что на одной крышѣ стоитъ ея мужъ. Да, это онъ, точно онъ, какъ живой стоитъ, думаетъ она. «Ивановичъ, Ивановичъ! Слѣзь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала». Проходящіе будто едва могли увѣрить, что на крышѣ стоитъ не мужъ, а статуя.

Балахонцы.

Балахна стоитъ ротъ распахня.

И. САХАРОВЪ. I.

Волковитяне.

Рака съ звономъ встрѣчали. Вотъ воевода къ намъ ползеть, щетинку въ зубахъ несетъ.

Борисоглѣбцы.**Кислогнѣздые.**

Большая часть жителей Борисоглѣбска состояла прежде изъ скорняковъ и клейщиковъ. Дома и дворы ихъ, наполненные семи фабричными заведеніями, издавали самый неприятный запахъ. Прохожіе, проходя Борисоглѣбскъ, съ досады говаривали: Кислогнѣздые! Нынѣ этотъ попрекъ совершенно уничтожился, и осталось одно преданіе.

Боровичи.**Луковники. Луку, луку зеленого!**

Поселяне Боровскаго уѣзда искони занимались огородною промышленностью, и осенью, проѣзжая по селеніямъ съ своими товарами, кричали во услышаніе всѣхъ: «Луку, луку зеленого!»

Брянцы.**Куралесъ.— Брянская коза.**

Въ старину брянскіе поселяне считались странными людьми у нашихъ стариковъ. Бывало, поѣдутъ ли на торгъ, а приѣдутъ или къ кружалу, или на гумно. Въ этомъ виноваты были ихъ лошадки, а поселянинъ, какъ выѣзжалъ изъ двора, такъ уже спокойно засыпалъ. Проѣзжіе, видя ихъ безпечность, прозвали ихъ куралесами.

Бѣжецане.**Колокольню рожкомъ подколотили.**

Въ незапамятное время, по разсказамъ стариковъ, поселяне Бѣжецкаго уѣзда, были страстные охотники до та-

баку и держали его въ рогѣ. Когда же хотѣли нюхать табакъ, то вынимали рожокъ и били имъ о ладонь или сапогъ. Кажется, что этотъ попрекъ приписали бѣжечанамъ раскольники, гонители табака.

Бѣлозерцы.

Бѣлозерскіе снетки.

Извѣстные бѣлозерскіе снетки, продаваемые по русскимъ городамъ, доставили бѣлозерцамъ его прозваніе.

Буевцы.

Буй да Кадуи чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуи у воротъ сидѣлъ.—Буй городокъ, отбей кошелекъ.— Дожосѣды. Лѣсники.

Есть народное преданіе, что когда-то татары хотѣли разорить городъ Буй; но, не зная къ нему дороги, шатались изъ лѣса въ лѣсъ. Буевцы, смѣясь татарскимъ баскакамъ въ Москвѣ, говорили имъ: «Буй да Кадуи чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуи у воротъ сидѣлъ».

Валдайцы.

Колокольники.— Молодецъ, купи баранокъ, а поцѣлуй въ придачу.

Варнавицы.

Медовики.

Ветлужане.

Санники.— Санникъ да телѣжникъ, а выѣхать не на чемъ.

Вильяне.

Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ.—Въ Вильнѣ семь дорогъ для жида, да три для поляка.

Витебцы.

Волынка и гудокъ, сбереги нашъ домокъ; соха и борона, разорили наши дома.

Вичуговцы.

Салфетошники.

Владимірцы.

Клюковники.— По клюкву, по клюкву, по красную клюкву.

Многіе изъ владимірскихъ поселянъ хаживали зимою по городамъ съ клюквою и причитывали разныя присказки о своей клюквѣ. Горожане подиѣтили ихъ слова и обрели въ попрекъ.

Собирались кулики, на болотѣ сидючи, они суздальцы и володимірцы, и волынка и гудокъ.

Это присловье составилось изъ народной пѣсни въ селеніи Гуслицы про владимірцевъ.

Деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.

Есть народное преданіе, что владимірцы пріѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвалы володимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ вы, плотники! У васъ и всего де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви». Деревянная печь дѣйствительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ близъ Успенскаго собора; золотыя Владимірскія ворота получили свое названіе отъ золотой главы; желѣзная церковь, стоявшая тамъ близъ Рождественскаго монастыря, уничтожена была въ концѣ XVIII вѣка.

Вологжане.

На словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ.

Вологодцы.

Теленка съ подковой съѣли.—Толоконники.—Толоконноъ Волгу замѣсили.

Старинная сказка о вологодцахъ—какъ они толокно мѣсили въ Волгѣ—доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Говорятъ, что когда-то они собрались въ дорогу и взяли съ собой вмѣсто хлѣба—толокна. Подходятъ къ Волгѣ; время было обѣденное. Вотъ и расположились на берегу обѣдать. Кашеваръ вынулъ мѣшокъ съ толокномъ и сталъ разводить дежень въ Волгѣ. Мѣшалъ, мѣшалъ ложкой, и сталъ подбивать земляковъ. Взяли ложки дружно вологодцы, принагнулись и полѣзли въ Волгу за деженемъ. Попробуютъ вода-водой. Гдѣ дежень? Никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Пристали къ кашевару. Вѣднѣй, сколько ни увѣрялъ, а долженъ былъ, опустясь въ Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнетъ ни съ чѣмъ. Земляки не пускаютъ его на берегъ. Догадался кашеваръ, что дѣлать, а догадавшись сказалъ: водяной съѣлъ. На водяномъ не будешь отыскивать, сказали вологодцы и воротились обѣдать въ свою деревню. Вѣдь не голоднымъ же было идти въ путь?

Вязнички.

Прянишники.—Ковришка съ анисомъ.—Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписанные.
Глупая Вязьма, безтолковый Дорогобужъ.

Вятчане.

Вятская баталія.—Слѣпороды.—Вятка всему богатству матка.

Хлыновскіе бояре.—Свистоплясцы.

Вятская баталія, говорятъ, происходила между вятича-

нами и морскимъ чудовищемъ. Неизвѣстно, кто эту баталію перенесъ на лубочныя картинки.

Слѣпородами вятчанъ прозвали послѣ несчастной ихъ битвы съ устюжанами. Это было въ 1480 году, когда къ нимъ они пришли, какъ сосѣди, на помощь противъ татаръ. Вятчане открыли сраженіе противъ устюжанъ ночью, подъ предводительствомъ Михаила Разсохина, а устюжанами управлялъ новгородскій выходецъ Анеаль. Съ разсвѣтомъ дня увидѣли они, что били своихъ сосѣдей, а не татаръ.

Вытегоры.

Камзольники.

Галичане.

Що парь галуньки.

Корову на баню тащили. — Городъ Галивонь, озеро Миронь, а люди кривичи. — Овчинники. — Толокно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, а толокна не достали.

Галичанъ наши дѣды называли кривичами, по ихъ хитрости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ. Сказка о толокнѣ почти одинаковая съ вологодскою.

Глуховцы.

Попушный табачекъ.

Даниловцы.

Любимые ловцы даниловцы невыдавцы. — Кошодавы: кошку не купили, а на базарѣ задавали.

Дмитровцы.

Лягушечники.

Волота, окружающія Дмитровъ, всегда бываютъ напол-

нены лягушками. Прохожіе и пробѣзжіе, пробѣзжая чрезъ сей городъ, бывали оглушены кваканіемъ лягушекъ и въ негодованіи прозвали и самыхъ жителей лягушечниками.

Дѣдновцы.

Макары.

Есть народное преданіе, что дѣдновцы, Рязанской губерніи, отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ и солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе, спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: «хорошо». Потомъ спросилъ и другихъ объ имени. Дѣдновцы, будто, вообразили, что имя старосты ихъ понравилось царю, всё до одного назвались Макарами. Государь, смѣясь, сказалъ: «Будьте же вы всё Макарами». Съ тѣхъ поръ дѣдновцы слывутъ Макарами.

Егорьевцы.

Самъ ножъ точить, а говоритъ не босы! — Рудометы.

Ельчане.

Сычужники. — Радуга ушатъ воды выпила. — У насъ, въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица втенка (утенка) вывела.

Одна ельчанка когда-то лѣтомъ поставила на дворѣ ушатъ воды, чтобы солнышко нагрѣло воду, а сама занялась хозяйствомъ. Въ это время, пришла корова и выпила воду. Приходитъ сынъ съ базара. Мать посылаетъ его посмотреть воду. Сынъ выходитъ на дворъ и видитъ: воды нѣтъ, а радуга распространилась надъ ушатомъ. Вотъ онъ

и кричитъ своей матери: «матушка, матушка! радуга ушатъ воды выпила».

Ефремовцы.

Въ кошелѣ кашу варили.

Ефремовцы зимою ходятъ съ обозами въ Москву и всю съѣстную провизию кладутъ въ лычные, плетеные кошелѣ. Когда-то у нихъ вышелъ весь запасъ каши, а безъ каши, извѣстное дѣло, мужику жить нельзя. Въ чемъ же варить? Гдѣ горшокъ взять?—думали мужики, собравшись въ кружокъ. Вотъ и придумала одна умная голова: будемъ же, ребята, варить кашу въ кошелѣ». Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Налъютъ воды въ кошель, засыпать крупъ, посмотреть: крупы цѣлы, воды нѣтъ. Снова нальютъ воды, а вода опять пропадетъ. Выбились ефремовцы изъ силъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «а що, ребята, неволить себя! будемъ варить кашу безъ воды?» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Разложили огонь, повѣсили надъ нимъ кошель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и всѣ пошли къ огню. Приходятъ—нѣтъ ни каши, ни кошеля—все сгорѣло.

Головотяпы.

Задѣйпровцы.

Задрипанцы.

Такъ кievляне въ старину величали запорожцевъ за ихъ неопрятность.

Ивановцы.

Богатъ и хвастливъ, какъ ивановскій мужикъ.

Кадуевцы.

Кадошники.

Казанцы.

Казань прогребли и орду прошли.

Калужане.

Калужанинъ поужинаетъ, а тулякъ такъ ляжетъ.—Щагольники: шаголь шаглуесть на осиновошъ дубѣ, да воскогурнетъ: ткау! ткау! — Наша Калузя Москвы болѣй не болѣй, а калачами да квасомъ удалѣй. — Козла въ тѣстѣ соложеномъ утопили.

Говорятъ, что старые калужане, собираясь когда-то въ дорогу, дожидались благопріятной погоды. Сбираться русскому мужику недолго; другое дѣло бабьи сборы. Скоро собрались мужики калужане. Всякій гадалъ о погодѣ по-своему. Вотъ досталось одному по жеребью посмотреть: куда дуетъ вѣтеръ? Выходитъ на дворъ, вѣтра нѣтъ; идетъ на улицу, вѣтра нѣтъ; подходитъ къ погосту, сидитъ ворона на осиновошъ деревѣ и кричитъ. Тутъ мужикъ вспомнилъ примѣты старыхъ людей и бѣжитъ къ избѣ съ крикомъ: «О, ребята, буде, буде ведрышко. Шаголь шаглуесть на осиновошъ дубѣ, а воскогурнетъ: ткау! ткау!»

Калининцы.

Свипью за бобра купили. У нашего Макарьи по три деньги Натальи, а грошъ дай, люблю выбирать.

Кашинцы.

Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Когда-то кашинцы собрались поохотиться. Сборы были долги: да за то собрались всѣмъ городомъ. Вотъ и спрашиваютъ другъ у друга: что бить? Что ловить? Миръ придумалъ, пригадалъ: бить волковъ. Далекое ходить было некуда; лѣсъ росъ подъ ногами. Стали по облавамъ и ждутъ

звѣря. Вѣжитъ звѣрь немудрый. Кашинцы вскрикнули, разомъ подняли дубину, да и давай мочалить звѣря. Лежитъ звѣрь убитый, а какой? Тутъ только міръ спозналъ, что убита воеводина собака. Съ воеводой даромъ не сладись; собрали со всѣхъ дворовъ окупъ, да и помирились съ нимъ.

Каширцы.

Шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре.

Каширскіе поселяне, проѣзжая съ барщины по Каширской дорогѣ, повсюду встрѣчали избы съ трубами, ворота съ растворами, сани съ козырями, точь-въ-точь какъ на барскомъ дворѣ. Староста Артема отдалъ приказъ мужикамъ: «Когда въѣдутъ въ такую деревню, то снимать всѣмъ шапки». Староста былъ мужикъ смысленный и догадливый; онъ прежде слышалъ, что въ такихъ деревняхъ живутъ только господа, и потому-то велѣлъ мужикамъ снимать шапки. Лишь только въѣдутъ въ деревню, мужики ужъ другъ другу кричатъ: «шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре». Послѣ открылось дѣло, что въ такихъ деревняхъ жили не бояре, а однодворцы.

Про каширскихъ однодворцевъ въ народѣ извѣстна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились передъ чортомъ. Чортъ, собравши виноватыхъ со всѣхъ деревень, положилъ ихъ въ рѣшето да и понесъ на базаръ продавать. Извѣстное дѣло, что онъ не ходитъ, не ѣздитъ, а только летаетъ. Поднялась буря. Чортъ давай разгонять бурю. Въ это время рѣшето повернулось, а однодворцы посыпались на каширскія поля. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, они живутъ тамъ цѣлыми селеніями.

Капорцы.

Крошевики.—Капорское крошево и кисло, и дешevo.

Каргопольцы.

Чудь бѣлоглазая. — Сыроѣды.

Кижане.

Золотую грамоту просили.

Кимряки.

Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ на чужую землю не перешель.

Кинешемцы.

Суконщики. — Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Сологда убытки платить.

Клиновцы.

Лапотники.

Костромичи.

Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла. — Костромичи вкучу, ярославцы прочь; они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворамъ искали; было шесть, сыскали семь.

Кологривцы.

Дегтярники.

Коломенцы.

Чернонебые.

Крапивенцы.

Сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Прослышали крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились ширяне въ праздничные кафтаны и сѣли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать вос-

воду, то послали десятскаго на колокольню, съ наказомъ: «какъ будетъ подъѣзжать воевода, звони». Заклубилась пыль по дорогѣ. Десятскій затрезвонилъ. Вышли міряне съ хлѣбомъ-солью. Глядятъ: ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему-то міряне и ударили челомъ.

Кромляне.

Живетъ въ кромахъ въ разныхъ домахъ.

Ливенцы.

Саламатой мостъ обломил.

Въ какое-то незапамятное время пріѣхаль въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили саламаты по горшку съ двора и повезли въ подарокъ воеводичу. Поѣхаль обозъ съ саламатой по мосту, а мостъ, некрытый, нешитый, изъ тычинокъ собранный, хворостомъ прикрытый, подъ саламатой провалился.

Любимцы.

Козу пряникомъ кормили.—Водохлебы.—Не учи козу, сама стянеть съ воза, а пречиста рука все причиститъ. — Двѣнадцатый часъ, а матушка съ міру не бывала.

Въ старину любимскіе поселяне не живали дома, а переселялись въ подносчики по кружаламъ и харчевнямъ, гдѣ они, какъ страстные любители чаю, получили прозваніе водохлебовъ и бухваловъ.

Въ незапамятную старину, двое любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обоихъ были одни сапоги, да и тѣ надѣли на разные ноги. Выѣхала лошадь. Дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь некормленая. Ёдутъ, да остановятся: будто конь изъ хомута вонъ, будто конь горячъ; а конь отъ го-

лоду ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнуты: подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы въ десять. Конь все стоитъ тутъ же.

Ладожане.

Щуку съ яиць согнали.

Луговцы.

Разн осчки.

Лихвинцы.

Лихвинскія горы, да новосильскіе воры злѣе всѣхъ.

Лучане.

Въ Луцкѣ все не по-людски: на вколо вода, въ срединѣ бѣда.

Это старинное присловье о Луцкѣ произошло отъ жидовъ и унитовъ, наполнявшихъ городъ въ началѣ XVII вѣка.

Точно такое же присловіе и о Каменцѣ: Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, въ срединѣ бѣда.

Малороссіане.

Мазепицы.—Хохлы.—Чубы.—Хохоль глупѣе вороны, а хитрѣе чорта.—Москаль продалъ съ хохла поясъ на ярмаркѣ за три деньги, а хохоль въ придачу пошелъ низа калачъ, ни за денежку.—Цапъ ведетъ сто барановъ на базаръ, а татаринъ сто хохловъ въ Крымъ.—Что вы за люди? Мы бо не люди, а малороссіане. Казакъ, коли ни пье, такъ воши бье, а всетаки не гуляе.

Можайцы.

Можайскій вѣтеръ.

Москвичи доселѣ такъ величаютъ можайскихъ поселянъ

людьми вѣтреными, въ торговыхъ дѣлахъ. Кажется, что это присловье дано было можайцамъ еще въ старину, когда они переходили отъ москвичей къ Шемякѣ и полякамъ противъ князя Василія Васильевича Темнаго.

Мосали.

Гуторы: гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу. — Матушка :Заугра! Не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосали отправили цѣлымъ міромъ своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву: почему православные принимаютъ людей на заработки? Староста выѣхалъ на саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрѣ. Время было на ростопели; рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ: сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади, да и выѣхалъ прямо на льдину, а мосали провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ; икры пошли за икрами; старосту затерло во льдинахъ. Взахались мосали, припали къ берегу и стали голосить: «Матушка Заугра!» не потопа нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку».

Мецняне.

Амчинина бы те во дворъ!

Когда-то мецняне, обиженные лѣтомъ проѣзжими, вздумали зимой отыскивать виноватыхъ. Лѣтомъ было не до того имъ: то сѣнокосъ, то жатва. Зимой другое дѣло: съ печи да на полати, съ полатей да на печь. Собрались міромъ и стали толковать: гдѣ же искать проѣзжихъ? Известное дѣло: на постоялыхъ дворахъ. Долго не думали: собрались всѣмъ міромъ на однихъ саняхъ, да отправились въ дорогу. Куда ни приѣдутъ, вездѣ находятъ виноватыхъ. Расправа коротка: въ кнуты да въ дубины. Съ тѣхъ поръ

мценскіе дворники не могутъ равнодушно слушать, когда имъ говорятъ: «Амчинина бы те во дворъ!»

Москвичи.

Рака съ звономъ встрѣчали.—Московскій часъ подожди. — Съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи. — Москаль не великъ человѣкъ, да бя! (опасень). — Правда московская. — Москаля верти (обманывай).—Видь москаля, полы срижи, да втекай.—Мать: кто иде? Дочь: Чортъ. Мать: Добре, дочушка, а бы не москаль. — Отъ чорта открестись, а отъ москаля дубиной не отобьешься.— Въ Москвѣ толсто звонять, да тонко ѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.—Винь какъ намоскалился, що изъ пидъ живаго пята рѣжить. — Видно великъ городъ, что семь воеводъ. Въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ. — Живеть въ Москвѣ не въ малой тоскѣ.— Два брата съ Арбата, а оба горбаты.—Съ Москвы, съ посада, съ овощнаго ряда.

Многіе московскія присловья принадлежатъ временамъ историческимъ. Такъ присловье: Правда московская вышло отъ псковичей, когда москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности. — Видно великъ городъ, что семь воеводъ — указываетъ прямо на семибоярщину. Другіе же выдуманы малороссіянами. Такъ присловье: Московскій часъ подожди — произошло отъ медленности въ дѣлахъ. Поговорка москвичей: сейчасъ! — надоѣла малороссіянамъ.

Муромцы.

Калашники.—Вертячіе бобы.—Святогоны.
Послѣднее присловье осталось за муромцами съ того вре-

мени, когда они выгнали изъ своего города епископа Василия, въ XIII вѣкѣ.

Нерехонцы.

Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ наставить. — Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ. — Нерехонтскіе бѣгуны.

Нерехонтскіе поселяне получили прозваніе бѣгуновъ отъ того, что они зимою ходятъ съ безменою по селамъ покупать пряжу.

Новгородцы.

Долбежники. — Гущеѣды. — Упрямя, какъ новгородецъ. — Ты вѣдь не новгородской дворянинъ.

Долбежниками москвичи называли новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущеѣдами прозвали новгородцевъ за постное кушанье, во время поста приготовляемое изъ ободраннаго ячменя, свареннаго въ одной водѣ. Въ старину хлѣбосольные москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не пріѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не новгородскій дворянинъ.

Нижегородцы.

Бородка нижегородка, а усъ макарьевскій.

Дома каменные, люди желѣзные. — Татинецъ да Слопинецъ ворами кормилецъ. — Нижегороды не уроды.

Селенія Татинецъ и Слопинецъ, находящіяся отъ Нижняго Новгорода въ 60 верстахъ, были въ старину опасными мѣстами для проѣзжающихъ. Сюда, по народнымъ преданіямъ, заѣзжали позабавиться волжскіе разбойники, о которыхъ нынѣ остались одни воспоминанія.

Другіе это присловье измѣняютъ иначе: усь макарьевскій—усь астраханецъ.

Новоторы.

Города Коростеня, владыче Олгино, народъ кривичи.

Въ Новоторжскѣ есть близъ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорятъ: «Мы люди старыя; прежде были посадскіе города Коростеня, владѣнье Олгино, народъ кривичи».

Новоторы воры.

Такъ съ незапамятныхъ временъ новоторовъ величаютъ осташи, а новоторы отвѣчаютъ имъ тогда на этотъ попрекъ: «И осташи хороши!»

Олончане.

Олонцы—добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и молодець. — У насъ одинъ молодець съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все сътворогомъ. — Одинъ молодець ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатила, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку, почувалъ, что-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло? подумалъ. Глядитъ: брюхо цѣло, ремень лопнулъ! Голову нагнулъ и шапку надѣлъ. — Любезный олонецъ, бѣлые берега. — Кайваны въ Олонецъ не бывали.

Всѣ эти старинныя присловья остались только въ народныхъ преданіяхъ москвичей. Нынѣ только за олончанами осталось одно присловье: добры молодцы.

Онежане.

Прохоровы дѣти. Прохоряты.—Прохоръ письмоприслалъ, а лабодырному велѣлъ деньги сбирать. — Во всей Онеги нѣтъ телѣги. — Лѣтомъ воеводу на саняхъ возили по городу. — На рогахъ анучи сушили.

Орловцы.

Проломленные головы. — Орель да Кромы первые воры, да и Карачи на поддачу.

Одоевцы.

Молодецъ, молодецъ! Продай за грошъ постныхъ яицъ!

Когда-то одоевцы пріѣхали въ Москву за товарами. Пришло время обѣденное, вотъ они и нарядили молодца—купить все нужное къ обѣду. Молодецъ идетъ на рынокъ и видитъ огурцы. Дивится одоевецъ огурцамъ, а не знаетъ какъ ихъ назвать. Молодецъ! что то за товаръ!—спрашивалъ одоевецъ у москвича. Москаль догадался, что птица налетѣла заѣзжая, и давай говорить: «Постные яйца, снесли птицы заморскія, а къ намъ въ Москву приплыли по Москвѣ-рѣкѣ». Да! подумалъ одоевецъ, теперь Петровки; оно и встаети, куплю же ихъ. И сталъ торговать: «Молодецъ, молодецъ, продай за грошъ постныхъ яицъ?»

Осташки.

Волчьи обѣдки.—Ершеѣды.—Опозорили, опозорили. Да чѣмъ же? Ужъ и не говори!

Псковичи.

Небо ко льями подпирали.

Когда-то во Псковѣ было долго ненастное время, тучи ходили низко, такъ низко, что православные думали небо

валится на землю. Собрались на мірскую сходку подумать—какъ бы отбыть бѣду? Три дня псковичи думали, а на четвертый приладили дѣло: «разобрать городьбы, да кольями подпереть небо. Разобрали городьбы и стали съ кольями по всѣмъ концамъ города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идетъ посадскій по городу, самъ бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, посередь площади становится, а самъ говоритъ: «Здорово-те, православные! отбыла бѣда; идите по домамъ».

Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу.

Будто въ старину, когда просватывали невѣсту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередь полу, а невѣста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу». Если она соглашалась, то становилась въ кругъ; а если нѣтъ, то начинала плакать.

Пенежане.

Покупала по цетыри денецки, продавала по дви грошики. Варыша куца-куцей, а денегъ ни копиецки.

Одна пенежанская крестьянка пріѣхала когда-то изъ деревни въ городъ Пинегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда мужъ спрашивалъ у ней, что она дѣлала въ городѣ? жена ему отвѣчала вышеприведенными словами.

Пензяне.

Сура рѣчка у насъ важная, течеть потихоньку, донышко у нея серебряное, круты бережка позолоченные.

Петроаводцы.

Качу лавочку, качу мытной дворъ, качу свой торжокъ.—Боску съѣли.—Боска, боска, на тебѣ костку!

Пешехонцы.

Слѣпороды: въ трехъ соснахъ заблудились. — За семь верстѣ комара искали, а комаръ у пешехонца сидѣлъ на носу. — На сосну лазили Москву смотрѣть.

О старинныхъ проказахъ пешехонцевъ у насъ, на Руси, была издана особенная книга: «Анекдоты древнихъ пешехонцевъ. Соч. Василія Березайскаго. Спб. 1798. Второе изданіе было напечатано въ 1821 году, съ прибавленіемъ словаря. Но это собраніе пешехонскихъ анекдотовъ состоитъ большею частію изъ произвольныхъ вымысловъ, а часть даже переведена съ польскаго.

Ржевцы.

Батьку на кобеля прожѣняли.

Романовцы.

Схорони концы.—Барана въ зыбкѣ качали.

Когда-то въ старину одинъ изъ романовскихъ поселянъ укралъ ягненка. Встосковался хозяинъ по ягненку! «Нельзя жить безъ него», всѣмъ онъ говорилъ.— Наложу руки на себя, кричала его жена. Сжалились православные надъ бѣдняками, ударили въ набатъ. Сошлись міряне на сходку. Вотъ міръ и придумалъ: идти съ повальнымъ обыскомъ по домамъ, а какъ виноватаго найдутъ—такъ безъ пощады въ рѣкѣ утопить. Приходятъ къ вору съ обыскомъ. Романовецъ, прослыша про мірской приговоръ, спеленалъ ягненка и положилъ въ колыбель. Входятъ міряне. Романовецъ

качаетъ барана, будто свое дитя. «А гдѣ, родимый, ты спряталъ-то барана?» говорили ему старики. «Вотъ вамъ правая рука! даю чрезъ милое дитя, и чтобы ему съ матерью на ножѣ поторчать», отвѣчалъ романовецъ старикамъ.

Ростовцы.

Вислоухіе. Лапшеѣды.— Озеро соломой зажигали.— У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, лука-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухими— старики прозвали ростовцевъ за зимнюю шапку съ длинными ушами; лапшеѣдами— за любимое ихъ кушанье, лапшу.

Когда-то въ Москвѣ понадобилось много рыбы. Послали батраковъ съ наказомъ по городамъ: свозить рыбу въ Москву. Такія прибыльныя вѣсти дошли до Ростова. Въ то время на дворѣ стояли крещенскіе морозы. Озера всѣ замерзли. Думаютъ ростовцы: гдѣ же взять рыбы? Не стать изъ снѣгу валять. Думали день, не придумали; на другой собрались и порѣшили: снять съ крышъ солому, да соломой и растопить озеро. Снесли солому съ крышъ и принесли на озеро. «Ну, ребята, говорить староста, зажигай на счастливую!» — Занядала солома, что твой Ивановъ день. Озера не растопили, только деревню спалили.

Рязанцы.

Кособрюхіе.— Мѣшкомъ солнышко ловили.— Блинами острогъ конопатили.

Когда-то рязанцы воевали съ москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться никому не хочется. Вотъ москвичи и догадались: пустить солнышко на рязанцевъ: «ослѣпнуть-де они. Тогда и безъ бою одолѣемъ ихъ». Засвѣтило солнышко съ утра, а москвичи и стали махать шапками на рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце пово-

ротило свой ликъ на рязанцевъ. Догадались и рязанцы: высыпали изъ мѣшковъ толокно, и стали ловить солнышко. Поднимуть мѣшки вверхъ, наведуть на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглядятъ вверхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопаное. Не одобровать намъ, говорили рязанцы:—попросимъ миру у москвичей; пускай солнце возьмутъ назадъ. Сдумали и сдѣлали.

Когда-то прогнѣвался воевода на рязанцевъ и грозилъ имъ большой бѣдой. Проходить годъ, проходить два, а воевода все не выдумаетъ большой бѣды. Наступила масляница. Запировали рязанцы. Бьетъ воевода въ набатъ; собираются православные на базаръ. Идетъ воевода — не кланяется, а подошелъ къ людямъ, молвилъ: «Вы-де и забыли, что острогъ не замшенъ. Конопатить скорѣй». До того ли рязанцамъ было; у всѣхъ одно на умѣ: блины. Вотъ и придумали мужики: всѣхъ блиновъ не поѣдимъ; постъ на носу. Законопатимъ острогъ блинами. Сдумали и сдѣлали. Идетъ воевода смотрѣть острогъ. Смотрить: вездѣ крѣпко. «Давно бы такъ-то, говорилъ воевода рязанцамъ, — слушались меня».

Скольяне.

Якой губерни? Смоленской. Якого уѣзда? города Драгобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого барина? Про то не вѣдамъ.

Крупинники. — Хоть бейся о Малоховскія ворота. — Крѣпокъ какъ Малоховскія ворота.

Старичане.

Пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ съ солью.

Прослышали старичане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозень посоль. Надо умилоствить грознаго посла, го-

ворили старики на мірской сходѣ. «Вы, люди старыя, придушайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь отъ васъ». Придумали старики: напечь пироговъ съ яйцами и идти за городъ съ поклономъ на встрѣчу къ послу. По сказанному, какъ по писанному, все было сдѣлано. Прибѣжали ребята съ поля, повѣдали всѣмъ: пришелъ грозенъ посолъ; стоять у города; шуба навыворотъ; самъ низенекъ, а поперегъ о пяти охватъ, словечка не молвить, а шипить только». То не грозенъ посолъ подходитъ къ Старицѣ, а залетѣлъ индѣйскій пѣтухъ. Вышли старичане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали по старому, всѣ безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху: «Вотъ тебѣ пирогъ и яйца, не погуби нашъ городъ Старицы».

Возьми сорокъ алтынъ? — Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдамъ.

Спасцы.

Откуда ты, молодецъ? Спасскій купецъ. Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: сальными свѣщами и чистымъ дегтемъ.

Староруоцы.

Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

Судиславцы.

Грибовики.

Солигаличане.

Бревенчики. — Известняки.

Суздальцы.

Мизенники. Мазалы. —

Въ Суздаль, да въ Муромъ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

Серпуховцы.

Дядя ѣдетъ изъ Серпухова, бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

Сибиряки.

Сибирь золотое дно.

Тамбовцы.

Молоканы.—Хрептуки степные.

Твертяне.

Рапушники. — Забѣгай, забѣгай! А что? Не видишь, что куница бѣжитъ. Это собака съ Клементьева двора. Ну, такъ пускай себѣ бѣжитъ.—Новоприведенная дѣвонька. — Цуканы.

Тихвинцы.

Свято то мѣсто, гдѣ тихвинца нѣтъ.—Козу на колокольню тащили.

Торопчане.

Таботеры. — Торопчанина обманетъ цыганъ, цыгана жидъ, жида грекъ, а грека чортъ.

Говорять старики, что такое новгородское присловье о торопчанахъ разошлось изъ Новгорода по всѣмъ городамъ, когда цыганъ вымѣнялъ лошадей на лапти во всемъ Торопцѣ.

Троицане.

Поляки съ пушками, а мы съ клюшками.

Это относится въ осадѣ Троицкой Сергіевой лавры при тушинскомъ самозванцѣ.

Туляки.

Стальная душа.— Блоху на цѣпь приковали.— Бачика, присядь, присядь, чижи летять.— Хорошъ заяцъ, да тумакъ; хорошъ малой, да тулякъ.— Живеть въ Тулѣ да ѣсть дули.— Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.

Очень-очень давно было, когда тульскіе оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всѣмъ разспросамъ, никто уже не помнитъ; тогда, говорятъ старожилы, они любили сидѣть подъ мостомъ и встрѣчать проезжихъ гостей. Въ эти-то времена они заслужили себѣ присловье: «хорошъ малой, да тулякъ».

Въ старину тульскіе оружейники бывали большіе охотники до чижей и соловьевъ. Съ начала весны они отправлялись ловить по лѣсамъ пѣвчихъ птицъ. Когда-то отецъ съ сыномъ долго бродили по лѣсамъ, безъ всякой удачи. Отецъ влѣзъ на дерево посмотрѣть, а сынъ разставлялъ тенета и сыпалъ для приманки сѣмячко. Вдругъ полетѣли чижи. Отецъ этого не видалъ. Сынъ кричитъ ему: «Бачика! присядь, присядь, чижи летять». Отецъ все поглядываетъ вдаль. Съ досады и отчаянія потерять чижей, сынъ беретъ дубинку и сталкиваетъ отца съ дерева.

Усольцы.

Огуречники.

Устюжане.

Красноязыки.—Черносеребрянники.—Мазы.

Угличане.

Не бось, не бось, батька! вѣдь это не наше.

Было время, говорятъ старики, котораго давно никто не помнитъ, ненастное и голодное; въ это-то время собрались угличкіе мужики, отецъ съ сыномъ, поворовать съ горя.

Ночь была темная, а отец на бѣду еще былъ и подслѣ-
повать. Какъ вышли изъ двора, то и дорога пропала. Про-
пѣли третьи пѣтухи, и дорога сыскалась, когда уже про-
шло золотое время. «Поди, батъко, такъ говорилъ сынъ отцу,
ты посмѣлѣй меня». Какъ на бѣду, отецъ, куда ни придетъ,
вездѣ мерещится ему свой домъ. Сынъ указалъ отцу чужой
домъ. Лѣзетъ старикъ на сыниныхъ плечахъ, и за что ни
дотронется, все какъ будто свое беретъ, а сынъ ему кри-
чить: «Не бось, не бось, батъко! вѣдь это не наше!»

Холмогорцы.

Заугольники.

Какъ-то разъ Петръ Великій проѣзжалъ въ Архангельскъ;
холмогорскіе старовѣры, изъ страха, боясь приблизиться
къ государю, смотрѣли на него изъ-за угла. Съ тѣхъ
поръ будто сосѣди стали ихъ называть заугольниками.

Чухломцы.

Чухломской рукасу! Рукавицы за пазухой, а
другихъ ищеть.

Шуапе.

Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

Вѣсавъ солдаты отдавали.—Въ Питерѣ бывалъ,
на полу сыпалъ и тутъ не упалъ.

Юрьевцы.

Китаешники.

Ярославцы.

Вѣлотельцы.— Ярославль городокъ, Москвы
уголокъ.— Пудъ мыла извели, а родимаго пятна
у сестры не смыли. Красавцы.— Пѣсенники.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ.

Бѣляевъ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

Ванъ - день - Бергъ Краткая исторія Востока (египтянъ, ассириянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикиянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Переводъ съ французскаго. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляри. Ц. 1 р. 50 к.

Есиповъ Г. В. Тяжелая память прошлаго. Разказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляри и другихъ архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ; Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р., съ пересылкой 17 р.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипін съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по

8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи новаго времени. Съ дополненіями и примѣчаніями, съ указаніями на историческую литературу. Ц. 80 к.

Карѣевъ, Н. Моиимъ критикамъ. Защита книги «Основные вопросы философіи исторіи». Ц. 80 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

Карновичъ, Е. П. Историческіе разказы и бытовые очерки съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Ц. 2 р.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школь, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунками. Переводъ Ѳ. И. Булгакова. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (А. С. СУВОРИНА) ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ВЪ МОСКВЪ.

Лейкнеръ Отто. Нашъ Вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множествомъ портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два брльшихъ тома, 1552 стр. текста и 104 стр. указателей. Цѣна за 2 т. 18 р., съ пересылкой 20 р.

Мериме. Вареоломеевская ночь. Историческая хроника. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Магаффи. Древне-греческая жизнь, переводъ съ англійскаго (съ примѣчаніями). М. Стратилатова. Съ 8 рисунками. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Масальскій Конст. Стрѣльцы. Историческій романъ. I. т. 548 стр. СПб. 1882. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878 г.). Изданіе второе, исправленное и

дополненное. 2 тома. Ц. каждому тому 2 р.

Пассемъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя (проектъ академика Витберга 1817 г.). Ц. 4 р.

П—ъ, С. Къ царскому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к., въ перепл. 80 к.

Русская портретная галерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Выходить выпусками каждый изъ 6-ти портретовъ, большаго формата, съ краткими біографіями. Ц. каждому выпуску 2 рубля.

Симеонъ Полоцкій. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Спб. 1882. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и др. украшеніями. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

Штернъ, А. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный бібліографическими указаніями. Ц. 2 р.